

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Циммерлинг (Москва). Системы порядка слов в славянских языках	3
А.Ф. Журавлев (Москва). Категория числа у русского наречия	38
А.Б. Летучий (Москва). О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке	57

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Е.В. Перехвальская (Санкт-Петербург). Рукописный архив Е.Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка)	88
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

А. Бердичевский (Берген). Языковая сложность (language complexity)	101
--	-----

Рецензии

Н.Б. Мечковская (Минск). <i>М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010</i>	125
Н.Д. Светозарова (Санкт-Петербург). <i>Ю.А. Клейнер. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Изд-во факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010</i>	131
Вяч.Зс. Иванов (Москва/Лос-Анджелес). <i>R. Watson, W. Horosowitz. Writing science before the Greeks. A naturalistic analysis of the Babylonian astronomical treatise MUL.APIN. Leiden: Brill, 2011</i>	133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.С. Холкина (Москва/Пекин), Ю.Л. Кузнецова, А.Б. Макарова (Тромсё). XI Международная конференция по когнитивной лингвистике (ICLC–XI)	140
Р.К. Потапова, В.В. Потапов (Москва). XIV Международная конференция SPECOM'2011 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)	146
И.Н. Левина (Санкт-Петербург). Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова)	154
Ю.С. Капитанова (Москва). Виноградовские чтения 2012 г.	158

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Вяч.Зс. Иванов, Н.Н. Казанский, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.И. Подлесская, В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© А.В. ЦИММЕРЛИНГ

СИСТЕМЫ ПОРЯДКА СЛОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В славянском ареале имеется пять типов систем порядка слов, определяемых как W-системы, W⁺-системы, W*-системы, V-системы и C-системы: в первых четырех типах имеются цепочки клитик. Под цепочкой понимается последовательность элементов, где устанавливается единственно возможный порядок для любых пар a, b, когда они стоят контактно друг с другом. Славянским языкам свойственна корреляция между кластеризацией и рангом синтаксической области: кластеризуются только клитики уровня предложения, но не клитики уровня группы. Данное обобщение распространяется и на местоименные клитики винительного и дательного падежа, которые могут выступать и как предикатные клитики, и как клитики уровня ИГ/ПГ. Цепочки клитик имеют свойства синтаксических групп, их элементы принадлежат единой синтаксической области. Имеет смысл отличать цепочки от последовательностей смежных клитик: первые всегда состоят из элементов одного уровня. Порядок кластеризуемых элементов определяется правилами рангов. Выделяется три ареальных типа славянских правил рангов. Славянские языки имеют до шести синтаксических типов категорий, способных принимать клитики; среди них сентенциальные составляющие. Правила барьера, порождающие производные порядки слов, где вся цепочка или часть клитик цепочки стоят вне канонической позиции кластеризации, действуют в славянских W-, W⁺- и W*-системах, независимо от того, имеются ли в них ограничения на контактную реализацию глагола и клитик. Барьер главного предложения порождает порядок с глаголом на втором месте от начала клаузы: XP – V – CL. Чешский и болгарский языки не используют барьеры главного предложения в повествовательных клаузах, но разрешают ансамбли, т. е. комбинации начальных групп при порядке XP – CL. Фонетический и синтаксический аспекты строгой энклизы могут не соответствовать друг другу. Ряд славянских языков допускают парентетические вставки, которые не меняют уже порожденную синтаксическую структуру с клитиками.

Ключевые слова: порядок слов, клитики, цепочки, синтаксическая типология, правила рангов, правила барьера, славянские языки.

Slavic word order systems fall in five types, tagged W-systems, W⁺-systems, W*-systems, V-systems, and C-systems in the paper. The first four types have clitic clusters. A cluster is defined as a contact sequence of elements a b c ... n from {a, b, c ... n}, where the linear order for each pair a, b is fixed. In Slavic languages only clause-level clitics clusterize. This generalization holds for pronominal dative and accusative clitics that can both be clause-level and phrase-level elements. Clusters are phrases and should be distinguished from occasional sequences of adjacent clitics. Clusterizing elements represent one domain, adjacent clitics can represent two or more domains. The internal order in clusters is triggered by Template Rules. There are three areal types of Slavic Template Rules. Slavic languages use up to six different types of clitic hosts, including CPs. All Slavic languages with clusters have Barrier rules that generate derived word orders. The Main Clause Barrier rule typically gives rise to V2

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров». Я благодарю рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные критические замечания. Кроме того, я благодарю Петера Косту, Гульельмо Чинкве, Иляну Крапову, Анастасию Яннакиду, П.М. Аркадьева, А.В. Сидельцева, О.И. Беляева, М.Н. Толстую, Н.В. Перцова и Е.Ю. Иванову, которые имели возможность ознакомиться с фрагментами данного исследования. Ответственность за конечные формулировки и все недочеты целиком лежит на авторе статьи.

orders as XP – V – CL. Czech and Bulgarian do not apply the Main Clause Barrier rule in declaratives but allow the so called ensembles, i. e. combinations of initial groups preceding clusters with the order XP – CL. There is a mismatch between phonetic and syntactic aspects of strict enclisis. A number of Slavic languages allow for postsyntactic parenthetical insertions that do not change well-formedness conditions for enclisis.

Keywords: word order, clitics, clusters, syntactic typology, templates, barriers, Slavic languages.

0. Программа исследования. Предмет статьи находится на пересечении типологии клитик и теории синтаксических ограничений: обсуждаются релевантные для синтаксиса особенности дистрибуции цепочек клитик – объектов, имеющих в большом числе языков мира, см. [Aikhenvald 2002: 52]. Теоретической основой служит подход, использованный в [Циммерлинг 2002: 69–98; Zimmerling 2006; Kosta, Zimmerling 2012; Циммерлинг 2012a]. Многие из перечисляемых ниже положений выдвигались и другими лингвистами.

1) Ограничения на развертывание синтаксических структур (синтаксические ограничения) являются отражением генеративной способности и по возможности должны описываться в терминах грамматики.

2) Тернарное противопоставление «словоформы – клитики – аффиксы» продуктивно как в модулярных, так и в иерархических многоуровневых концепциях грамматики¹.

3) Кластеризуемые и некластеризуемые клитики, возможно, являются синтаксическими объектами разного типа, поэтому нет оснований трактовать цепочки кластеризуемых клитик просто как фиксированные последовательности обычных клитик.

4) Клитики вводятся специальными правилами, см. [Halpern 1996: xvi]. Множества синтаксических и просодических клитик не всегда совпадают в пределах одного языка, см. [Зализняк 2008: 8].

5) Клитики общего синтаксического типа могут иметь разные просодические свойства; клитики с общей просодической характеристикой могут иметь разные синтаксические свойства в пределах одного и того же языка, см. [Sadock 1995].

6) Цепочки клитик имеют признаки синтаксических групп особого типа, см. [Kosta, Zimmerling 2012].

7) Линеаризация цепочек связана с ограничениями на расстановку полноударных категорий предложения, представленных группами, см. [Zimmerling 2006].

8) В языках с цепочками клитик базовым порядком слов следует считать тот, при котором все клитики стоят контактно в позиции кластеризации. Клитики упорядочиваются правилом рангов, устанавливающим относительное расположение любых двух кластеризуемых клитик, когда они стоят контактно.

9) В языках с цепочками клитик имеются правила барьера, порождающие производные контекстно обусловленные порядки слов с кластеризуемыми клитиками, см. [Rouveret 1999; Ćavar, Wilder 1999]. В результате действия правил барьера возникают порядки слов, где все или часть клитик стоят вне позиции кластеризации, см. [Зализняк 1993: 286].

Положения 1–9 не являются постулатами какой-либо формальной доктрины и в той или иной мере поддаются эмпирической проверке: детальный анализ материала может повлечь пересмотр или модификацию данных положений.

1. Цепочки и типы языков. Системы порядка слов с цепочками клитик исследуются в статье на примере языков славянской группы индоевропейской семьи, где языки с цепочками составляют большинство от общего числа синтаксических систем, см.

¹ Оценочные выражения вроде «по возможности должны» в п. 1 или «продуктивны» в п. 2 указывают на то, что для принятия альтернативного взгляда, например для отрицания категориального различия между клитиками и аффиксами, требуются более фундаментальные теоретические и эмпирические доводы, чем для сохранения этого различия.

[Dimitrova-Vulchanova 1999; Franks, King 2000; Циммерлинг 2009а; Franks 2009; Kosta, Zimmerling 2012; Циммерлинг 2012б].

Цепочкой (cluster) признается сложный синтаксический объект, состоящий из элементов {a, b, c... n}, таких что они могут употребляться самостоятельно вне комбинации друг с другом, но при контактной реализации упорядочиваются единственным образом, так что для любых пар элементов a, b направление развертывания $a > b$ является заданным. Элементы, удовлетворяющие данному определению, называются далее кластеризуемыми. Эмпирическим путем установлено, что почти все найденные в естественных языках кластеризуемые элементы относятся к классу клитик, т. е. просодически и синтаксически дефектных выражений, линейризуемых при помощи правил, не действующих на полноударные категории предложения, см. [Zwicky 1977]. Вместе с тем не доказано, что кластеризуемые и некластеризуемые клитики имеют одни и те же синтаксические свойства. Теории, которые игнорируют различия между двумя данными разрядами клитик и трактуют цепочки просто как последовательности смежных безударных элементов, не привязанных к определенной синтаксической области, ср. [Agbayani, Golston 2010], имеют недостаточную объяснительную силу.

Описаны языки, где материально тождественные клитики в одних синтаксических областях являются кластеризуемыми, а в других – некластеризуемыми, см. [Kosta, Zimmerling 2012]. В славянских и ряде других языков кластеризуются только предикатные клитики уровня предложения (clause-level clitics), а клитики уровня непредикатных групп (phrase-level clitics) не кластеризуются [Циммерлинг 2012а]. Системы порядка слов с цепочками могут быть классифицированы исходя из того, в какой позиции в них происходит кластеризация и какие ограничения на развертывание предложения из этого проистекают. Такая программа исследования реализована в наших работах [Zimmerling 2006; Циммерлинг 2012а; 2012б], где выделено четыре типа языков с клитиками: W-системы, W⁺-системы, W*-системы, V-системы.

1.1. Определения типов. W-системами являются языки, где цепочки клитик (CL) в стандартном случае ставятся после начальной группы предложения (XP), или первого фонетического слова начальной группы (X), или синтаксического выражения, приравненного к XP/X, например подчинительного союза (Comp), а требование контактной позиции цепочек клитик и постпозитивных глагольных форм (V) отсутствует. Знак # в записи (i) указывает на границу клаузы.

(i) # XP/X – CL [...] V

Имеется большое число языков разных семей, удовлетворяющих формуле (i). Такие языки обнаруживаются в разных ареалах, ср. пашто [Tegey 1997], варльпири [Nash 1986], тамазигхт [Quali 2010], люмми [Jelinek 2000], кьявини сапотек [F. Lee 2000], кавиненья [Guillaume 2008], маори [Herd 2003], кашибо-какатайбо [Zariquiey Biondi 2011]. Формуле (i) соответствует также ряд древних индоевропейских языков: древнегреческий, древнеиндийский, авестийский [Wackernagel 1892], хеттский [Garrett 1996], древненовгородский диалект [Зализняк 1993].

W⁺-системами являются языки, где цепочки клитик (CL) имеют фиксированную позицию относительно границы клаузы (#) и одновременно действует требование контактной позиции цепочек и глагола (V). Есть несколько разновидностей W⁺-систем, различающихся тем, какая граница клаузы служит ориентиром для CL и V и которая из этих двух категорий имеет меньше разрешенных линейных позиций. Наиболее распространены языки, где ориентиром для CL служит левая граница клаузы (# ...), цепочки стоят после начальной группы / первого фонетического слова, а глагольные формы стоят непосредственно после цепочек или непосредственно перед ними.

(ii) # XP – [CL – V] ~ # [V – CL] ~ *# [CL – V] ... ; # ... V ... #

Формуле (ii) за пределами славянского ареала соответствуют синтаксические системы центральнофилиппинских языков. О других типах W⁺-систем см. ниже.

V-системами являются языки, где ни цепочки, ни глагол не имеют фиксированной позиции относительно границ клаузы, но цепочки клитик принадлежат глагольной группе (VP) и реализуются контактно с ее вершиной, что соответствует формуле (iii).

$$(iii) \# \dots [_{VP} CL + {}^{\circ}V] \dots \#$$

Формуле (iii) соответствуют французский, испанский, итальянский [Cardinaletti 1999], новогреческий, албанский, вероятно, варекена и тарьяна [Aikhenvald 2002].

W*-системами являются языки переходного типа, которые в разных типах клауз и/или при разных типах клитик используют механизмы линейаризации, характерные для W-систем, W⁺-систем и V-систем. Примерами W-систем являются цюрихский диалект немецкого языка [Cooper 1999], гуринди и мудбурра [McConvell 1996], позднее греческое койне [Кисилиер 2009].

1.2. Разновидности W-систем. В литературе обсуждалось не менее 20 славянских систем порядка слов с цепочками клитик уровня предложения, действующих в современных сербохорватском, словенском, болгарском, македонском, бургенландском хорватском [Browne 2007], русинском языке Воеводины [Browne 2008], украинском карпатском диалекте с. Синевир [Толстая 2000], чешском, словацком, польском, нижнелужицком и верхнелужицком, кашубском, славизано [Kosta 2009], а также в старославянском, древнечешском, старопольском, книжном южно-древнерусском [Зализняк 2008], древненовгородском диалекте. Чтобы оценить их место в рамках предложенной классификации, нужно рассмотреть подтипы W-систем и W⁻-систем.

W-системы, где цепочки ориентированы на границу клаузы, а требования контактной реализации клитик и глагола нет, делятся на два подкласса в зависимости от того, есть ли в этих языках начальные ИГ (или любые группы иного типа, представленные двумя и более фонетическими словами), способные принимать цепочки. В части W-систем, обозначенных в [Циммерлинг 2012а] как W₁-системы, либо начальных ИГ нет (ср. люмми), либо они не принимают цепочки клитик (ср. кабийский). Все известные нам W₁-системы являются строгими языками V1: клитики в них присоединяются либо к начальному глаголу, либо к элементу, входящему в некоторый закрытый класс, – видо-временному оператору (в афроазиатских языках) или кванторному слову (в люмми), ср. *mək*^w ‘весь’, ‘все’ в (1a–b).

- (1) люмми
a. <u>ɲa-t-∅</u>	= <i>sx</i> ^w	'əw'	<i>mək</i> ^w .
есть-TR-3P.ABS	2SG.NOM	AUX	весь
'Ты съел это / их все'.			
b. <i>mək</i> ^w	= <i>sx</i> ^w	'əw'	<u>ɲa-t-∅</u> .
весь	2SG.NOM	AUX	есть-TR-3SG.ABS
'то же'			
- (2) люмми
<u>leŋ-t-onəl</u>	= <i>yax</i> ^w	= <i>lə</i> '	= <i>sx</i> ^w .
видеть-TR-1PL.ACC	EVID	PST	2SG.NOM
'Ты, очевидно, увидел нас'.			

В славянском ареале строгих языков V1 нет, поэтому прогнозируемым результатом будет отсутствие W₁-систем. В другом подклассе, по номенклатуре [Циммерлинг 2012а] – W₂-системах, начальные ИГ, способные принимать цепочки, возможны. Имеются три сценария. В некоторых W₂-системах клитики присоединяются к первому фонетическому слову первой группы, разрывая ее: [_X W¹] – CL – [_X W²]. Постановка кластеризуемых клитик после первой полной группы в этих языках исключена:

$$(iv) [_{XP} [_{X} W^1] - CL - [_{X} W^2]] \sim *[_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL$$

Формуле (iv) соответствуют хеттский и древнегреческий языки, ср. пример (3).

- (3) хет.
 [NP *āššuš...*] = *aš...* [NP *halugaš*] wemiškiddu mayantan
 добрый =они:ACC весть найти:3SG.IMP сильный:ACC
 DUTU =šummin MUNUS tawanannan AN.BAR-aš G^{IS}DAG-ti #
 Бог.Солнце =наш:ACC Таванна:ACC железо-GEN тронный.помост-LOC
 ‘Пусть добрая весть найдет их, нашего сильного Бога-Солнце (и) Тавананна на тронном помосте из железа’² (MS (CTH 591.I.a.A) KBo 20.67+Rs. IV 20-27).

В другой части W_2 -систем кластеризуемые клитики могут стоять как после первого фонетического слова, так и после первой полной группы.

$$(v) [_{XP} [_{X} W^1] - CL - [_{X} W^2]] \sim [_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL$$

Формуле (v) соответствуют варльпири, варумунгу, луисеньо, см. примеры (4a–c).

- (4) варльпири
 а. [NP **Kurdu-ngku wita-ngku**] = *ka* maliki wajlipi-nyi.
 дитя-ERG маленький-ERG AUX.PRS собака дразнить-NPST
 ‘Маленький ребенок дразнит собаку’.
 б. [NP [**Kurdu-ngku...**] = *ka*] NP ... **wita-ngku**] maliki wajlipi-nyi.
 дитя-ERG AUX.PRS маленький-ERG собака дразнить-NPST
 ‘то же’
 в. [NP **Kurdu-ngku...**] = *ka* maliki wajlipi-nyi [NP **wita-ngku**].
 дитя-ERG AUX.PRS собака дразнить-NPST маленький-ERG
 ‘то же’³

Сочиненная группа вида [$_{COP}$ X & Y] в таких W_2 -системах может принимать клитики, ср. (5):

- (5) варльпири
 [$_{COP}$ [NP **Karnta-ngku**] = *mani* [NP **ngarrka**]] = *ngku* = *pala* kurdu nya-ngu.
 женщина-ERG и мужчина:ERG AUX 3DU дитя видеть-PST
 ‘Женщина и мужчина увидели ребенка’.

Наконец, существуют W_2 -системы, где клитики могут присоединяться к первой группе, но не вставляться внутрь нее.

$$(vi) [_{XP} W^1, W^2 \dots W^n] - CL \sim *[_{XP} [_{X} W^1] - CL - [_{X} W^2]]$$

Формуле (vi) соответствуют пашто, см. (6a–b), осетинский⁴ и кавиненья, см. (7).

- (6) пашто
 а. [NP **aya fel kaləna danga aw khayasta peyla**] = *me* nən bya
 та 20 лет высокая и хорошенькая девушка =1SG сегодня опять
wəlida.
 видеть:PST
 ‘Я снова увидел сегодня ту высокую и хорошенькую девушку двадцати лет’.
 б. [$_{COP}$ [NP **xu fal**] aw [NP **patang**]] = *ba* = *ye* dər ta gawri.
 Хушал и Патанг быть:FUT это 2SG к нести
 ‘Хушал и Патанг принесут это тебе’⁵.

² Порядок хет. $*[_{XP} \text{āššuš } halugaš] = aš \text{ wemiškiddu}$ в текстах, где все слова первой группы выписаны по-хеттски, насколько нам известно, не встречается. Для унификации мы записали в примере (3) все выписанные похеттски слова (кроме клитик) и части слов без выделения курсивом.

³ Примеры из [Nash 1986: 159–160].

⁴ В осетинском, по данным О.И. Беляева, ИГ не разрывается клитиками, а сочиненная группа может разрываться: осет. [$_{COP}$ **Зауыр æмæ Алан**] = мæм æрба-цъд-ысты ‘Ко мне пришли [Заур и Алан]’ ~ [$_{COP}$ **Зауыр æмæ** = мæм Алан] æрба-цъд-ысты ‘то же’.

⁵ Примеры из [Tegey 1977: 83–84].

- (7) кавиненья
 [Comp [NP **Mama Felicia**] [NP **mama Mati**] jadya =etsekwe =ju ani-kware ekatse e-tiki
 мадам Фелисия мадам Мати и снаружи LOC сидеть:PLQ 3DU огонь
 jigu.
 у.края
 *Мадам Фелисия и мадам Мати сидели во дворе поближе к огню*⁶.

1.3. Разновидности W⁺-систем. В W⁺-системах цепочки имеют фиксированную позицию относительно границы клаузы и одновременно стоят контактно с глаголом. В W⁺-системах филиппинского подтипа позиция цепочек устанавливается по отношению к левой границе клаузы, а глагол занимает смежные позиции, что иллюстрируется выше формулой (ii), характеризующей тагальский, себуано, бикол, бинукид [Peng, Billings 2006] и масбатеньо [C. Lee 2006]. К филиппинскому подтипу относятся также языки, где комплекс [CL – V] может выноситься в начало клаузы, такие как дьинанг и дьинба.

$$(vii) \# XP - [CL - V] \sim \# [V - CL] \sim \# [CL - V]$$

В германском подтипе позиция финитного глагола устанавливается по отношению к левой границе клаузы, а цепочки занимают позиции, смежные с глаголом. W⁺-системы такого типа действовали в древнеисландском, средненорвежском, а также, по некоторым описаниям, в старофранцузском [Mathieu 2006] и старопортугальском [Galves 2001].

$$(viii) \# XP - [V - CL] \sim \# [V - CL]$$

Формула (viii) непосредственно характеризует древнеисландский и средненорвежский языки, где финитный глагол может стоять либо в начале независимого финитного предложения, ср. (8), либо после ее начальной группы, ср. (9).

- (8) средненорв.
 Ok befand =han =sig =da [IP megit suag at være].
 и находиться:PST 3SG.M REFL тогда очень слабый чтобы быть:INF
 И почувствовал он себя тогда очень слабо. (PCI 17)

- (9) средненорв.
 Erling lod =sig_i =det =vel [IP befalde t_j].
 Эрлинг позволить:PST REFL это:ACC хорошо нравится:PST
 Эрлингу это пришлось по душе. (PCI 23)

W*-системы и V-системы можно разбить на подтипы, исходя из того, как в них соотносятся конфигурации с проклизой [CL – V] и энклизой [V – CL], ср. [Cardinaletti 1999], но формат статьи не позволяет обсудить это подробно. Таксономия W-систем и W⁺-систем суммируется в табл. 1.

1.4. Цепочки клитик в зависимых клаузах. W- и W⁺-системы используют в главных и зависимых клаузах одинаковый набор кластеризуемых клитик. Возможны два сценария постановки цепочек в зависимых клаузах с начальным подчинительным союзом (Comp). В одной группе языков подчинительный союз не принимает кластеризуемые клитики: в этом случае асимметрии главных и зависимых клауз в плане постановки цепочек нет и цепочки ставятся после первой группы / первого ударного слова первой группы клаузы, см. (ix):

$$(ix) XP / \textcircled{X} - CL \sim \langle \text{Comp} \rangle - YP - CL$$

Формуле (x) соответствуют пашто [Tegey 1977: 127–128], тагальский, себуано, бинукид и большинство других центральнофилиппинских языков. В другой группе языков кластеризуемые клитики присоединяются непосредственно к подчинительному союзу:

$$(x) XP / \textcircled{X} - CL \sim \text{Comp} - CL$$

⁶ Цит. по [Guillaume 2008: 556].

⁷ Примеры из памятника конца XVI в., см. [Циммерлинг 2002: 389].

Таксономия W-систем и W⁺-систем

W-системы			W ⁺ -системы		
W ₁ -системы	W ₂ -системы			Филиппинский тип	Германский тип
Начальных ИГ нет или они не принимают клитики	Клитики после начальных ИГ возможны			XP – [CL – V] ~ [V – CL] тагальский, себуано, бикол, ритхаррнгу	XP – [V – CL] ~ [V – CL] древнеисл., средне- норв., старофранц. [Mathieu 2006], старопорт. [Galves 2001: 2]
люмми, ка- бильский, тамазигхт	Клитики после первого фонет. слова	Клитики после первой полной группы	Клитики после пер- вого фонет. слова или первой группы	XP – [CL – V] ~ [V – CL] ~ [CL – V] дьинанг, дьинба	
	X – CL, *XP – CL	XP – CL, *X – CL	XP – CL, X – CL		
	хет., др.-греч.	пашто, кавиненья, осет.	варльпири, варумунгу, луисеньо		

Формуле (x) соответствуют варумунгу, юго-вост. тепехуан [Willet 1991: 192], осетинский, сербохорватский. Высказанное в [Bošković 2004: 74] мнение о том, что порядок Comp [Y^o] CL V якобы возможен лишь в языках, где клитики всегда занимают позиции, смежные с глаголом, ни на чем не основано: формулы (ix) и (x) не диагностируют различие W- и W⁺-систем. Подведение элементов XP / °X и Comp, принимающих клитики в разных типах клауз, под общую категорию XP / °X / Comp и ярлыки «клитики второй позиции», «клитики, ориентированные на узел Comp», ср. [Progovac 1996: 412], разумно понимать как дескриптивные обобщения, непосредственно касающиеся языков с формулой (x), а не как дефиниции какого-либо разряда клитик в универсальной грамматике.

1.5. Правила рангов клитик. Одним из доводов в пользу того, чтобы трактовать цепочку клитик {a, b, c ... n} как группу (clitic phrase, CLP), а не просто как последовательность смежных безударных элементов, составляющих единое фонетическое слово, состоит в том, что кластеризуемые клитики принадлежат единой синтаксической области – монопредикатному или полипредикатному предложению. Это значит, что внутри цепочки не должна пролегать граница между двумя клаузами или иными иерархически независимыми и не вложенными друг в друга группами X, Y, см. гипотезу (xi).

(xi) Если клитики из множества {a, b, c ... n} упорядочиваются правилом рангов, устанавливающим порядок a > b для любой пары контактно стоящих элементов a, b, внутри цепочки a, b, c ... n не может проходить граница между какими-либо двумя синтаксическими группами X и Y, так чтобы часть кластеризуемых клитик относилась к X, а другая к Y: *[_X ... ab] [_Y cd...].

Гипотезу (xi) имеет смысл применять к тем клитикам, которые могут употребляться вне комбинации друг с другом и присоединяться к разным словам-хозяевам⁸. Мы не

⁸ В случае если X и Y – фразовые категории, которые располагаются в фиксированном порядке [X], [Y], клитика a может присоединяться к вершине X^o только справа (X^o = a), а клитика b может присоединяться к вершине Y^o только слева (b = Y^o), фиксированный порядок a, b возникает автоматически: [_X X^o = a] [_Y b = Y^o].

можем доказать (xi) в сильной форме, т. е. представить доказательство, что относящиеся к разным синтаксическим областям смежные клитики *a*, *b*, способные занимать более одной линейной позиции в предложении, не могут выстраиваться в твердом порядке $a > b$. Тем не менее (xi), вероятно, можно доказать в слабой форме, т. е. представить доказательства, что во всех языках, имеющих цепочки предикатных клитик вида *a*, *b*, *c* ... *n*, кластеризуемые клитики принадлежат одной синтаксической области (*a* не двум или более). Эмпирическим путем установлено, что даже в языках, где средняя длина цепочек клитик не превышает $n = 2, 3$, общее число клитик, упорядочиваемых правилом рангов, гораздо больше. Так, в пашто, см. выше примеры (6a–b), согласно [Roberts 1997], правило рангов включает восемь клеток. Каждая клетка правила рангов в зависимости от языка может заполняться либо единичной кластеризуемой клитикой, либо классом клитик с общей грамматической характеристикой. Так, в варльпири, см. выше примеры (4) и (5), в общую клетку для местоименных клитик винительного падежа попадает десять форм личных местоимений и возвратная клитика *nyani / nya* [Nash 1986: 59–60]. Обратной зависимости между грамматической маркировкой клитики и местом класса форм в правиле рангов нет: из того, что *n* форм, представляющих категорию *C*, попадают в правило рангов в клетку {*C*}, не следует, что $n + 1$ -я форма попадет в ту же клетку или вообще будет трактоваться в данном языке как клитика. Так, в варльпири нет местоименных клитик 3 л. ед. ч. В древненовгородском в клетку клитик дательного падежа попадает семь форм, клетку клитик винительного падежа – 13 форм, клетку связок – шесть форм, но при этом нет личных местоименных клитик 3 л. и связочных клитик 3 л. [Зализняк 1993: 284–285].

Контактные последовательности клитик, не принадлежащих единой синтаксической области и не являющихся цепочками в указанном выше смысле, иногда возникают в языках, где цепочка клитик вышестоящего предложения может присоединяться непосредственно к правому краю вложенной сентенциальной составляющей, в составе которой могут быть свои клитики. Этот относительно нечастый случай засвидетельствован в кавиненья и словенском. В кавиненья есть энклитики класса *=tibu* ‘потому что’, которые занимают конечное положение в группе и служат аналогом подчинительных союзов [Guillaume 2008: 84]. В примере (10) сразу после *=tibu*, которое синтаксически относится к клаузе с глаголом *jipe-kware* ‘приблизился’, стоит цепочка *=pa=tu*, которая синтаксически относится к предикату *pude-da* ‘(быть) красным’.

(10) кавиненья

[_{CP} *Tu-ra= kamadya ijeti jipe-kware =tibu*] # *=pa =tu pude-da*⁹.
 3SG-ERG только солнце приблизиться-PLQ REAS QUOT 3SG красный
 ‘Поскольку она (птица мухоловка) – единственная, кто [в давние времена] приблизился к солнцу, она красная’.

В словенском языке подчинительный союз занимает начальное место в клаузе, ср. *ko* ‘когда’ в (11); в остальном расстановка цепочки главного предложения аналогична.

(11) словен.

[_{CP} *ko =smo =se vrnili*] # *=se =je =že*
 когда мы REFL.ACC вернуть:1PL.PRF REFL.ACC AUX:3SG.PRS уже
stemnilo.
 смеркаться:3SG.N.PRF
 ‘Когда мы вернулись, уже смеркалось’.

Для структур типа (10), (11), где клитики зависимой и главной клаузы не образуют общей цепочки, но при этом принадлежат к одному и тому же типу, ср. клитику *se* в примере (11), можно предложить циклический алгоритм: вначале порождаются клитики зависимой клаузы, и лишь когда последняя полностью линейаризована, к ней справа

⁹ Пример из [Guillaume 2008: 574], нотация наша. В своей грамматике А. Гийом ставит скобку и после глагольной клаузы с *=tibu*, и после неглагольной клаузы с *=tibu*, ср. [Guillaume 2008: 577, 730].

Правило рангов словацкого языка

Сослаг. частица	Связки наст. вр.	Местоимения				Дискурсивная частица
		Возвр.	Дат.	Вин.	Им., вин. ср. р.	
by	sem, si, sme, ste	sa, si	mi, ti, mu, jej, nám, vám, im	ma, ťa, ho, ju, nás, vás, ich	to	už

присоединяется цепочка клитик главной клаузы. В некоторых случаях, однако, правило рангов включает клетки для клитик, перемещенных из зависимых клауз. Ср. два примера из словацкого языка, где возвратная клитика *sa*, синтаксически соотнесенная с инфинитивом, вынесена в главную клаузу: символ *t* в (12) указывает на место порождения клитики.

(12) словац.

Rozmýšľal, [CP čí =sa_i má roň [IP vrátit' t_i]].
 Размышлять:3SG.M.PRF Q =REFL.ACC иметь:3SG.PRS хоть вернуть:INF

‘Он размышлял, не стоит ли ему вернуться назад’.

В большинстве языков с цепочками, где есть параметр *clitic climbing*, требующий выноса клитик из зависимой предикации в главную, клитика, выносимая из нижестоящей клаузы, попадает в ту же клетку, что и клитики главной клаузы, имеющие сходную маркировку. Поскольку словацкое правило рангов требует, чтобы возвратная клитика *sa* стояла после частицы *by* ‘бы’ и связки 2 л. ед. ч. наст. вр. *si*, но до личных местоимений, следует ожидать, что при выносе *sa* в главное предложение последовательность *sa + by + si* выстроится в *=by=si=sa*. Это предположение подтверждается примером (13).

(13) словац.

[TP Aj ty =by =si =sa_i mal [IP zodvihnúť t_i]]
 и ты =бы =AUX:2SG.PRS =REFL.ACC иметь:3SG.M.PRF сдвинуть.INF

z tej posteľou!¹⁰
 с та:DAT.F постель.DAT

‘Встал-ка бы ты лучше со своей постели!’

В цепочке *=by=si=sa* первые две клитики соотносятся с глаголом главной клаузы *mal*, а третья – с глаголом (инфинитивом) зависимой клаузы *zodvihnúť*, что соответствует схеме (13'), где верхние индексы указывают на синтаксическую вершину, с которой соотносится клитика, а нижний индекс – на место порождения передвинутый клитики.

(13') [TP ... a¹ b¹ c_i² °V1 [IP ... °V2 t_i]]

Допустимость структур типа (13') побуждает уточнить гипотезу (xi) в виде (xii).

(xii) Цепочка клитик, определенная на множестве {a, b, c... n}, где для любой пары контактно стоящих элементов a, b устанавливается порядок a > b, а клитики a, b, c, d порождаются в разных клаузах полипредикатного комплекса [X a b c_i d_j [Y t_i t_j ...]], синтаксически принадлежит верхней клаузе данного комплекса, если в правиле рангов есть клетки {C ...}, {D ...}, куда попадают клитики c, d, перенесенные из вложенной клаузы [Y ...].

В полипредикатных комплексах (12)–(13) главная клауза с цепочкой стоит перед зависимой, в то время как в примерах (10)–(11), напротив, цепочка клитик главной клаузы присоединяется к правой границе стоящей перед ней зависимой клаузы. Опи-

¹⁰ Примеры (12)–(13) взяты из книги I. Habaj. *Príbuzní z Ostrova*. Bratislava, 1978.

саны случаи, когда последовательность элементов, не являющаяся цепочкой, возникает не из-за стыка клауз, а в силу других факторов, например при добавлении свободных предикатных клитик к связанным клитикам, относящимся к группе опорного слова. Такую возможность отметил А.А. Зализняк, который разбирает пример др.-новг. [ср [CompP о-же=*то*] =*ми* =*еси* поведалъ] ‘о котором ты мне говорил’, где клитика =*то* входит в состав релятивизатора о-же ‘тот, который’ и не относится к тому уровню клитизации, что и цепочка =*ми*=*еси*¹¹. Хотя отделение фонетически смежных клитик от цепочек в текстах малоизученных и древних языков может быть трудоемким, см. [Зализняк 2008: 29], в целом оно, по нашему мнению, – техническая, а не концептуальная проблема. При наличии достаточного корпуса текстов почти всегда находятся примеры, подтверждающие или опровергающие, является ли клитика *k* кластеризуемой, т. е. регулируется ли на синхронном уровне ее дистрибуция тем же правилом рангов, которое устанавливает порядок клитик *a*, *b*, *c* из множества {*a*, *b*, *c* ... *n*}. Так, в варльпири встречаются последовательности вроде =*ku*=*ju* + =*ka*=*rna*, см. (14a). Но первые два элемента едва ли стоит включать в правило рангов предикатных клитик: клитика *ju*₂ является показателем топики¹² и присоединяется только к именам и полноударным местоимениям, ср. *nyuntu* ‘ты’ в (14a, b). Показатель *ku* глоссируется как ‘дат. п.’, но и он маркирует только ИГ, ср. (15), где он дублирован предикатным маркером дат. п. *rla*, располагающимся в цепочке после личных местоимений в им. п. и вин. п.

(14) варльпири

a. [_{NP} *Nyuntu* =*ku* =*ju*₂] =*ka* =*rna* *wiri* *nyina* [_{NP} *ngaju* =*ju*₂].
ты =DAT =TOP =AUX.PRS =1SG.NOM большой сидеть я TOP
‘Я больше тебя’.

b. [_{NP} *Ngaju*] =*ka* =*rna* =*ngku* *nyina* *wiri* [_{NP} *nyuntu* =*ku* =*ju*₂]¹³.
1SG =AUX.PRS =1SG.NOM =2SG.ACC сидеть большой ты DAT TOP
‘Я больше, чем ты’.

(15) варльпири

[_{NP} *Kurdu-ngku*] =*ka* =*ju*₁ =*rla* [_{NP} *ngaju* =*ku*] *paka-rni*¹⁴.
ребенок-ERG =AUX.PRS =1SG.ACC =ADR я =DAT бить-NPST
‘Ребенок бьет меня’.

Логично признать варльпири *ku* и топикальное *ju*₂ в (14a, b) клитиками уровня ИГ (NP-level clitics)¹⁵, которые стоят непосредственно перед цепочкой предикатных клитик (clause-level clitics) =*ka*=*rna* потому, что язык варльпири является W₂-системой, где цепочки присоединяются к первой полной группе клаузы, см. (4a), и/или к первому фонетическому слову первой группы, см. (4b–c), а в составе первой группы клаузы могут быть свои непредикатные клитики. Данный вывод не требует предварительных соглашений о структуре предложения варльпири, а подсказывается данными о линейной комбинаторике, допустимой или недопустимой для классов языков, имеющих цепочки клитик.

1.6. Правила барьера. В языках с цепочками имеются механизмы, меняющие линейную позицию клитик в определенных контекстных условиях. В [Зализняк 1993: 286–288] такие механизмы названы правилами барьера¹⁶; в [Циммерлинг 2002: 85–91;

¹¹ Пример из [Зализняк 1993: 286], нотация наша.

¹² На синхронном уровне данная клитика описывается как омоним кластеризуемой местоименной клитики вин. п. 1 л. ед. ч. =*ju*, ср. [Nash 1986: 56, 59]. Мы снабжаем омонимы =*ju*₁ и =*ju*₂ нижними индексами.

¹³ Примеры из [Nash 1986: 209], нотация наша.

¹⁴ Пример из [Nash 1986: 199], нотация наша.

¹⁵ Или, если не пользоваться нотацией составляющих для варльпири, **непредикатными клитиками**.

¹⁶ Понятие «барьера», или «ограничительного узла» (bounding node), является термином формальных грамматик. Мы затрудняемся сказать, в какой момент оно попало в лингвистику. В употреблении термина мы следуем за А.А. Зализняком, а не за Н. Хомским.

Kosta, Zimmerling 2012] предложена классификация правил барьера. В V-системах, где ни цепочки, ни глагол не имеют фиксированной позиции относительно границ клаузы, правила барьера могут менять направление развертывания цепочек по отношению к глаголу, т.е. менять конфигурации с проклизой на конфигурации с энклизой и наоборот. Так, в европейском португальском, где нейтральным порядком является энклиза местоименных клитик (V – CL), порядок с проклизой (CL – V) возникает, если начальная позиция предложения заполнена категориями строго определенного типа – подчинительным союзом, вопросительным словом или рематизируемой группой [Rouveret 1999: 641].

(16) европ. португ.

- a. A Maria [_{VP} [deu =o] ao José ontem.
M. дать:PST =3SG.M.DO это Ж. вчера
'Мария дала это Жозе вчера'.
- b. Disseam-me [_{CP} {**que**} a Maria [_{VP} [o= deu] ao José ontem]].
говорить:3PL.PST-1SG.IO что M. 3SG.M.DO= дать:PST это Ж. вчера
'Они сказали мне, что Мария это дала Жозе вчера'.
- c. {_{whP} **Que livro**} a Maria [_{VP} [*lhe*= deu] ontem]?
какой книга M. 3SG.IO= дать:PST вчера
'Какую книгу Мария ему / ей дала вчера?'
- d. {_{ContrP} **ATE A MARIA**} [_{VP} [o= apresentaram] eles].
даже Мария 3SG.M.DO= представить:3PL.PST они
'Они его представили даже Марии'.

Аналогичное влияние на позицию местоимений в европейском португальском оказывают кванторные слова, относящиеся к группе подлежащего, см. (17a), и общее отрицание *não*, стоящее между подлежащим и финитным глаголом, см. (17b).

(17) европ. португ.

- a. [_{DP} **Ambos** [_{NP} os cantores]] [_{VP} [*lhe*= dedicaram] uma canção].
оба DEF певец.PL 3SG.IO= посвятить:3PL.PST INDEF песня
'Оба певца ему / ей посвятили песню'.
- b. A Maria [_{NegP} **não** [_{VP} [*lhe*= deu] esse livro]].
M. NEG 3SG.IO= дать.PST этот книга
'Мария не дала ему / ей эту книгу'.

Барьером в (16)–(17) является либо группа предложения (XP), влияющая на линейную позицию клитик в силу коммуникативного значения, выражаемого ей в конкретном высказывании, либо лексическая вершина (°X), влияющая на позицию клитик благодаря своей грамматической семантике. В [Циммерлинг 2002: 85] барьеры первого типа названы коммуникативными, а барьеры второго типа – грамматикализованными. И коммуникативные, и грамматикализованные барьеры могут быть как обязательными, так и факультативными, при этом универсальных корреляций между семантикой категорий предложения, например операторов отрицания или буд. вр., и их способностью выступать в роли барьеров нет. Коммуникативные барьеры однотипны: в роли барьера обычно выступают группы со статусом темы, в первую очередь контрастной темы или темы, впервые введенной в рассмотрение, ср. наблюдения за материалом разных языков в [McConvell 1996: 324; Зализняк 1993: 288]. Вместе с тем группы со значением инвертированной или эмфатической ремы тоже могут быть барьерами. Общая схема барьера португальского типа, меняющего конфигурации с энклизой на конфигурации с проклизой, дается в (xiii).

(xiii) европ. португ. ... [V – CL] ⇒ {^{Barrier} [XP / X]} ... [CL – V]

С позиций хомскианского синтаксиса схему (xiii) можно трактовать по-разному – либо как проявление того, что клитика перемещается в пределах ГГ и уже упорядоченное поддерево предложения подверглось перестройке, либо как следствие того, что при

наличии барьера стандартный механизм деривации дает сбой и нейтральный для европ. порт. порядок с энклизой не порождается, ср. обсуждение в [Rouveret 1999: 653–656]. Эта проблема касается способа задания ограничений: в плане формальных грамматик эффект барьера в любом случае описывается в терминах контекстно-зависимых правил, которые современные минималистские грамматики, ср. [Stabler 1997; Chomsky 2005], в полном объеме формализовать не могут. Барьеры из (xiii) имеют два нетривиальных для типологии свойства: а) правило барьера действует справа налево, сдвигая клитики к началу клаузы, б) барьер находится за пределами области, где предположительно перемещаются клитики¹⁷. Похожие или идентичные правила барьера были выделены П. Макриджем для языка ранненовогреческого периода и П. Мак-Конвеллом для австралийских языков гуринди и мудбурра [McConvell 1996: 318–323]. Все эти языки в рамках нашей классификации являются V-системами или W*-системами.

В W-системах и тех W⁻-системах, где цепочки имеют фиксированное место относительно левой границы клаузы и при коммуникативно нейтральном порядке слов перед ними может стоять ровно одна группа предложения, правила барьера не смещают клитики ближе к началу клаузы и действуют с л е в а н а п р а в о. При этом нет независимого подтверждения тезису о том, что барьер стоит за пределами той области, где перемещаются предикатные клитики¹⁸. Обозначим начальную группу символом [XP], цепочку клитик а, б – символом [CLP ab]. Запись [BARRIER^{ab} [XP]] читается: «Группа XP является барьером для всех клитик в цепочке ab». Формула (xiv) обобщает наиболее распространенный в W- и W⁻-системах случай, когда все клитики цепочки под воздействием начального барьера уходят на шаг вправо.

$$(xiv) XP - [CLP ab] \Rightarrow [BARRIER^{ab} [XP]] - YP - [CLP ab]$$

Как впервые показал А.А. Зализняк [Зализняк 1993: 288], возможны барьеры, действующие только на часть кластеризуемых клитик. Этот случай отражен формулой (xv). Запись [BARRIER^a [XP]] читается: «Группа XP является барьером для клитики а, входящей в цепочку ab». Если в предложении имеются клитики а и б, барьер данного типа приводит к расщеплению цепочки.

$$(xv) XP - [CLP ab] \Rightarrow [BARRIER^a [XP]] - [CLP b] - YP - [CLP a]$$

В [Kosta, Zimmerling 2012] барьеры типа (xiv), сохраняющие цепочку, названы слепыми, а барьеры типа (xv), вызывающие разрыв цепочки, – селективными. И слепые, и селективные барьеры могут быть как факультативными, так и обязательными. В большинстве описанных случаев категорией предложения YP, отделяющей барьер от цепочки в (xiv) или части клитик цепочки в (xv), является глагол, что отмечено в [Ćavar, Wilder 1999] для сербохорватского, в [McConvell 1996: 324] для билинара, в [Werle 2002] для вакашского языка мака, в [Циммерлинг 2002: 87] для словацкого, в [Зализняк 2008: 123] для древнерусского.

1.7. Копирование клитик. Разновидностью селективного барьера является обнаруженный на сто лет раньше механизм повтора клитики (clitic copying), когда идентичные клитики одновременно присоединяются к начальному элементу клаузы и к неначальному глаголу: XP/X =a V =a. Первым на факультативный повтор клитики указал (на древнегреческом материале) Я. Ваккернагель [Wackernagel 1892: 390], аналогичные

¹⁷ Т. е. имеется минимум две линейные позиции [_x...] ~ [_y...], которые клитика *k* может занимать в предложениях с разным составом элементов.

¹⁸ Такие подтверждения находятся только в теориях лингвистов, которые стремятся объяснить эффект барьера несинтаксически, например тем, что после начальной топикальной группы имеется пауза ([Radanović-Kocić 1996: 441], ср. [Herd 2003: 75]), или тем, что начальный элемент клаузы не может принимать клитики в силу неподходящей просодии, ср. [Anderson 1993; Halpern 1996: x], или тем, что начальная группа клаузы является слишком длинной, ср. [Зализняк 2008: 48]. Ни одно из данных объяснений не покрывает всех имеющихся фактов.

факты были выявлены в древнерусском, древненовгородском, хеттском, новогреческом [Циммерлинг 2002: 92], мака, дитидат, цесхат [Werle 2002]. Приведем пример из языка цесхат, где цепочка клитик присоединяется к начальному элементу, а часть кластеризуемых клитик, включая показатель пассива-инверсива = 'at, может также присоединяться к ненаначальному глаголу.

- (18) цесхат
 ûuuq*aa = 'at =*λaa* ʔaħa- ċiλ = 'at.
 подобным.образом =PASS.INV =ITER прогонять-PRF =PASS.INV
 'Его подобным же образом опять отогнали от меня'¹⁹.

Диахроническая тенденция, стоящая за примерами с копированием клитик, неясна: теоретически возможен как процесс отрыва клитики уровня предложения от цепочки и вовлечения ее в ГГ, так и обратный процесс отрыва приглагольного элемента от глагола и превращения его в клитику уровня предложения. Для синхронного анализа решающее значение имеет, где находится позиция кластеризации и имеет ли копируемая клитика свою клетку в правиле рангов данного языка. Поскольку, по имеющимся описаниям, кластеризация клитик в цесхат происходит в позиции после начального элемента, а не в позиции после глагола, а клитика = 'at упорядочивается правилом рангов и имеет свою клетку, нет оснований отказываться от гипотезы, что примеры типа (18) порождаются правилом барьера типа (xv) с поправкой на то, что клитика не устранена в позиции базового порождения.

1.8. Рабочие гипотезы. Повторим ключевые гипотезы:

- Цепочки клитик, порождаемые правилами рангов, устанавливающими порядок $a > b$ для любой пары кластеризуемых клитик a, b , состоят из синтаксических элементов одного уровня. Внутри цепочки не может проходить граница между невложенными друг в друга синтаксическими областями.
- Цепочка нетождественности последовательности смежных клитик. Такие последовательности могут возникать в силу того, что общее число клитик в языках, имеющих цепочки, больше общего числа кластеризуемых клитик. Цепочки предикатных клитик могут присоединяться к группе, в составе которой уже есть клитики того же самого или другого типа.
- Кластеризация происходит в строго определенной синтаксической позиции. Контекстно-зависимые правила барьера могут переносить цепочку или часть клитик цепочки в другие позиции.
- Правила барьера типа (xiii), действующие справа налево, возможны лишь в языках, где цепочки предикатных клитик не имеют фиксированной позиции относительно левой границы клаузы, т. е. в V-системах и W*-системах.
- Правила барьера типа (xiv) и (xv), действующие слева направо, характерны или являются диагностическими для языков, где цепочки предикатных клитик имеют фиксированную позицию относительно левой границы клаузы, т. е. в W-системах и W⁺-системах.
- Четырех типов – W-систем, W⁺-систем, W*-систем, V-систем, – выделенных с помощью двух пар признаков – '± обязательное контактное положение цепочек и глагола' и '± фиксированная позиция цепочек и глагола относительно границ клаузы', – достаточно для описания всех языков с цепочками клитик.

2. Славянские языки. Славянский ареал, наряду с центральнофилиппинским [Peng, Billings 2006] и австралийским [Mushin, Simpson 2008], является одним из регионов, для которых системы с цепочками клитик наиболее характерны. В отличие от многих австралийских языков, находящихся в угрожаемом положении, славянские языки с цепочками представлены большим числом говорящих и большим числом памят-

¹⁹ Пример из [Werle 2002].

ников: во многих случаях ограничения, связанные с постановкой клитик, закреплены в литературной норме. Кроме того, славянские языки имеют длительную письменную историю: цепочки доступны для наблюдения на протяжении около тысячи лет. Системы порядка слов с цепочками действуют и в языках национальных меньшинств, таких как бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины, и некоторых диалектах, ср. карпатский украинский диалект с. Синевир. Проверим, насколько точно выделенные выше типы – W-, W⁺-, W*- и V-системы – характеризуют синтаксические ограничения. Классификация славянских систем порядка слов обсуждается в [Dimitrova-Vulchanova 1999; Franks, King 2000; Franks 2009; Kosta, Zimmerling 2012].

2.1. Местоименные клитики и кластеризация. Славянские системы порядка слов делятся на две группы. В одной, куда входят все южно- и западнославянские языки, есть грамматикализованные ограничения на употребление кластеризуемых клитик, а среди последних имеются специальные кластеризуемые формы местоимений в косвенном падеже – дат. п., вин. п., иногда род. п. В другой группе, куда относятся современные восточнославянские языки – русский, белорусский, украинский, таких грамматикализованных ограничений нет. М. Димитрова-Вулчанова [Dimitrova-Vulchanova 1999: 92] и А. Кардиналетти признают релевантным наличие / отсутствие местоименных кластеризуемых клитик, но правильнее брать в качестве диагностического признака наличие кластеризуемых клитик любых разрядов. Между параметрами «наличие местоименных клитик» и «наличие кластеризуемых клитик» в славянских языках есть прозрачная связь: славянские языки, имеющие специальные формы местоименных клитик, имеют и неместоименные кластеризуемые клитики, а славянские языки, не имеющие местоименных клитик, не имеют кластеризуемых клитик вообще.

Древнейшие памятники восточнославянских диалектов – новгородского и южнорусских – демонстрируют состояние, когда кластеризуемые клитики были употребительны [Зализняк 2008: 24–66]. Утрата этого разряда клитик в восточнославянском ареале является вторичным процессом [Jakobson 1971]. Славянские кластеризуемые клитики, как правило, – слоговые элементы с вокалическим ядром: большинство из них односложны, но некоторые связки, представляющие поздние слои клитизации, могут быть двусложными, ср. словац. *вото* ‘мы будем’, др.-новг. *есме* ‘мы есть’.

2.2. Разряды кластеризуемых клитик. Кластеризуемые клитики в славянских языках относятся к одному из четырех разрядов: 1) местоименные аргументные клитики в дат. п., вин. п., род. п.; 2) местоименные возвратные клитики в вин. п. и дат. п.; 3) связочные клитики – формы служебных глаголов ‘быть’ и, реже, ‘хотеть’²⁰; 4) частицы (показатели вопроса и дискурсивные маркеры). В большинстве языков засвидетельствованы цепочки из клитик всех четырех типов, но есть исключения. В польском связка ‘быть’ обычно клитизируется к глаголу и редко образует общие цепочки с местоимениями, см., однако, [Циммерлинг 2012а]. В болгарском, македонском и древненовгородском [Зализняк 2008: 35–36] возвратные клитики попадают в те же клетки, что аргументные местоимения. Местоименные клитики представлены особой серией форм: все или большинство этих форм морфологически отличны от полноударных местоимений, представляющих те же грамматические значения. Ср. в древненовгородском диалекте пары «клитика vs. полноударное местоимение (клитики указаны первыми)»:

аргументные клитики в дат. п.: 1–2 л. ед. ч. *ми – мнѣ, ти – тобѣ*; 1–2 л. мн. ч. *ны – намъ, вы – вамъ*; 1–2 л. дв. ч. *на – нама, ва – вама*;

аргументные клитики в вин. п.: 1–2 л. ед. ч. *мѣ – мене, тѣ – тебе*; 1–2 л. мн. ч. *ны – нас, вы – васъ*; 1–2 л. дв. ч. *на – наю, ва – ваю*; 3 л. ед. ч. *и – ѿго, ю – юѣ, ѣ – их, і – ихъ*;

возвратные клитики: *си – собѣ* (дат. п.); *сѣ – себе* (вин. п.)²¹.

²⁰ Вспомогательный глагол буд. вр. в ряде балканских языков.

²¹ Подробнее см. [Зализняк 1993: 290].

Древненовгородские серии полноударных местоимений и клитик асимметричны: клитик 3 л. дат. п., морфологически отличных от полноударных форм, нет. В современных языках серии полноударных местоимений и клитик дат. п., вин. п., род. п. обычно симметричны. Местоименные клитики почти всегда короче парных им форм ударных местоимений. Сегментный состав славянских местоименных клитик на синхронном уровне нельзя объяснить редукцией полноударных форм: уже морфология этих элементов указывает на их статус клитик. Связки и частицы либо не имеют полноударных соответствий, либо различие «клитика vs. ударная словоформа» не манифестируется на письме. Поэтому вопрос о том, является та или иная связка клитикой или нет, решается для древних славянских языков с опорой на позиции, которые этот элемент занимает, а для новых – еще и с учетом просодии фразы.

2.3. Кластеризация и синтаксическая область. В славянских языках клитики уровня предложения образуют цепочки, а клитики уровня непредикативных групп – нет. Этот принцип распространяется также на морфемы, которые могут выступать и как сентенциальные, и как групповые клитики. Таковы местоименные клитики дат. п. Если они употреблены как аргументы предиката, они образуют цепочки с местоимениями в вин. п. и прочими клитиками. Если же они выступают в качестве притяжательных маркеров в ИГ, что имеет место в болгарском и македонском языках и в древнерусском языке, они некластеризуемы. См. болгарские примеры (19a–b). В (19a) клитика 1 л. дат. п. ед. ч. *ми* ‘мне’/‘мой’ относится к уровню ИГ, в (19b) клитика 3 л. дат. п. мн. ч. *им* является аргументом предиката *ясно* и образует цепочку со связочной клитикой 3 л. ед. ч. н. вр. *е*.

(19) болг.

a. Естественно, [_{DP} основна-та=*ми* задача] *бе* добре да
естественно основная-DEF:SG.F=1SG.POSS задача быть:PST хороший:ADV чтобы
=*се* натренирам²².
=REFL.ACC потренировать.1SG.PRS

‘Конечно, моя основная задача была хорошо потренироваться’.

b. [_{DP} На хора-та в шаха]_I = *им*_I = *е* ясно кой кандидат с какво
DAT люди-DEF в шахматы = 3PL.DAT =AUX.3SG ясно REL кандидат с что
може да допринесе.
мочь:3SG.PRS COMP привнести:3SG.PRS

‘Людям в шахматах ясно, кто из кандидатов что может привнести’.

Вторым разрядом форм, которые в зависимости от ранга группы могут быть как кластеризуемыми, так и некластеризуемыми, являются клитики вин. п. Если они употребляются как аргументы предиката, то образуют цепочки. Если же местоимения вин. п. клитизируются к предлогу, что возможно в старославянском, древнерусском и сербохорватском, они теряют кластеризуемые свойства. В [Ćavar, Wilder 1999: 445] указано еще одно отличие форм вин. п. в составе ПГ от аргументных форм вин. п.: формы вин. п., находящиеся в составе ПГ, не выносятся из своей группы.

(20) серб.-хорв.

a. *da* =*je* Ivan računao [_{PP} на =*me*].
COMP =AUX:3SG.PRS Иван рассчитывать:3SG.M.PST на =1SG.DAT
‘что Иван рассчитывал на меня’

b. **da* =*me* =*je* Ivan računao [_{PP} на ____].
COMP =1SG.DAT =AUX:3SG.PRS Иван рассчитывать:3SG.PST на

²² В (19a) клитика =*ми* стоит после определенной формы прилагательного *основна-та*. Артикль *-та* – клитика, присоединяющаяся к первому ударному слову определенной ИГ: *основна-та задача* ~ *задача-та основна*. В [_{DP} [*основна-та*]=*ми задача*] нет цепочки =*та*=*ми*: клитизация *-та* относится к морфологическому уровню (ср. с другим показателем болг. *кой-то* ‘который’ при *кой* ‘кто’), а вставки =*ми* – к синтаксису.

Материально тождественные сербохорватские клитики 1 л. ед. ч. вин. п. *me*, 2 л. ед. ч. вин. п. *te*, относящиеся к предикатной вершине, могут перемещаться в вышестоящую клаузу.

В новгородском диалекте частица *же* является некластеризуемой, если она употребляется в отождествительном и присоединительном значениях, ср. *тотъ же, а то даль Иванъ же, съ Гюрьгемъ же съ Лукою*, и кластеризуемой в прочих случаях [Зализняк 1993: 282]. Названные употребления новг. *же* можно отнести к непредикатным, а кластеризуемое *же* считать предикатной клитикой. При определении правил рангов не должны учитываться связанные употребления частиц, присоединяющихся к начальным союзам и вопросительным местоимениям типа др.-чеш. *jest-li-že*, хотя в диахронической перспективе такие сочетания отражают ранее существовавшие цепочки²³.

2.4. Распределение славянских языков с цепочками по классам. Диагностическими признаками W-систем являются фиксированная позиция цепочек в клаузе, отсутствие ограничений на место глагола при базовом порядке X / XP – CL и правила начальной составляющей, определяющие возможного хозяина клитик. Правила рангов должны упорядочивать кластеризуемые клитики одинаково во всех клаузах. Этим критериям удовлетворяют сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий [Šewc-Schuster 1976: 122–124], нижнелужицкий языки, бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины, украинский диалект с. Синевир [Толстая 2000], древненовгородский диалект. Все перечисленные языки являются W₂-системами и допускают постановку цепочек клитик после начальных ИГ. W₁-систем в славянском ареале нет.

Диагностическим для W⁻ систем является то, что в них одновременно фиксируются позиции цепочек и глагола. В них должны соблюдаться правила рангов и правила начальной составляющей. Этим критериям удовлетворяют болгарский и македонский. Оба языка относятся к W⁻ системам филиппинского типа: (XP) – [CL – V] ~ [V – CL]. Болгарский язык непосредственно описывается формулой (vii), а македонские клитики имеют на одну позицию больше, см. (xvi).

(xvi) макед. # XP – [CL – V] ~ # [V – CL] ~ # [CL – V]; # ... V ... #

В болгарском требование контактной позиции цепочек и глагола выдерживается одинаково строго для глагольного и неглагольного сказуемого, поэтому символ «V» в формуле (vi) для болгарского языка можно интерпретировать просто как «предикат». В македонском порядок # [V – CL] в повествовательных и вопросительных клаузах с финитным глаголом невозможен, вместо него используется порядок # [CL – V], запрещенный в болгарском. В славистике принято глоссировать македонские кластеризуемые местоимения и связки как проклитики, хотя это не совсем точно, см. примеры (22), (23), (24b).

(21) макед.

а. # *си*= *му*= *ги*= показвала.
 AUX:2SG.PRS 3SG.M.DAT 3PL.ACC= показывать:3SG.F.PRF
 'Ты ему их показывала'.

б. *показвала =*си* =*му* =*ги*
 показывать:3SG.F.PRF AUX:2SG.PRS 3SG.M.DAT 3PL.ACC

В императивных и деепричастных клаузах, напротив, порядок с энклизой # [V – CL] является в македонском основным или единственным.

²³ Ср. пример, где свободные клитики =*by*=*se* присоединяются к союзу *jest-li-že*, в составе которого уже есть связанные клитики *-li-že*: др.-чеш. *A trestati=ho budu na každy den, jest-li-že=by=se mému protivil učení, aby mne ve všem poslušen byl* 'А наказывать я его буду каждый день, если он станет противиться моему учению, чтобы он во всем меня слушался'.

- (22) макед.
 # [IP оставајќи =ja противничка-та далеку на основна-та
 оставаљать:GER =3SG.F.ACC соперница-DEF:SG.F далеко на основная-DEF:SG.F
 линија].
 линия
 ‘Оставаљая свою соперницу далеко от основной линии <корта>’.

В именных / связочных клаузах в македонском порядок с начальными проклитиками исключен, цепочки присоединяются к начальному элементу [Mišeska Tomić 2004: 226].

- (23) макед.
 а. # Утре =му =е роденден.
 завтра 3SG.M.DAT AUX:3SG.PRS день.рождения
 ‘Завтра у него день рождения’.
 б. # роденден =му =е утре.
 день.рождения 3SG.M.DAT AUX:3SG.PRS завтра
 ‘Его день рождения завтра’.
 в. *# =му =е роденден утре
 3SG.M.DAT AUX:3SG.PRS день.рожденья завтра

Наконец, клаузы с согласуемым пассивным причастием допускают оба порядка, т. е. могут линеаризоваться и по глагольному, и по неглагольному типу [Ibid.]:

- (24) макед.
 а. # Му= е = дојден во посета.
 3SG.M.DAT AUX:3SG.PRS прийти:PASS.PTCP.3SG.M в гости
 ‘Он_i пришел к нему_j в гости’.
 б. Дојден =му =е во посета.
 прийти:PASS.PRT.3SG.M 3SG.M.DAT AUX:3SG.PRS в гости
 ‘то же’

Тем самым в македонском нет генерализованного распределения порядков с начальным vs. неначальным предикатом в клаузах, где возможны клитики. В остальном болгарская и македонская W⁺-системы похожи и могут быть заданы общей системой правил с минимальными модификациями, что отмечалось в [Dimitrova-Vulchanova 1999: 105; Franks 2008: 104; Kosta, Zimmerling 2012].

W⁺-систем германского типа XP – [V – CL] ~ [V – CL] в славянском ареале нет.

Диагностическими признаками W*-систем служат нарушение пропорции базового порядка и порядков, порождаемых правилами барьера, окказиональные нарушения правила рангов, разные механизмы постановки кластеризуемых клитик в разных типах клауз. Этим критериям соответствуют старославянский язык, язык книжных древнерусских памятников, польский язык и, возможно, кашубский язык. Старопольский язык XVI–XVII вв., скорее, был W-системой, ср. цепочки связочных и местоименных клитик, выстраиваемые по схеме CL_{AUX} – CL_{REFL} – CL_{ARG}, в ст.-польск. *Y nášz ięzyk Polski rychłoby vrosł, gdyby=Ńmu=Ńie=go rozmilowali* ‘И наш польский язык быстро бы вырос, если бы мы к нему хорошо относились’ (Ł. Górnicki, из трактата ‘Польский придворный’ 1566 г.), но порядок возвратных и аргументных клитик не был вполне жестким, ср. в том же памятнике порядок CL_{ARG} – CL_{REFL}: *Ábo że=mu=Ńie przyrodzony ięzyk prawdziwie gruby widzi*²⁴, и *Poklonił=sie=mu móniąc*. Такие колебания характерны для W*-систем.

Диагностическим признаком V-систем является нефиксированная позиция и глагола, и кластеризуемых клитик при локализации цепочек в ГГ. В славянском ареале V-систем практически нет, несмотря на многовековые контакты южнославянских языков с балканскими V-системами – новогреческим, албанским, румынским. Единственным диалектом, для которого гипотеза о том, что он является V-системой, уместна, является славизано, или молизеслав, – бесписьменный язык, на котором говорят потомки

²⁴ Цит. по [Taszycki 1955: 63, 68].

хорватских переселенцев в Молизе (провинция Кампобассо, Италия). Носители языка двуязычны. В финитных клаузах употребляются местоименные проклитики, которые могут стоять в начале клаузы. Структуры предложений с клитиками в доступных нам примерах повторяют итальянские.

(25) а. итал.

Mi= capisci?
1SG.NS= понимать:2SG.PRS

б. молизеслав

Ma= kapiš? или *Ma= razumiš?*
1SG.ACC= понимать:2SG.ACC.PRS 1SG.ACC= понимать:2SG.ACC

(26) молизеслав

Ta= hočam dobra
2SG.ACC= хотеть:1SG.PRS добро:SG.GEN

‘Я тебя люблю’ (калька с итал. *Ti voglio bene* ‘Я хочу тебе добра’).

(27) а. итал.

La = disturbo, professore?
3SG.ACC= мешать:1SG.PRS профессор

б. молизеслав

Ta= dišturbam, profeso'?
2SG.ACC мешать:1SG.PRS профессор

‘Я вам мешаю, профессор?’

Вопреки периодически высказываемому мнению македонский язык не является V-системой. Это видно из того, что македонский язык сохраняет ограничение на перемещение блока [V – CL] вправо дальше второй позиции клаузы: эволюция македонского языка в сторону V-систем возможна только в том случае, если это ограничение исчезнет и порядки # XP – [...] – [V – CL] станут грамматичны.

3. Правила начальной составляющей. W- и W⁺-системы налагают ограничения на длину и структуру начальной группы, но лишь в том случае, если в предложении есть кластеризуемые клитики. Тем самым присутствие кластеризуемых клитик уменьшает число допустимых порядков слов. В десяти славянских W-системах и двух славянских W⁺-системах выделяется шесть базисов кластеризуемых клитик: (A) первая ударная словоформа, (B) первая полная составляющая, (C) начальная проклитика, (D) подчинительный союз, (E) фраза-цитата, (F) сентенциальная составляющая. Словенский язык использует все шесть базисов²⁵, но большинство языков использует три-четыре. Все славянские языки помещают цепочки после подчинительного союза и используют в главной клаузе опции (A) и/или (B), что соответствует формуле (ix): XP / °X – CL ~ Comp – CL. Это дает право подвести три основных базиса клитик под общую категорию XP / °X / Comp [Ćavar, Wilder 1999: 435].

(xvii) панслав. XP / °X / Comp – CL

Как указано в п. 1.4, генерализация (xvii) не годится на роль типологического обобщения, поскольку существуют W-системы и W⁺-системы (ср. пашто, тагальский, бинукид), где цепочки клитик пропускают подчинительный союз. Во всех славянских языках порядки [Comp] – Y – CL являются производными и порождаются правилами барьера, при этом сам подчинительный союз может быть как ударным, так и безударным, ср. *že* в чешском. Поэтому формула (xvii) удачно описывает факты славянских языков.

Три базиса – начальные проклитики не из числа подчинительных союзов (C), фразы-цитаты (E) и сентенциальные составляющие (F) – являются дополнительными. Опции (E) и (F) сходны в плане просодии – клитики помещаются после фразы с несколь-

²⁵ За исключением случая, когда постановка цепочки клитик после первой ударной словоформы сопряжена с разрывом начальной группы предложения.

кими ударными словами, но требуют разного синтаксического анализа: фразу-цитату из прямой речи в контексте ‘{«...»} – CL – сказал X’ можно отнести к предшествующей области, а сентенциальную составляющую в контексте ‘{что P} – CL – видел X’ отнести к ней нельзя. Параметр, разрешающий опцию (E) независимо от типа клаузы, есть только в словенском²⁶. В этом языке действует параметр *clitic climbing*, разрешающий вынос клитик в вышестоящую клаузу. Ср. выше пример (11), где клитики главной клаузы =se=je=že присоединяются к придаточному, уже имеющему в своем составе порожденные внутри него другие кластеризуемые клитики =smo=se. Такая возможность реализуется в результате сочетания двух факторов. Один собственно синтаксический: алгоритм расстановки кластеризуемых клитик в словенском, в отличие от других славянских языков, носит последовательно циклический характер. Он действует «снизу вверх», начиная с самой нижней клаузы, и может повторяться несколько раз, пока не дойдет до матричной клаузы. Второй фактор несинтаксический: словенские кластеризуемые клитики, в отличие от болгарских и сербохорватских, не являются строгими энклитиками, употребляются после паузы и в определенных контекстах выносятся в начало предложения. Поэтому позиция после сентенциальной составляющей, длина которой не фиксирована, может приравниваться к позиции после паузы²⁷.

4. Правила рангов. Правила рангов славянских языков строятся по категориальному принципу [Kosta, Zimmerling 2012], когда блоки клитик, представляющих общую синтаксическую категорию, не пересекаются. Блок старых частиц индоевропейского происхождения (ср. др.-новг. =же, =ли, =бо, =ти, =бы) везде стоит левее блока местоимений.

4.1. Ареальные типы правила рангов. Правила рангов славянских языков делятся на три ареальных типа, куда относятся как новые, так и древние языки. Ареальные типы отличаются местом презентных форм индикатива связки ‘быть’. Обозначим позицию связок перед блоком местоимений как AUX1, а позицию после блока местоимений как AUX2. В новгородском типе презентные клитики 1–2 л. индикатива попадают в AUX2, а связочные клитики 3 л. отсутствуют [Зализняк 1993: 285]. Это позволяет описать древненовгородский / восточнославянский тип формулой (xi).

(xviii) др.-новг. / вост.-слав. [CLP Particles [CLP Pronouns: Dat – Acc] [CLP AUX2]]

Формуле (xviii) соответствуют древнерусский язык XIII–XVI вв. и, с оговорками, диалект с. Синевир, где презентных связок индикатива 3 л. нет. В западнославянском типе презентные связки индикатива попадают в AUX1 вместе с полной парадигмой оптативных клитик (*бух, *бys, *бу и т. д.), если таковые имеются.

(xix) зап.-слав. [CLP Particles [CLP AUX1] [CLP Pronouns: Refl – Dat – Acc]]

В каноническом виде формулу (xix) демонстрирует чешский язык, где клетка AUX1 объединяет кластеризуемые формы связок в индикативе и конъюнктиве.

Формуле (xix) соответствуют чешский, древнечешский, верхне- и нижнелужицкие языки, старопольский и, с оговорками, словацкий и польский. Словацкое правило рангов, показанное выше в табл. 2, отклоняется от западнославянского типа прежде всего в том отношении, что связки 3 л. в нем полностью отсутствуют, а кластеризуемый показатель конъюнктива =бу остается в блоке частиц и может употребляться одновременно с формами индикатива связки ‘быть’, см. выше пример (13).

²⁶ Болгарский язык, по-видимому, разрешает постановку кластеризуемых клитик после условного и временного придаточного, ср. болг. [ср. Докато=се чудеше как да постъпи], =се върна жена=му ‘Пока он думал, как поступить, вернулась его жена’. На примеры данного типа наше внимание обратила Е.Ю. Иванова.

²⁷ Предшествующий клитике отрезок относится к той же области, но между ним и клитикой может быть пауза, и фонетические характеристики начальной сентенциальной составляющей нерелевантны.

Правило рангов в древненовгородском диалекте [Зализняк 2008: 28]²⁸

Частицы					Местоимения		Связка 'быть' в наст. времени индикатива
1	2	3	4	5	6	7	8
Aff	Q	Caus	Evid	Opt	Dat	Acc	1-2 Sg, Du, Pl
Же	Ли	Бо	Ти ₁	Бы	Ми, ти ₂ , си, ны, вы, на, ва	Ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, к, ъ, л	Есмь, кси, ксме, ксте, ксвѣ, кста

Правило рангов чешского языка (по [Hana 2008])

Частицы	Связки	Местоимения			Частицы	
Частица 1	AUX1 *byti	REFL	DAT	ACC	Частица 2	Частица 3
1	2	3	4	5	6	7
=li	Формы индикатива 1-2 Sg =jsem, =jsi, 1-2 Pl =jsme, =jste	=se, =si	I. неомонимичные: =mi, =ti, =mu, =ji	I. неомонимичные: mě, =te, =ji, =to	=tu 'здесь', =už 'уже' =prý 'мол'	=asi 'наверное'
	Формы конъюнктива 1-3 Sg =bych, =bys, =by, 1-3 Pl =bychom, =byste, =by		II. омонимичные: =nám, =vám, =jim	II. омонимичные: =nás, =vás, =jich		

В балканском типе презентные формы связки 'быть', кроме формы 3 л. ед. ч. *je*, попадают в AUX1, а *je* в AUX2.

(xx) балканские слав. [CLP Particles [CLP AUX1]
[CLP Pronouns: Refl + Dat + Acc + Gen] [CLP AUX2]]

Формуле (xx) точно соответствуют сербохорватский, словенский, болгарский, македонский, бургенландский хорватский, русинский язык Воеводины. При этом позиция AUX1 может пополняться связками конъюнктива и формами служебного глагола буд. вр. **xotěti*, а позиция AUX2 в словенском языке пополняется за счет клитизации служебного глагола буд. вр. **byti* (слов. *bodo*, *bomo*, *bosta* и т. д.).

²⁸ А.А. Зализняк использует правило рангов из табл. 3 как для описания древненовгородского диалекта, так и для описания диалогических фрагментов языка древнерусских летописей, синтаксическая система которых идентична или близка [Зализняк 1993: 280–285]. Применимость правила рангов из табл. 3 непосредственно к корпусу новгородских грамот требует двух оговорок, которые сделаны в [Зализняк 2008: 31–32]. Во-первых, частица *бо* (ранг 3) в берестяных грамотах не представлена. Во-вторых, в корпусе грамот нет бесспорных примеров, где контактная последовательность частиц =*ти*₁=*бы* трактуется как цепочка: грамоты 389 и 413 допускают альтернативное толкование.

Правило рангов в сербохорватском языке (по [Browne 2007])

Частица	Связка 1	Местоимения			Связка 2
		3	4	5	
1	2	3	4	5	6
Да / нет – вопросы	Связки наст. вр. индикатива (кроме 3 л. ед. ч.), буд. вр. и сосл. накл.	Местоимения в дат. п.	Местоимения в вин. и род. п.	Возвр. мест. в вин. п.	3 л. ед. ч. связки наст. вр. индикатива
=li	1–2 Sg =sam, =si ₁ ; 1–3 Pl =smo, =ste, =su	1–3 Sg =mi, =ti, =mu _{3M/N} , =joj _{3F} ; 1–3 Pl =nam, =vam, =im	1–3 Sg =me, =te, =ga _{3M/N} ; =je _{3F} (~ju _{3F}); 1–3 Pl =nas, =vas, =ih	=se	=je
	Sg =ću, =ćeš, =će; Pl =ćemo, =ćete, =će	REFL =si ₂			
	Sg =bih, =bi, =bi; Pl =bismo, =biste, =bi				

Прочие параметры, такие как порядок возвратного и аргументных местоимений, имеют меньшее классификационное значение. В крупных славянских языках генерализован порядок Dat > Acc и используется иерархия падежа (case hierarchy), когда все клитики дат. п. предшествуют всем клитикам вин. п. Есть диалекты, где генерализован обратный порядок Acc > Dat или используется иерархия лица и падежа (case-and-person hierarchy), когда местоимения разных лиц попадают в разные клетки правила рангов. Нетривиально устроены два правила рангов, выделенные У. Брауном в малых балканских языках – в бургенландском хорватском [Browne 2007] и в русинском [Browne 2008: 356]. В этих языках формы разных лиц местоимений вин. п. и дат. п. занимают разные клетки. Это означает, что в данных языках блок местоименных клитик упорядочивается иерархией падежа и лица. В бургенландском хорватском эта иерархия имеет следующий вид:

(xxi) бургенландский хорв. Dat > 1–2 Acc Sg-Pl > 3 Acc Sg-Pl

Такое соотношение возникает из-за того, что форма возвратного местоимения бург. хорв. =se (учитываемого правилом рангов ввиду параметра clitic climbing) вклинивается между личными местоимения вин. п. 1–2 л. и личными местоимения 3 л. В русинском языке Воеводины иерархия падежа и лица имеет вид:

(xxii) русинск. 2 Sg Dat > 1, 3 Sg Dat & 1–3 Sg > Acc

Такое соотношение возникает из-за вставки формы возвратного местоимения русинск. =ше между личными местоимения 2 л. ед. ч. =ци и прочими формами дат. п.

Действие иерархии падежа и лица, скорее всего, является причиной отклонений от порядка дат. п. > вин. п. в некоторых хорватских диалектах и региональных вариантах сербохорватского языка, отмеченных Д. Чаваром [Čavar, Wilder 1999]. В то же время в некоторых диалектах словенского языка порядок вин. п. > дат. п. обобщен²⁹.

²⁹ Такой же разброс систем с порядком клитик дат. п. > вин. п. и систем с порядком клитик вин. п. > дат. п. наблюдается в западнонорвежских диалектах, при том что в древненорвежских памятниках был унифицирован порядок дат. п. > вин. п., см. [Циммерлинг 2002: 474].

4.2. Упорядочение клитик внутри блоков правила рангов. Исторический принцип, когда элементы, представляющие поздние слои клитизации, помещаются правее уже существующих клеток, носит в славянских языках вспомогательный характер и используется при построении блоков кластеризуемых частиц и, возможно, местоимений [Циммерлинг 2002: 82], но нигде не является общим принципом формирования правил рангов. Гипотеза о том, что в паре смежных клитик °а, °b, входящих в блоки разных категорий $CLP \dots \text{°a}$ [$CLP \text{°b} \dots$, °а всегда представляет более ранний слой клитизации, чем °b, фальсифицируется материалом: так, частица *by*, стоящая последней в блоке новгородских частиц, была вовлечена в правило рангов заведомо позднее непосредственно следующих за ней местоименных клитик в дат. п. [Циммерлинг 2009б: 273]. Описанный на материале филиппинских языков принцип просодического веса, когда односложная клитика, независимо от ее категории, ставится перед двусложной [Billings, Koporsky 2002], в славянских языках не используется: нет свидетельств, что число слогов может служить фактором, перекрывающим действие категориального и исторического принципов.

5. Правила барьера. 5.1. Барьеры придаточного. Барьеры придаточного, порождающие производный порядок [Comp] – Y – CL, встречаются в W-системах, ср. чешский пример (28), W*-системах, ср. польский пример (29), и W⁺-системах, ср. болгарские примеры (30а–б).

(28) чеш.
 Helena říkala, že {Contr. Topic [BARRIER] [Petra] [do Francie]}
 Хелена:SG.NOM сказать:3SG.F.PRF COMP Петр:ACC во Франция:GEN
 =*bych* ještě poslal, ale Martina do Maďarska
 =AUX:1SG.COND еще послал:3SG.PRF.M но Мартин:ACC в Венгрия:GEN
 ani náhodou³⁰.
 NEG случай
 ‘Хелена сказала, что Петра во Францию я, мол, бы еще послал, но Мартина в Венгрию ни за что.’

(29) польск.
 Powiedział, [_{CP} że [_{VP} to zrobili]=*by*=*śmy*]].
 Powiedział, że to zrobili =*by* =*śmy*.
 сказать:3SG.PRF что это:SG.ACC делать:PL.PRF =COND =AUX:1PL
 ‘Он сказал, что нам следовало бы это сделать’.

(30) болг.
 а. Той каза, [_{CP} че =*съм* =*му* =*я*
 3SG.M сказать:3SG.PST COMP =AUX:1SG =3SG.M.DAT =3SG.F.ACC
бил дал книга-та].
 AUX:SG.PST дать:SG.PLQ книга-DEF:SG.F
 ‘Он сказал, что, я, мол, уже отдал ему эту книгу’.
 б. Той каза, [_{CP} че {TopicP[NP книга-та]} =*съм* =*му*
 3SG.M сказать:3SG.PST COMP книга-DEF:SG.F AUX:1SG 3SG.M.DAT
 =*я* бил дал].
 3SG.F.ACC AUX:1SG.PST дать:SG.PLQ
 ‘то же’

5.2. Барьеры главного предложения и начальные ансамбли. Барьеры главного предложения порождают порядок [^{BARRIER} [XP]] – V – CL в производных, часто коммуникативно маркированных высказываниях с контактном положением глагола и кластеризуемых клитик. Чаще всего начальная группа, выступающая в качестве коммуникативного барьера, имеет статус темы или контрастной темы, см. (31) и (32).

³⁰ В чешском языке союз *že* ‘что’ может принимать клитики. Порядок слов в (28) является коммуникативно маркированным.

(31) др.-новг.
 [BARRIER {TopicP [PP **В недоборехъ**]}] || плати =ми =ся животиною.
 в недобор:PL.LOC платить:2SG.IMP =1SG.DAT =REFL.ACC скот.INS
 ‘В случае недоборов расплачивайся со мной скотом’ (Грамота 463, к. XIII в. – н. XIV в.).

(32) болг.
 [BARRIER {TopicP [PP **В чекмеджи-то**]}] || имало =ли =е пари?
 в ящик-DEF:SG.N иметь:COND.PST =Q =AUX:3SG.PRS деньги
 ‘Были ли деньги в ящике?’

Последовательность [BARRIER [XP]] – V – CL, при которой возникает порядок V2, возможна в болгарском только в вопросах. В повествовательных клаузах болгарский язык запрещает порядок V2 при наличии клитик:

(33) болг.
 *[BARRIER {TopicP [PP **В чекмеджи-то**]}] || имало =е пари.
 в ящик-DEF:SG.N иметь:COND.PST AUX:3SG.PRS деньги
 Подразумеваемое значение: ‘В ящике были деньги’.

(34) болг.
 *[BARRIER {TopicP [PP **На Иван**] [DP **книга-та**]}] върнал =съм
 DAT Иван книга-DEF:SG.F вернуть:3SG.M.PRF AUX:1SG.PRS
 =му =я.
 3SG.M.DAT 3SG.F.ACC
 Подразумеваемое значение: ‘Я вернул эту книгу Ивану’.

Запрет на барьеры главного предложения и порядок V2 в примерах (32)–(33) можно было бы объяснить тем, что контактная последовательность клитик и глагола возникает в болгарском уже на уровне базового порядка слов XP – [CL – V]: болгарский является W⁺-системой, соответственно, начальные топикальные барьеры не могут сдвинуть кластеризуемые клитики с их канонического места и создать инвертированный порядок XP – [V – CL]. Однако некоторые W-системы, такие как чешский язык, в коммуникативно маркированных высказываниях с вынесенной в начало клаузы топикальной группой тоже не используют правило барьера. Более того, отсутствие барьеров главного предложения в невопросительных клаузах скоррелировано в болгарском и чешском с возможностью объединения нескольких групп в рамках коммуникативной составляющей при базовом порядке XP – CL. Группы вида {TopicP [XP [XP1] [XP2]]}, вынесенные перед цепочкой клитик, мы вслед за [Kosta, Zimmerling 2012] назовем ансамблями. Примером начальных ансамблей служит чешское предложение (35) и болгарское предложение (36).

(35) чеш.
 {Contr. Topic [XP [**Petra**] [do **Francie**]]} =bych ještě poslal,
 Петр:ACC во Франция:GEN =AUX:1SG.COND еще послал:3SG.PRF
 ale Martina do Maďarska ani náhodou.
 но Мартин:ACC в Венгрия:GEN NEG случай
 ‘Я бы еще послал **Петра во Францию**, но **Мартина** в Венгрию никогда’.

(36) болг.
 {TopicP [PP **На Иван**] [DP **книга-та**]} =съм =му =я
 DAT Иван книга-DEF:G.F =AUX:1SG.PRS =3SG.M.DAT =3SG.F.ACC
върнал.
 вернуть:3SG.M.PRF
 ‘Я вернул эту книгу Ивану’.

Итак, эффект коммуникативного барьера не связан с типом клитик: клитики второй позиции в чешской W-системе, где нет запрета на дистантное расположение глагола и клитик, и предполагаемые приглагольные клитики в болгарской W⁺-системе, где такой запрет есть, ведут себя в данном отношении одинаково.

5.3. Инверсия *ли* в болгарском языке. В болгарском есть один тип грамматикализованного селективного барьера, отсутствующий в других славянских языках, – так называемая «инверсия *ли*». Во всех славянских языках, включая болгарский, механизм селективного барьера обычно разрывает цепочку, перемещая те клитики, на которые он действует, в следующее фонетическое слово, см. формулу (xxiii). В болгарском, кроме того, в случае, когда в предложении одновременно имеются кластеризуемая частица *ли* и базы *не* (отриц.) или *ще* (буд. вр.), используется механизм (xxiv), когда цепочка не разрывается, а *ли* уходит на один шаг правее своего обычного места: болг. **не=ли=си=му* ⇒ *не=си=ли=му*.

(xxiii) панслав. * $[\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = {}^{\circ} a {}^{\circ} b {}^{\circ} c \Rightarrow [\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = {}^{\circ} b {}^{\circ} c [\text{YP} Y] = {}^{\circ} a$

(xxiv) болг. * $[\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = {}^{\circ} a {}^{\circ} b {}^{\circ} c \Rightarrow [\text{BARRIER}_a [\text{XP} X]] = {}^{\circ} b {}^{\circ} a {}^{\circ} c$

С. Фрэнкс видит в «инверсии *ли*» подтверждение того, что болг. *ли* не является кластеризуемой клитикой и объединяется с болгарскими связками и местоимениями на поверхностно-фонетическом уровне [Franks 2008: 98]. Есть основания отвергнуть этот вывод и трактовать отход болг. *ли* вправо в терминах барьеров, поскольку параллельно болгарский язык сохранил панславянский механизм с выносом *ли* в следующее фонетическое слово. Пример (37с), соответствующий панславянской формуле (xxiii), возможен в специальном прагматическом контексте эхо-вопроса, в то время как пример (37b), соответствующий (xxiv), имеет иллокутивную силу подлинного вопроса. Запрет на исходную последовательность (37a) показывает, что грамматикализованный барьер при наличии нежелательной последовательности *не + ли* обязателен, а (37b–с) показывают, что болг. *не* не служит барьером для связочных и местоименных клитик.

(37) болг.

а. *Ты не [_{CLP} =ли =си =му] дал пари?
ты NEG Q =AUX:2.SG.PRS =3SG.M.DAT дать:SG.M.PRF деньги

Подразумеваемое значение: 'Дал ли ты ему деньги?'

б. Ты [^{BARRIER}_a [_{NegP} не]] =си^b =ли^a =му^c дал пари?
Ты NEG AUX:2.SG.PRS Q 3SG.M.DAT дать:SG.M.PRF деньги

'Дал ли ты ему деньги?'

с. ?Ты [^{BARRIER}_a [_{NegP} не]] =си^b =му^c дал =ли^a пари?
ты NEG =AUX:2.SG.PRS 3SG.M.DAT дать:SG.M.PRF Q деньги

'(Ты на самом деле говоришь), что ты дал ему деньги?!'

Слависты склонны представлять инверсию *ли* как уникальное явление. В действительности специфика болгарской системы состоит не в комбинаторике *ли*, а в статусе операторов общего отрицания *не* и буд. вр. *ще*, которые имеют фиксированную позицию в клаузе [Dimitrova-Vulchanova 1999: 91] и притягивают к себе цепочки при порядках XP – *не/ще* – CL – V ~ *не/ще* – CL – V. Тем самым болг. отр. *не* и буд. вр. *ще* выступают как базы, притягивающие цепочки энклитик, при этом сами элементы *не/ще* могут выступать в роли начальных проклитик либо стоять после начальной группы в XP. В других славянских языках баз кластеризуемых клитик нет. В близкородственном македонском языке место общего отрицания не фиксировано, а оператор буд. вр. *ќе* сам является кластеризуемой клитикой, ср. [Mišeska Tomić 2004: 205]. В то же время базы кластеризуемых клитик есть в других языках, например в хеттском, варльпири и дьяру [Mushin 2004]. База *nga* в дьяру имеет ту же дистрибуцию и просодическую характеристику, что и болг. *не/ще*, и при этом является селективным барьером для некоторых кластеризуемых клитик [Tsunoda 1988: 130]. Если цепочки клитик в дьяру и болгарском присоединяются не к базе, а к другой категории предложения, перестановок внутри цепочки нет. То же самое отмечает для языка мудбурра (W*-система) П. Мак-Конвелл [McConvell 1996: 304]. Здесь база *pa* (презентная связка) может стоять как в начале клаузы, так и внутри нее, см. (38a–b).

(38) мудбурра

- a. jalkaji pa =rna lap warnta
бумеранг AUX =1SG.NOM брать получать:FUT
'Я пойду захвачу бумеранг'.
- b. # pa =rna lap warnta jalkaji.
AUX =1SG.NOM брать получать бумеранг
'то же'

Тем самым болгарский механизм (xxiv) имеет внешнее соответствие и может не рассматриваться как отступление от правила рангов. В целом правила барьера действуют в славянских W-системах и W⁺-системах одинаково. Инверсия *ли* в болгарском не имеет параллелей в славянском ареале потому, что в других славянских языках нет сопоставимой синтаксической категории – баз клитик.

5.4. Копирование клитик. Ни в одном славянском языке копирование клитик не генерализовано. Спорадические примеры дублирования местоименных клитик встречаются в древних и современных языках, ср. др.-новг. *мнѣ=ся не может=ся* 'мне нездоровится' (Грамота 124, к. XIV в.). Для данного примера дублирование возвратной клитики *=ся* может интерпретироваться как проявление тенденции к закреплению *=ся* в постпозиции к неначальному глаголу клаузы.

5.5. Клаузы с двумя начальными барьерами. Для клауз более чем с одним барьером вводится различие кумулятивных vs. привативных барьеров. Кумулятивным барьером является любой барьер, добавление которого в предложение, где уже есть барьер, не привносит нового синтаксического эффекта. В W-системах и W⁺-системах добавление второго (n-го) барьера просто отодвигает клитику / цепочку от начала клаузы на соответствующее число шагов.

- (39) др.-русск.
[^{BARRIER1} [VocP КНѦЖЕ]], [^{BARRIER2} {ContrTopic мы не на тѡ}] восталѣ =есмы, но не хочем кланѡти =са
попадѣи.
'Князь, мы восстали не против тебя, но мы не хотим кланяться попадѣе' (Ипат., под 1188 г., л. 299 об.).

В этом древнерусском примере в начало предложения вынесено обращение³¹, которое само по себе является в этом языке обязательным слепым коммуникативным барьером. Непосредственно за обращением стоит контрастная тема {ContrTopic мы не на тѡ}, уточняющая, что говорящие восстали против Y-а, а не против X-а. Такого рода группы в древнерусской системе были факультативным коммуникативным барьером [Зализняк 1993: 287], но это в данном случае не так важно, так как перед ней уже стоит обязательный барьер. Поэтому клитика *=есмы* присоединяется к следующему за последним барьером слову, глаголу *восталѣ*.

Аналогичные примеры нетрудно найти в современном болгарском языке, ср. (40).

(40) болг.

- [^{BARRIER1} [На нас]], [^{BARRIER2} [помежду ни]], [^{BARRIER3} [условие-то]]
DAT 1PL между 1PL.DAT условие-DEF:SG.N
знаеш =ли как =е?
знать:2SG.PRS Q WH AUX:3SG.PRS
'Знаешь, какой между нами уговор?'

Комбинации из нескольких коммуникативных барьеров обычно ведут себя так же, как одиночные коммуникативные барьеры, т. е. имеют кумулятивные свойства. Комбинации из нескольких грамматикализованных барьеров и комбинации грамматикализованных и коммуникативных барьеров, как правило, некумулятивны.

³¹ Мы используем здесь помету VocP, т. е. «группа обращения».

Привативным барьером является тот барьер, при добавлении которого в предложение с другим барьером отменяется эффект первого барьера и восстанавливается базовый порядок слов (как если бы в предложении с клитиками вообще не было барьеров). Этот эффект отмечен А. Рувре на материале европейского португальского [Rouveret 1999: 641], Д. Чаваром и К. Вилдером для сербохорватского [Cavar, Wilder 1999: 452] и нами для словацкого языка [Циммерлинг 2002: 87]. Тем самым механизм привативного барьера засвидетельствован в V-системах (европ. португ.) и в W-системах (сербохорватский, словацкий), где есть одиночные барьеры. Вероятно, более точный анализ W⁺-систем и W*-систем покажет, что привативные барьеры имеются и в них, так как в W⁺- и W*-системах заведомо есть одиночные барьеры.

5.6. Направление действия правила барьера. Во всех славянских W- и W⁺-системах правила барьера смещают цепочки клитик или отдельные клитики слева направо, ближе к концу клаузы. Правил одиночного барьера типа (xiii), которые действовали бы в обратном направлении, смещая в коммуникативно маркированных высказываниях кластеризуемые элементы ближе к началу клаузы, ни в одном из языков, включая болгарский и македонский, нет. Это подтверждает гипотезу о том, что для всех славянских W- и W⁺-систем релевантна ориентация на левую границу клаузы.

6. Начальные ансамбли и запрет на комбинации групп перед цепочкой. В славянских языках критерии замкнутости синтаксической группы варьируют из-за способности отдельных языков образовывать ансамбли в начальной позиции XP. Чешский язык обычно разрешает постановку перед клитиками одной группы обстоятельства, но в коммуникативно маркированных высказываниях допускаются ансамбли из нескольких обстоятельств [Avgustinova, Oliva 1997: 45–46]. Чешский пример (35) указывает на возможность ансамбля из двух дополнений в высказывании с контрастивной темой, а болгарский пример (36) демонстрирует ансамбль из двух дополнений, являющихся частью темы. Возможность / невозможность образовывать ансамбли подобного рода противопоставляет славянские W-системы друг другу. В важном случае все славянские W-системы и W⁺-системы исключают начальные ансамбли из двух и более групп членов предложения в XP. Полностью запрещены ансамбли четырех типов³²:

- финитный глагол + дополнение *[V_{fin} + O],
- подлежащее + финитный глагол *[S + Vf_{fin}],
- финитный глагол + обстоятельство *[V_{fin} + Adv],
- подлежащее + дополнение *[S+O].

Это позволяет считать, что требование единственности начальной группы, предшествующей клитикам в производных структурах вида XP – CL, в славянских языках не размывается: появление ансамблей запрещенного типа является основанием для исключения языка из класса W-систем и W⁺-систем. Возможность образования ансамблей разрешенного типа в болгарском и чешском позволяет вставлять более длинные группы в начальную позицию клаузы с клитиками при базовом порядке XP – CL, не прибегая к производному порядку с барьером [^{BARRIER} XP] – V – CL.

³² Наличие ансамблей перед цепочкой клитик является достаточно редким, но не уникальным явлением. Так, язык варльпири, согласно описанию Д. Нэша, не разрешает ансамбли чешского или болгарского типа, но при этом разрешает ансамбли вида «глагол + внутренний объект (V+O)» [Nash 1986: 196], которые во всех славянских языках запрещены.

Ср. варльпири:

(i)	Warlpiri	=ka	=rna	ngajulu	wangka-mi
	варльпири	AUX.PRS	1SG.NOM	я	говорить-NPST

‘Я говорю на языке варльпири’.

(ii)	Warlpiri-wangka-mi	=ka	=rna	ngajulu
	варльпири-говорить-NPST	=AUX.PRS	=1SG.NOM	я

‘то же’

7. Парентетические вставки и типы клитик. По ориентации на фонетическое слово славянские кластеризуемые клитики делятся на три группы: строгие энклитики, нестрогие энклитики и универсальные клитики. Эта классификация носит смешанный характер и в первую очередь отражает набор позиций, а во вторую – просодию клитик.

А. Строгие энклитики. Элемент является строгой энклитикой, если он не может начинать клаузу и порядок * # CL ... # запрещен. Такие свойства имеют кластеризуемые клитики в сербохорватском, болгарском, чешском, словацком языках и древненовгородском диалекте: для этих языков цепочка / одиночная кластеризуемая клитика может быть вставлена, только если начальная позиция главной клаузы занята некоторой группой: # XP – CL ... #.

В большинстве языков с энклитиками возможно несоответствие фонетического и синтаксического аспекта строгой энклизы. Сербохорватский запрещает постановку энклитик после паузы и вставленной парентетической группы [Radanović-Kocić 1996: 439–441]. Болгарский (см. [Mišeska Tomić 2004: 214; Franks 2008: 100]) и чешский (см. [Avgustinova, Oliva 1997: 32–33]) спорадически допускают такую постановку. Т. Августинова и К. Олива, которые анализируют факты чешского языка, предлагают считать чешские кластеризуемые клитики не строгими энклитиками, а универсальными клитиками, в их терминологии – просодически автономными клитиками (*prosodically autonomous clitics*). В таком случае окажется, что строгие энклитики есть только в сербохорватском и, возможно, в древненовгородском. Такое решение терминологически неудобно, поскольку постановка клитик после паузы и вставленной парентетической группы в перечисленных языках встречается спорадически, нигде не является обязательной и не связана с выполнением какого-либо коммуникативного задания. В этих условиях проще фонетические отступления от принципа строгой энклизы отнести к уровню речи, чем считать их системной характеристикой.

В. Нестрогие энклитики. Элемент является нестрогой энклитикой, если он при базовом порядке слов стоит во второй позиции, но при производном порядке слов и выражении строго определенного коммуникативного задания может перемещаться в начало клаузы: # XP – CL... # ⇒ # CL ... #, ср. слов. *rekla*=*sem da pridem* ‘я сказала, что приду’ ⇒ # *sem*=*rekla da pridem* ‘я же сказала, что приду’ (AUX:3SG.PRS=сказать:3SG.F.PRF что прийти:1SG.FUT)³³. Такие свойства имеют местоименные и связочные клитики в словенском языке, а также местоименные и связочные клитики в некоторых диалектах болгарского языка [Котова, Янакиев 2001: 589]. Возможно, сюда же следует поместить верхнелужицкие клитики [Šewc-Schuster 1976: 122], но условия их выноса в начало клаузы недостаточно изучены.

С. Универсальные клитики. Элемент является универсальной клитикой, если для него позиция энклизы и проклизы одинаково приемлемы и порядки # XP – CL ... ~ # CL ... # в равной мере базовые. Такому определению удовлетворяют местоименные и связочные клитики в македонском языке, где порядок # CL ... # с начальными клитиками, в отличие от словенского языка, не связан с выражением особой коммуникативной семантики³⁴. Кластеризуемые проклитики, видимо, есть только в молизеславе, см. (19)–(21).

Запрет на вынос клитик на левый край клаузы часто называют законом Тоблера – Мусафии (Tobler – Mussafia law), ср. [Fontana 1996; Franks 2008: 93]. Речь на самом деле идет не об особом законе, а о попытке объяснить отдельные аспекты закона Ваккернагеля тем, что кластеризуемые клитики являются строгими энклитиками. Отличие

³³ Параметр, разрешающий данное преобразование в языке с нестрогими энклитиками, мы предлагаем назвать термином *clitic fronting*.

³⁴ Тот факт, что в македонском проклиза и энклиза закреплены за разными типами клауз (см. раздел 2.4 выше) сам по себе не свидетельствует о том, что данный язык является W⁺-системой. В языке кашибо-какатайбо, который является W-системой, кластеризуемые элементы – нестрогие энклитики в большинстве типов клауз, кроме императивных клауз, где они выступают в качестве строгих проклитик [Zariquey Biondi 2011]. Тем самым распределение энклизы и проклизы в данном языке зеркально отражает ситуацию в македонском.

македонской системы от болгарской в том, что болгарский использует строгие энклитики, а македонский – универсальные клитики. Если считать запрет выносить клитики в начало клаузы несинтаксическим, македонская W^+ -система – вариант болгарской. Трудность представляет тот факт, что не все македонские клитики фонетически однородны. Частица *ли* является в македонском строгой энклитикой, а связки и краткие местоимения – универсальными клитиками. В силу этого макед. # *Си=му=ги дал парите*, эквивалентное болг. *дал=си=му=ги парите* ‘Ты дал ему деньги’ (AUX:2SG.PRS=3SG.M.DAT=3PL.ACC дать:SG.M.PRF деньги-DEF), грамматично, а макед. *# *ли=си=му=ги дал парите?* ‘дал ли ты ему деньги?’ (Q=AUX:2SG.PRS=3SG.M.DAT=3PL.ACC=дать:SG.M.PRF деньги-DEF) неграмматично. В то же время наличие начальной группы (XP) ни в системах со строгими энклитиками, ни в македонской системе с универсальными клитиками нельзя объяснить несинтаксически. Механизм, позволяющий преодолеть нежелательный порядок слов, в этих языках общий – разрыв цепочки с выносом частицы *ли* вправо, т. е. правило барьера: макед. # *си=му=ги дал=ли парите?* ‘дал ли ты ему деньги’ (AUX:2SG.PRS=3SG.M.DAT=3PL.ACC дать:SG.M.PRF=Q деньги-DEF).

В большинстве славянских языков нет ограничения на постановку клитик на правом краю неимперативной клаузы. Такое ограничение действует лишь в сербохорватском [Radanović-Kocić 1996: 438]. Предложенная классификация с выделением строгих, нестрогих энклитик и универсальных клитик и ее аналоги у наших предшественников обычно интерпретируются фонетически. О. Томич и С. Фрэнкс, однако, обратили внимание на то, что болгарские местоимения и связки, которые выгодно описывать как строгие энклитики, все же могут стоять после паузы.

(41) болг.

Няколко # *казва* # =си =му дал³⁵.
 несколько говорить:3SG.PRS AUX:2SG.PRS 3SG.M.DAT дать:3SG.PRF.PTCP
 ‘Он говорит, что ты дал ему несколько штук’.

В этом примере О. Томич глагол главной клаузы *казва* парентетически вставлен внутрь придаточного с глагольной вершиной *дал*, к которой относятся клитики =си=му. Все примеры С. Фрэнкса тоже включают парентетические вставки.

(42) болг.

Петко, # *един мой* приятел # =му =го *дале*.
 Петко один 1SG.POSS:SG.M приятель 3SG.M.DAT 3SG.M.ACC дать:3SG.PST
 ‘Петко, один мой приятель, дал ему это’.

Примеры типа (41)–(42) указывают на то, что синтаксическая структура, где строгие энклитики помещены во вторую позицию от начала клаузы, не меняется от парентетического внесения, хотя парентеза влияет на просодическую структуру фразы. Собранный нами материал подтверждает, что вводные слова и уточняющие причастные обороты трактуются носителями болгарского языка как парентезы, накладывающиеся на уже построенную синтаксическую структуру с расставленными местоименными клитиками. Ср. примеры из рассказа Т. Цанковой (43–44), где клитика =се произносится после паузы.

(43) болг.

А реалност-та *беше*, [ср че тя, # *без съмнение* #, =се
 а реалность-DEF:SG.F быть:3SG.PST COMP 3SG.F без сомнение =REFL.ACC
беше шегувала].
 быть.3SG.PST шутить:3SG.F.PLQ
 ‘А реальность заключалась в том, что она <эта девушка>, несомненно, шутила’.

³⁵ Пример из [Mišeska Tomić 2004: 214]. В данном предложении имеет место эллипсис союза *че* ‘что’, парентетическая вставка глагола главного предложения *казва* ‘он говорит’ в состав придаточного и экстрация *няколко* из состава придаточного с перемещением *няколко* левее *казва*.

(44) болг.

Сянка-та, тень-DEF:SG.F <u>беше</u> быть:3SG.PST нощни ночной:PL	# <u>останала</u> остаться:SG.F.PTCP <u>изгубила</u> пропадать:SG.F.PLQ сенки. тень:PL	от гнев-а от гнев-DEF:SG.M измежду измежду много-то многий:SG.N-DEF:SG.N	=му, =POSS:3SG.M	# =ce =REFL.ACC други другой:PL
---	---	---	---------------------	--

‘Тень, оставшаяся от его гнева, исчезла среди многих других ночных теней’.

В примере (45) парентетический оборот *преди да си легне* «прежде чем лечь / прежде чем она легла» вставлен между подчинительным союзом *че* ‘что’ и энклитикой =я ‘ее’:

(45) болг.

<Тя 3SG.F сигурна, уверен:SG.F <u>беше</u> быть:3SG.PST	<u>стана</u> , встать:3SG.PST че COMP <u>затвори</u> закрывать:3SG.F.PLQ	за PRP # [<u>преди</u> прежде	да COMP =я =3SG.F.ACC =си AUX:2SG	<u>затвори</u> >. закрывать:3SG.PST <u>легне</u>], # лечь:3SG.PST	Беше быть:3SG.PST =я =3SG.F.ACC добре. хороший:ADV
--	---	---	--	---	---

‘<Она встала, чтобы закрыть его [окно]>. Она была уверена, что, прежде чем лечь, она его закрыла как следует’.

Такие примеры показывают, что строгая энклитичность – в большей мере системная, нежели фонетическая характеристика. В сербохорватском просодические и синтаксические признаки строгой энклизы совпадают, поэтому аналоги предложений (41–45) невозможны. Словенский, чешский и словацкий языки ведут себя аналогично болгарскому, ср. пример из словацкого текста, где парентетическое предложение из 22 слов вставлено в распространяющий оборот *jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov* ‘один из главных поэтических талантов’, тоже имеющий статус парентезы:

(46) словац.

Miroslav Válek (1927–1991), #*[jeden z najväčších básnických talentov a líder šesťdesiatych rokov]*# #*(jeho básnické zbierky Dotyky, 1959; Príťažlivosť, 1961; Nepokoj, 1963; Milovanie v husej koži, 1965 znamenali jednoznačnú obrodu poézie a boli doslova literárnymi udalosťami)*#, =sa stal ministrom kultúry a obhajoval normalizačnú politiku, hoci s veľkou rezervou pre literárne hodnoty;

Букв. ‘Мирослав Валек (1927–1991), #*[один из главных талантов в поэзии и лидер шестидесятых годов]*# (его поэтические сборники «Прикосновения» (1959), «Притяжение» (1961), «Тревога» (1963), «Любовь с гусиной кожей» (1965) однозначно знаменовали собой победы поэзии и в буквальном смысле стали литературными событиями)# =ся сделал министром культуры и поддерживал политику нормализации, хотя и с большим резервом для литературного качества³⁶.

Допустимость синтаксических энклитик после парентетических вставок коррелирует с параметром, разрешающим постановку клитик после «тяжелых» начальных групп, состоящих из большого числа фонетических слов. Письменный словацкий язык разрешает постановку клитик после тяжелых групп, состоящих из пяти и более фонетических слов, поэтому появление примеров типа (46), где между начальной ИГ из четырех фонетических слов и возвратной энклитикой =sa вставлены две парентетические группы, закономерно.

8. С-системы. Ограничения на размещение цепочек могут комбинироваться как с ограничениями на размещение других категорий предложения (болгарский, македонский язык и прочие W⁺-системы), так и с отсутствием таковых (прочие славянские язы-

³⁶ Пример с сайта <http://www.litcentrum.sk/31661>.

ки, отнесенные выше к W-системам и W*-системам). Но отсутствие ограничений на размещение цепочек клитик не означает, что в языке есть какие-то другие грамматикализованные ограничения на расстановку категорий предложения. Доказательством служат русский, белорусский и украинский языки, где кластеризуемых клитик нет вообще³⁷, как нет и ограничений германского или болгарского типа на место глагола. Языки данного типа мы назовем C-системами (C = communicative).

Язык L является C-системой, если в нем нет грамматикализованных ограничений на расстановку категорий предложений, реализующихся автоматически независимо от выражаемых коммуникативных значений.

Слависты предлагали разные ответы на вопрос о том, как такая система порядка слов функционирует. Непревзойденное по точности описание C-системы выполнено И.И. Ковтуновой, которая объяснила русскую C-систему в терминах трансформационных правил, одновременно меняющих линейную позицию и коммуникативный статус элементов предложения [Ковтунова 1976]. В более поздних работах такие правила были названы линейно-акцентными преобразованиями (ЛА-преобразованиями), ср. [Янко 2001: 126]. Выдвинем имплицативную гипотезу:

(xxv) Если язык L является C-системой, линейные и акцентные варианты предложений с общей лексико-синтаксической структурой порождаются направленными преобразованиями, одновременно меняющими место и коммуникативный статус элементов, – ЛА-преобразования. ЛА-преобразования действуют на коммуникативные составляющие, границы которых могут не совпадать с границами синтаксических групп.

По отношению к восточнославянским C-системам эта гипотеза уточняется так: (xxvi) Славянские C-системы относятся к языкам с прямым интонационным маркированием коммуникативных составляющих. В языках с прямым интонационным маркированием имеется тональный алфавит из ограниченного числа синтаксически релевантных просодий, соотношенных со значениями темы, ремы и других базовых коммуникативных статусов.

Классы C-систем и языков с прямым интонационным маркированием не совпадают: интонационное маркирование может сочетаться с фиксированным порядком слов. Вместе с тем вероятно, что большинство C-систем имеет интонационное маркирование. ЛА-преобразования могут действовать и в языках с цепочками клитик и прочих системах порядка слов, а часть правил барьера связана с коммуникативной перспективой высказывания. Однако в W-, W⁺- и V-системах большая часть ограничений, связанных с цепочками, полностью грамматикализована и не зависит от коммуникативных факторов. Поэтому выделение C-систем в особый тип уместно.

9. Эволюция систем порядка слов в славянском ареале. Праславянский язык с высокой вероятностью был стандартной W-системой. А.А. Зализняк показал, что книжная древнерусская W*-система выводима из древненовгородской [Зализняк 2008], в то время как деривация в обратном направлении невозможна, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2009б]. Й. Гылыбов [Gălăbov 1950] был первым славистом, который интерпретировал болгарскую W⁺-систему как систему с законом Ваккернагеля с наложенным на нее ограничением на место глагола. Напротив, Р. Якобсон [Jakobson 1971] пытался объяснить исчезновение W-систем в восточнославянском ареале фонетически – изменением характера словесного ударения. Эта гипотеза не верифицирована. В общем случае синтаксические ограничения обладают определенной инерцией и не всегда коррелиру-

³⁷ Анонимный рецензент замечает, что в Национальном корпусе русского языка «обнаруживаются сочетания *бы ли* и *ли бы* в вакернагелевской позиции». Согласно принятому в нашей статье подходу, уже само наличие альтернирующих порядков *бы ли* ~ *ли бы* доказывает, что свободные клитики *бы* и *ли* не являются кластеризуемыми элементами в современном русском языке. Кроме того, в ряде примеров, где русск. *ли* и русск. *бы* оказываются в контактной позиции, одна из этих клитик может быть связанной, ср. *ли* в русск. *едва=ли бы он вообще выжил*, **едва бы ли он вообще выжил*.

ют с просодическими условиями, действующими в синхронии. Так, болгарский язык имеет фонологическое разноместное ударение и фонетические механизмы выделения ударного слога, а македонский язык имеет фиксированное ударение на третьем слоге от конца, при этом ударный слог фонетически выделен гораздо слабее, чем в болгарском. При этом синтаксические системы болгарского и македонского языков очень близки.

Наличие однотипных W-систем с разным составом клитик в разных частях славянского ареала не может объясняться параллельным развитием. Становление W⁺-систем – инновация болгарского и македонского языков. Утрата цепочек клитик в истории русского языка тоже является инновацией: еще в XV в. живой древнерусский язык (северо-западный диалект) был стандартной W-системой. Три ареальных типа славянских правил рангов определяются с опорой на позицию наиболее поздних слов клитик, получивших место в цепочках уже после распада праславянской общности [Zimmerling 2008; Циммерлинг 2009б: 270]. Отдельные диалекты украинского языка (Закарпатье) в плане синтаксиса клитик близки древнерусскому языку. Древнечешский язык XV–XVI вв. квалифицируется как W-система западнославянского типа, хотя набор кластеризуемых клитик в древне- и новочешском не совпадает. Старопольский язык в большей мере соответствует характеристике W-систем, чем современный польский. Наиболее древней засвидетельствованной W*-системой является книжная церковнославянская. Отход от стандартной W-системы в этом языке и в языке древнерусских книжных памятников можно связать с ориентацией на письменную речь и переводным или подражательным характером памятников [Зализняк 2008: 166].

Итак, восстанавливаются следующие направления эволюции:

- 1) W-система → W-система (консервация исходного типа): сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, закарпатский украинский, русинский.
- 2) W-система → W⁺-система: болгарский, македонский языки.
- 3) W-система → W*-система: польский язык.
- 4) W-система → C-система: русский язык.

10. Славянские системы порядка слов: выводы. В славянском ареале представлено четыре типа систем с цепочками клитик, три из них – W-, W⁺- и W*-системы – являются результатом самостоятельного развития, в то время как V-система в молизе-славе возникла в результате контактов с итальянским языком. Языки, где есть цепочки, но не фиксировано ни место глагола, ни место цепочек в клаузе, для славянского ареала нехарактерны, но в восточнославянском установились C-системы, где нет ни кластеризуемых клитик, ни грамматикализованных ограничений на место глагола. Порядок # [V – CL] частотен, но ограничение V2 / V1 ни в одном славянском языке не развилось. Контактная последовательность XP – [V – CL] возникает в предложениях с производным порядком слов в результате перемещений глагола и клитик, вызываемых правилами барьера. В болгарской и македонской W⁺-системах смежность позиций цепочки клитик и глагола закреплена на уровне базового порядка слов. Критерий единственности начальной группы, предшествующей цепочке, в славянских W- и W⁺-системах соблюдается в полном объеме: утверждения об обратном объясняются неразличением базового и производного порядков слов и игнорированием правил барьера. Два языка – болгарский и чешский – допускают объединение нескольких групп обстоятельств или дополнений в ансамбль, т. е. единую коммуникативную составляющую, выносимую целиком перед цепочкой клитик. Использование ансамблей в болгарском и чешском служит ресурсом, расширяющим сферу употребления базового порядка XP – CL за счет производных порядков с коммуникативным барьером. Все славянские языки присоединяют цепочки к узлу Comp в зависимых клаузах и к первой полной группе / первому ударному слову в главных клаузах. Для славянских W- и W⁺-систем, которые используют один и тот же набор кластеризуемых клитик в главных и зависимых клаузах, это позволяет подвести три основных базиса клитик под единую категорию XP / °X / Comp. Дополнительные базисы клитик, используемые отдельными славянскими языками, – начальные проклитики не из числа подчинительных союзов, фразы-цитаты и сентен-

циальные составляющие – расширяют возможности использования базового порядка XP – CL при разной просодии начального элемента главных клауз. Для W*-систем характерно нарушение пропорции между базовым порядком и порядками с барьером, что проявляется в отступлениях от правила рангов. Используемые в славистике ярлыки «клитики второй позиции» и «клитики, смежные с глаголом» могут пониматься как сокращения, соответственно, для «кластеризуемых клитик в славянских W-системах» и «кластеризуемых клитик в славянских W⁺-системах», но тезис о том, что эти ярлыки указывают на разные разряды клитик с разными свойствами, ошибочен. Больше оснований постулировать особую синтактику для болгарских и македонских глаголов, стоящих контактно с цепочками клитик, и для болгарских баз клитик *не* и *ще*, имеющих фиксированную позицию в клаузе и притягивающие к себе цепочки. В большинстве славянских языков кластеризуемые элементы являются строгими энклитиками (в стандартной терминологии, клитиками, подчиняющимися закону Тоблера – Мусафии) или нестрогими энклитиками, способными стоять в начале клаузы. Синтаксические и фонетические аспекты энклизы не совпадают, большинство славянских языков допускают парентетические вставки в уже построенную структуру с клитиками, в результате чего цепочки клитик произносятся после паузы. Последовательное описание славянских систем с цепочками в просодических терминах проблематично как по данной причине, так и потому, что в славянском кластеризуются клитики уровня предложения и не кластеризуются непредикатные клитики уровня ИГ / ПГ. Кроме того, правила рангов, порождающие цепочки, подчиняются в славянских языках категориальному принципу, когда блоки клитик разных категорий не пересекаются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

[...]	– формальная составляющая	INS	– творительный падеж
{...}	– коммуникативная составляющая	IO	– косвенное дополнение
ABS	– абсолютный падеж	IP	– группа нефинитной формы глагола, нефинитная клауза
ACC	– винительный падеж	ITER	– итеративный показатель
ADR	– показатель адресата	LOC	– местный падеж
AFF	– аффирматив	M	– мужской род
AUX	– связка	N	– средний род
CAUS	– каузатив	NEG	– отрицание
CLP	– группа кластеризуемых клитик	NOM	– именительный падеж
COMP	– комплементаризер	NP	– именная группа
CompP	– группа подчинительного союза в узком смысле	NPST	– непрошедшее время
COND	– сослагательное наклонение	NS	– неподлежащая форма, объектный падеж
Contr.Topic	– контрастивная тема	OPT	– оптатив
CoP	– сочиненная группа	PASS.INV	– пассив-инверсив
CP	– группа подчинительного союза в широком смысле, придаточное	PASS.PTCP	– страдательное причастие
DAT	– дательный падеж	PL	– множественное число
DEF	– определенность	PLQ	– плюсквамперфект
DO	– прямое дополнение	PP	– предложная группа
DP	– группа детерминатора, определенная именная группа	PREP.DAT	– предложный дательный падеж
DU	– двойственное число	PRF	– перфект
ERG	– эргативный падеж	PRP	– цель
EVID	– показатель эвиденциальности	PRS	– настоящее время
F	– женский род	PST	– прошедшее время
FUT	– будущее время	PTCP	– причастие
GEN	– родительный падеж	Q	– показатель вопроса
GER	– деепричастие, герундий	QUOT	– маркер цитации
IMP	– повелительное наклонение	REAS	– причинный союз
INDEF	– неопределенность	REFL	– рефлексив
INF	– инфинитив	REL	– релятивизатор
		SG	– единственное число
		TOP	– топиальный показатель

TopicP – тема, тематическая группа
TP – финитное предложение
TR – показатель переходности
VocP – группа обращения

VP – глагольная группа
WH – вопросительное слово
XP – группа произвольной категории предложения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1993 – А.А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М., 1993.
- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Кисилиер 2009 – М.Л. Кисилиер. Синтаксические особенности личных местоимений в позднем койне: Двусложные местоимения в «Луге духовном» Иоанна Мосха // Acta linguistica petropolitana. Т. II. Ч. 1. СПб., 2009.
- Ковтунова 1976 – И.И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Котова, Янакиев 2001 – Н. Котова, М. Янакиев. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001.
- Толстая 2000 – М.Н. Толстая. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: Место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1988–1999. Вып. XIV. М., 2000.
- Циммерлинг 2002 – А.В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Циммерлинг 2009а – А.В. Циммерлинг. Элементы предложения и синтаксические позиции в языках современной Европы // Язык и речевая деятельность 2009. Т. 8.
- Циммерлинг 2009б – А.В. Циммерлинг. Клитики в древнерусском пространстве: По поводу книги А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики» // Русск. яз. в науч. освещ. 2009. № 1.
- Циммерлинг 2012а – А.В. Циммерлинг. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // ВЯ. 2012. № 4.
- Циммерлинг 2012б – А.В. Циммерлинг. Системы порядка слов в славянских языках // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб., 2012.
- Янко 2001 – Т.Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Agbayani, Golston 2010 – B. Agbayani, C. Golston. Second-position is first-position. Wackernagel's law and the role of clausal conjunction // Indogermanische Forschungen 115. 2010.
- Aikhenvald 2002 – A.Y. Aikhenvald. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Word: A cross-linguistic typology. Cambridge, 2002.
- Anderson 1993 – S.R. Anderson. Wackernagel's revenge: Clitics, morphology, and the syntax of second position // Language. 1993. V. 69. № 1.
- Avgustinova, Oliva 1997 – T. Avgustinova, K. Oliva. On the nature of the Wackernagel position in Czech // U. Junghanns, G. Zybatow (eds.). Formale Slavistik. Frankfurt, 1997.
- Billings, Konopasky 2002 – L. Billings, A. Konopasky. The role of morphology in ordering verb-adjacent clitics: From syntax to prosody in Bulgarian and Tagalog // A. Alexiadou et al. (eds.). Linguistics in Potsdam 19. Potsdam, 2002.
- Bošković 2004 – Ž. Bošković. Clitic placement in South Slavic // Journal of Slavic linguistics. 2004. V. 12/1–2.
- Browne 2007 – W. Browne. Word order in Burgenland Croatian: Clitics. Talk at the Third Southeast European studies association conference, April 26–28, 2007.
- Browne 2008 – W. Browne. Порядок клитиков у войводянским русинским. Шветлосц 3. Novi Sad, 2008.
- Cardinaletti 1999 – A. Cardinaletti. Pronouns in Germanic and Romance languages: An overview // H. van Riemsdijk (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5). Berlin; New York, 1999.
- Ćavar, Wilder 1999 – D. Ćavar, C. Wilder. Clitic third in Croatian // H. van Riemsdijk (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5). Berlin; New York, 1999.
- Chomsky 2005 – N. Chomsky. Three factors in language design // Linguistic inquiry. 2005. V. 36.
- Cooper 1999 – K. Cooper. On the nature and distribution of Zurich German pronominal clitics // H. van Riemsdijk (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5). Berlin; New York, 1999.

- Dimitrova-Vulchanova 1999 – *M. Dimitrova-Vulchanova*. Clitics in the Slavic languages // H. van Riemsdijk (ed.). *Clitics in the languages of Europe* (Eurotype 20–5). Berlin; New York, 1999.
- Fontana 1996 – *J.M. Fontana*. Phonology and syntax in the interpretation of the Tobler-Mussafia law // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Franks 2008 – *S. Franks*. Clitic placement, prosody and the Bulgarian verbal complex // *Journal of Slavic linguistics*. 2008. V. 16/1.
- Franks 2009 – *S. Franks*. Clitics in Slavic // S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (eds.). *Die slavischen Sprachen. The Slavic languages. An International Handbook of their structure, their history and their investigation*. Bd. I. Berlin; New York, 2009.
- Franks, King 2000 – *S. Franks, T.H. King*. *A Handbook of Slavic clitics*. Oxford, 2000.
- Galves 2001 – *Ch. Galves*. Agreement, predication, and pronouns in the history of Portuguese. Manuscript. 2001.
- Gălăbov 1950 – *I. Gălăbov*. Zur Frage der bulgarischen Enklitika // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1950. Bd. XX. H. 2.
- Garrett 1996 – *A. Garrett*. Wackernagel's law and unaccusativity in Hittite // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Guillaume 2008 – *A. Guillaume*. *A grammar of Cavineña*. Berlin; New York, 2008.
- Halpern 1996 – *A. Halpern*. Introduction // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Hana 2008 – *J. Hana*. The position of Czech clitics. Talk at the 3rd Annual meeting of the Slavic linguistic society. Columbus, Ohio, June 10–12, 2008.
- Herd 2003 – *J. Herd*. Deriving prosodic inversion: Clitics, cyclicity and the organization of post-syntactic interfaces // *Toronto working papers in linguistics*. 2003. 21.
- Jakobson 1971 – *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves // R. Jakobson. *Selected writings*. II. Word and language. The Hague; Paris, 1971.
- Jelinek 2000 – *E. Jelinek*. Predicate raising in Lummi, Straits Salish // A. Carnie, E. Guilfoyle (eds.). *The syntax of verb initial languages*. Oxford, 2000.
- Kosta, Zimmerling 2012 – *P. Kosta, A. Zimmerling*. Slavic clitic systems in a typological perspective // L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou, P. Kosta (eds.). *The structure of NP and beyond* (Studies in generative grammar). Berlin; London, 2012. In print.
- C. Lee 2006 – *C. Lee*. Clitic pronouns in Masbatenyo. Paper presented at the Tenth conference on Austronesian linguistics, 17–20 January 2006, Puerto Princesa City. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>.
- F. Lee 2000 – *F. Lee*. VP remnant movement and VSO in Quiavini Zapotec // A. Carnie, E. Guilfoyle (eds.). *The syntax of verb initial languages*. Oxford, 2000.
- Mathieu 2006 – *E. Mathieu*. Stylistic fronting in Old French // *Probus*. 2006. 18.
- McConvell 1996 – *P. McConvell*. The functions of split-Wackernagel clitic systems: Pronominal clitics in the Ngumpin languages (Pama-Nyungan family, Northern Australia) // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Migdalski 2007 – *K. Migdalski*. On the emergence of the second position cliticization in Slavic // *Formal description of Slavic languages 7*. Leipzig, 2007.
- Mišeska Tomić 2004 – *O. Mišeska Tomić*. The South Slavic pronominal clitics // *Journal of Slavic linguistics*. 2004. V. 12/1–2.
- Mushin 2004 – *I. Mushin*. Second-position clitic phenomena in North-Central Australia: Some pragmatic considerations // *Proceedings of the 2004 Conference of the Australian linguistic society*. 2004.
- Mushin, Simpson 2008 – *I. Mushin, J. Simpson*. Free to bound to free? Interactions between pragmatics and syntax in the development of Australian pronominal systems // *Language*. 2008. 84/1.
- Nash 1986 – *D.G. Nash*. *Topics in Warlpiri grammar*. Cambridge (Mass.), 1986.
- Peng, Billings 2006 – *A. Peng, L. Billings*. Binukid pronominal clitics. Paper presented at the Tenth conference on Austronesian linguistics, 17–20 January 2006, Puerto Princesa City. <http://www.sil.org/asia/Philippines/ical/papers.html>.
- Progovac 1996 – *L. Progovac*. Clitics in Serbian / Croatian: Comp as the second position // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.
- Radanović-Kocić 1996 – *V. Radanović-Kocić*. The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach // A.L. Halpern, A.M. Zwicky (eds.). *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford, 1996.

- Quali 2010 – *H. Quali*. Verb movement and pronominal clitic distribution in Berber. Manuscript. 2010.
http://www.sitemaker.umich.edu/hamid.ouali/files/verb_movement_and_object_pronominal_clitic_distribution.pdf
- Radford 1995 – *A. Radford*. Transformational grammar. A First course. Cambridge, 1995.
- Roberts 1997 – *T. Roberts*. The optimal second position in Pashto. Manuscript. 1997.
<http://roa.rutgers.edu/files/174-0297/174-0297-ROBERTS-0-0.PDF>
- Rouveret 1999 – *A. Rouveret*. Clitics, subjects and tense in European Portuguese // H. van Riemsdijk (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5). Berlin; New York, 1999.
- Šewc-Schuster 1976 – *H. Šewc-Schuster*. Gramatika hornjoserbskeje řeči. 2 zvjazk: Syntaksa. Budyšin, 1976.
- Sadock 1995 – *J.M. Sadock*. A multi-hierarchy view of clitics // Papers from the 31st Annual meeting of the Chicago linguistic society (CLS 31). Pt. 2. 1995.
- Stabler 1997 – *E.P. Stabler*. Derivational minimalism // Ch. Retore (ed.). Logical aspects of computational linguistics. New York, 1997.
- Taszycki 1955 – *W. Taszycki*. Wybór Tekstów Staropolskich XVI–XVIII wieku. Warszawa, 1955.
- Tegey 1977 – *H. Tegey*. The grammar of clitics: Evidence from Pashto and other languages. PhD diss. Urbana-Champaign, 1977.
- Tsunoda 1988 – *T. Tsunoda*. The Djaru language of Kimberly, Western Australia. Canberra, 1988.
- Wackernagel 1892 – *J. Wackernagel*. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. 1.
- Werle 2002 – *A. Werle*. Southern Wakashan clitics order. Talk given at the University of British Columbia linguistics department colloquium. 2002.
- Willet 1991 – *T.L. Willet*. A reference grammar of Southeastern Tepehuan. Arlington, 1991.
- Zariquiey Biondi 2011 – *R. Zariquiey Biondi*. A grammar of Kashibo-Kakataibo. La Trobe University, 2011.
- Zimmerling 2006 – *A. Zimmerling*. Encoding strategies in word order: the evidence of Slavic languages. Talk at The 1st meeting of the Slavic linguistic society. Bloomington, 8–10 September, 2006.
- Zimmerling 2008 – *A. Zimmerling*. The emergence of the 2nd position clitics in the Slavic languages and the order of cliticization. Talk at the 3rd Annual conference of the Slavic Linguistic Society, Ohio, June 10–12, 2008.
- Zimmerling 2010 – *A. Zimmerling*. Clitic particles and the typology of 2P languages. Manuscript. 2010.
- Zwicky 1977 – *A.M. Zwicky*. On Clitics. Bloomington, 1977.

Сведения об авторе:

Антон Владимирович Циммерлинг
 МГГУ им. М.А. Шолохова
 meinmat@yahoo.com

© 2012 г. А.Ф. ЖУРАВЛЕВ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У РУССКОГО НАРЕЧИЯ

В русских диалектах существует небольшая, с нечеткими границами, группа наречий, обладающих грамматической категорией числа. В статье рассматриваются наречия, восходящие к формам творительного падежа. В подавляющем большинстве случаев формы множественного числа наречия являются маркированными (*пеиками, космачами* – только о многих), единственного – немаркированными (*пеиком, космачом* – и об одном, и о многих). Число у наречия является несинтаксической категорией. Она представляет собою постепенно угасающее явление.

Ключевые слова: русские диалекты, наречие (часть речи), грамматическая категория числа, творительный падеж, маркированный – немаркированный, несинтаксическая категория

There is a small and vague group of adverbs in Russian dialects that possess a grammatical category of number. In this article we cover those adverbs that trace back to the forms of the instrumental case. The vast majority of plural forms of adverbs are marked (*пеиками, космачами* – about many only). The vast majority of singular forms of adverbs are unmarked (*пеиком, космачом* – about single and many). The number of adverb is a non-syntactic category, which disappears gracefully.

Keywords: Russian dialects, adverb, grammatical category of number, instrumental case, marked – unmarked, non-syntactic category

В нашей статье более чем тридцатилетней давности было высказано суждение о том, что неверно считать русское наречие частью речи, которой принципиально не свойственно словоизменение (за исключением форм сравнительной степени у группы качественных наречий) [Журавлев 1980: 226–235]¹.

¹ Устойчивыми оказываются представления о том, что отсутствие изменяемости, не исключая грамматических форм числа, составляет принципиальную особенность наречия в любом языке, где оно выделяется как особая часть речи; ср.: «В любом языке должны быть слова, не обладающие ни одной из форм категории числа. Только на их фоне появляются и существуют формы числа. Такие слова есть: междометия, союзы, частицы, предлоги, наречия, инфинитив <...> [В эту подсистему] попадают и сами числительные, у которых отсутствует формально выраженная грамматическая множественность» [Карпов 1998: 117] (разрядка наша. – А. Ж.). Относительно числительных можно заметить, что автор процитированного высказывания к таковым относит, очевидно, только количественные слова *два, девять, шестнадцать...*, не обнаруживая числительных среди «классических» частей речи, которые обладают грамматической категорией числа (ср. *миллионов, четвертыми, удваивали...*; см. на этот счет систематизацию М.В. Панова [Панов 1966: 76]). Что же до наречия «в любом языке», то автора приведенной цитаты, если мы правильно поняли его суждение как универсалистское, можно упрекнуть в невнимании к фактам лингвистической типологии. Мы уже ссылались на замечание Л.В. Щербы о неосновательности точки зрения, «будто наречия по существу являются неизменяемыми», и опровержение этого мнения примером франц. *tout* (ср. также итал. *tutto*, исп. *todo*; могут быть привлечены параллели в немецких диалектах: *ein ganzer guter Mann – eine ganze gute Frau*). О случаях изменения неизменяемых слов, помимо прочего – о согласовании наречия в роде и числе, говорят индийские грамматики. Авторы описаний разных в генетическом плане языков флективного строя не только обнаруживают следы словоизменения в системах наречия, вторичных по отношению к главным частям речи (для многих языков это можно считать едва ли не обычной картиной), но нередко находят грамматические оппозиции этого рода живыми. В нахско-дагестанских, например, язы-

При пестром генезе наречия как части речи не вызывает удивления просвечивание в его системе следов прежнего грамматического существования. Меняя свой частеречный статус, приобретая адвербиальные функции, слово может в остаточном виде сохранять оппозиции утрачиваемых граммем². В разных языках с развитой морфологией заметным явлением оказывается адвербиализация падежных форм имен, знающих категорию числа, поэтому числовые оппозиции могут иметь место в грамматической подсистеме наречия. Но суть даже не столько в сохранении наречиями следов именных грамматических противопоставлений в «окаменелых», «застывших» формах, сколько в принципиальной возможности на этой подоплеке складываться новым противопоставляемым формам – уже внутри собственно адвербиальной сферы.

Другое дело – пользуются ли языки этой возможностью. В немалых случаях тождественноосновные наречия с разными формантами, восходящими к флексиям одних и тех же падежей имен существительных и прилагательных, но в разных числах, противопоставляясь формально, не обнаруживают различий в значениях и должны квалифицироваться как словообразовательные варианты, разве что иногда осложняемые некоторыми стилистическими расхождениями, ср. русск. (литер. и диал.) *впервой* : *впервые*, *сперва* / *сперву* : *спервых*, *издавна* : *издавных*, *зачастую* : *зачастые*, *напрямую* : *напрямые*, *сызмала* / *сызмалу* : *сызмалых*, *налегке* : *налегках*, *впотье* : *впотьях*, *невторопи* : *невторопях*, *заочью* : *заочми* и т. п. (обращает на себя внимание, что здесь преобладают наречия, восходящие не к «чистым» падежам, но к предложно-падежным формам). Однако у иных формально сопряженных единиц семантические противопоставления сохраняются (или развиваются вновь, если наречия не выводятся прямо из падежных форм, а формируются уже без обязательной оглядки на имя) и требуют оценок в качестве особого грамматического (словоизменительного) явления.

В упомянутой нашей статье дело касалось соотносительных наречий *верхом* : *верхами*, *пешком* : *пешками*, *босиком* : *босиками* и однокоренных с ними, которые генетически связаны с числовыми формами творительного падежа существительных и о которых мы говорили как об обладающих категорией числа. При этом в идеальном случае первые члены этих пар употребительны, когда речь идет о единственном отправителе действия (передвижение и т. п.) или носителе состояния (положение тела в пространстве и т. п.), а вторые – о неединственном. Однако такое идеальное распределение наречных форм и семантики в пределах говора или идиолекта наблюдается сравнительно редко, вернее было бы судить о «плюративах» и «сингулятивах» как соответственно маркированных и немаркированных членах противопоставления.

С достаточной определенностью об этом высказывается В.И. Даль, у которого две из упомянутых пар отражены именно в оппозиции – соотносительными парами: *верхом* наречие <е> 'конем, на коне, сидя на лошади или на ином чем', но обычно разум<еют> 'сидя раскинув ноги'; о многих говор<ится> *верхами* [Даль I: 184]; *пешком* ... О многих говор<ится> *пешками* [Даль III: 551]³.

Сравнительно надежны и противопоставления, которые формулируются в рязанском Деулинском словаре. В силу своего дифференциального характера формы *босиком*, *пешком* этот лексикон не включает, но толкование «плюративных» форм сопровождается в нем аккуратными ограничительными оговорками: *босиками* 'босиком' (о нескольких людях), *верхами* то же, что *верхом* (о нескольких всадниках), *пешками* 'пешком' (о не-

ках, кроме приобретения наречиями показателей разных локативов, усматриваются и числовые противопоставления; ср. аварск. 'внутри' (находиться, сидеть и т. п.): ед. ч. *жани-в* (о мужчине), *жани-й* (о женщине) – мн. ч. *жани-р*; за консультацию мы признательны М.Е. Алексееву. Однако может статься, что В.А. Карпов, произнося выражение «такие слова есть», имел в виду только русский язык: в статье он оперирует исключительно русскими примерами.

² Ср. сохранение видо-временных оппозиций в отглагольных именах деятеля *создатель* (*Ватикана*) (с перфектным значением) : *созидатель* (*будущего*). О мерцании, например, видовых и залоговых оттенков в русских наречиях см. в [Пешковский 1956: 112–113]. Примеры могут быть значительно умножены.

³ Далевскую накорневую акцентуацию наречия *пешками* образцы, которые поставляет современная диалектная лексикография, не подтверждают.

скольких людях) [Деулинский словарь: 63, 78, 401]. Особенно заслуживают интереса металингвистические рефлексии самих носителей диалекта: «[Когда говорят “пешком”, а когда “пешками”?] – П’ашкám’и – ёта каdá мнóуа» [Там же: 401]; обратим внимание на то, что «сингулятивная» форма в этом ответе респондента осталась без комментария, что может подтверждать ее немаркированность.

Другие диалектные словари, цитированные в упомянутой статье, дают менее определенные сведения. Например, Псковский словарь, построенный, в отличие от Деулинского, на недифференциальном подходе, форму *верхом* иллюстрирует текстуальными примерами, в которых фигурирует имя отправителя действия и, соответственно, глагол только в единственном числе, форма же *верхами* сопровождается иллюстрациями только с множественным субъектом [Псковский словарь 3 : 101], но в толковании («на спине лошади, свесив ноги по бокам») ограничения на грамматическую сочетаемость ни в том ни в другом случае не формулируются. А пара наречий *босиком* : *босикám* ‘без обуви и чулок, не обувшись’ дает иную картину: форма *босикám* также присутствует только в контекстах с множественным отправителем действия или неопределенно-личных предложениях «Бъсикám *пашли* ф Съкалóва, а абúтки в рука́х взяты», «Туда́ басикám не *хóдят*: га́даф мнóга»), но примеры к статье *босиком* демонстрируют едва ли не полный спектр синтаксических возможностей («В вьскрясэньи *дэфки* – то́лько пята́ хламóцуть – бьсикóм *пляшуть*», «Кали́ сашйэ́ мужы́к сапаги́, таг да цэркви *или* басикóм»), «Малатить *идёш* басикóм да гувна́», фразеологизм *Христос по душе босиком пробежал* – о высшей степени удовольствия [Там же 2: 130]).

Положение дел в словарях, однако, прямо не опровергает идеи наличия у некоторых наречий в том или ином говоре или группе близких говоров грамматического противопоставления по числу, но в ряде случаев скорее толкает к мысли о неполноте описания или о нерешимости диалектологов такое грамматическое явление констатировать. Впрочем, здесь для лингвиста труднопреодолимым моментом является весьма малое количество наречных единиц с обсуждаемой особенностью, тогда как сознание привычно тяготеет к пониманию грамматической категории как свойства, присущего если не всем и не большинству, то значительному количеству единиц выделяемого класса (части речи и т. п.).

Сейчас, с продолжением сводного «Словаря русских народных говоров», приростом областных словарей и изданием списков а *tergo* к ряду лексиконов (в первую очередь Инверсионного индекса к СРНГ), возникла возможность расширить примеры на упомянутые слова, найти новые противопоставления интересующего нас характера, выйти за пределы охватываемой наречиями предметно-семантической области, которая на меньшем материале была очерчена ранее. Существенной задачей настоящей работы является уточнение грамматического статуса противопоставления по числу, обнаруживаемого у наречия: относится ли оно к области согласовательных (синтаксических) фактов или же к явлениям семантическим, когда выбор формы наречия не определяется жестким образом числовой формой слова (преимущественно глагола), с которым в пределах предложения наречие связано синтаксической зависимостью.

Для наблюдений выбраны наречия с финалями, соотносимыми с именными флексиями творительного падежа в обоих числах.

Здесь мы сознательно ограничиваемся только русскими данными, несмотря на встречаемость сходных адвербиальных образований и за пределами русского языка, ср. ст.-блр. *верхами* ([ГСБМ 3: 132]: «...едучы на коняхъ верхами обадва...», XVII в.), ст.-укр. *верхами* ([ИСУЯ I: 220]: «Ихали изъ Бугарешти до Царигорода верхами пятнадесять дній», XVIII в.), укр. *верха́ми* ([Гринченко I: 139]: «про кількох або багатьох вершників» – [СУМ I: 335]: «А москалі їй назустріч, як один, верхами» – Т. Шевченко; «...посланці верхами кинулися з двору в різні сторони» – Панас Мирний), *пішкáми* ([Желехівський, Недільський II: 655], польск. *pieszkami* (устар.), трактуемое в качестве производного от *pieszek* ‘тот, кто ходит пешком, пешеход; пехотинец’ («*Tłuszcz szły za nim p<ieszkami> z miast*» – ‘Толпы шли за ним пешком из городов’), *czołgiem, czołgami* ‘ползая, ползком’ ([Linde II: 701; I: 373; Warsz. słownik IV: 171; I: 395], без примеров

употребления формы на *-ami*); см. **čьlgati*, известное только в польском, словинском и украинском [Sławski I: 124; ЭССЯ 4: 141]... Ссылаясь на материалы Общеславянского лингвистического атласа (вопросы 3 210–3 212), но не комментируя грамматическую семантику форм, И.А. Попов, кроме русск. *пешками*, приводит чеш. диал. *pěškami* [Попов 1972: 172]; ср. ст.-чеш. *pěškami*, которое В. Махек [Machek: 446], видимо, ошибочно, связывает с реконструкцией **pěš-sky > pěšky*, против чего русск. диал. *пéшки*, укр. *пішки* ‘пешком’ и т. д. Очевидно не ранняя природа, фрагментарность и незавершенность адвербиальной эмансипации форм творительного падежа делают сомнительным праславянский возраст таких сходств; для севернославянских случаев **pěšьkami* предпочтительнее предполагать если не независимое параллельное происхождение, то по крайней мере относительно поздний ареальный характер.

Прибегая к повтору текстуальных данных, показанных ранее, лишь тогда, когда возникает необходимость прокомментировать их в соответствии с целями настоящей работы, попытаемся дополнить и суммировать наши наблюдения. В предлагаемый ниже обзор включаются только наречия, у которых в диалектах и (для диалектных «плюративов» *пешками*, *босиками*) в литературном языке обнаруживаются формальные корреляты «другого числа». Это означает, что наречия *раздежкой / раздѣжкой* ‘без верхней одежды, налегке’, *разушкой* ‘босиком’, *вырывочками* ‘украдкой; урывками’ [Иванова: 435, 436; Тимофеев: 97; СРНГ 6: 14], для которых не нашлось соответствий **раздежками*, **разушками*, **вырывочкой/-ом* не только в данном говоре, но и в других диалектах, а также структурно близкие, но в префиксном отношении различные «пары» типа *окорáкулей* ‘на карачках, на четвереньках’ (онеж. [СРНГ 23: 152]) – *раскарáкулями* ‘раскорякой, нелепо изогнувшись’ (Карелия [СРНГ 34: 109]) к рассмотрению не привлекаются. Мы, однако, не можем поручиться за сколько-нибудь полную отслеженность подобных случаев, как и вообще не ставили своей задачей сплошной просмотр всех русских региональных словарей, полагая, что и выборочный анализ – в силу непредсказуемости и «неангажированности» каждого отдельного факта – позволит сделать наблюдения достаточной достоверности⁴.

Все примеры в нашем обзоре соединены в две неравномошные по составу единиц группы ([а] и [б]). Относительно первой из них, включающей главным образом наречия образа действия, основное внимание будет сосредоточено на скоординированности / нескоординированности наречных форм, которым мы склонны приписать грамматическое значение единственного / множественного числа, с синтаксически связанными с ними формами других слов в ближайшем контексте, большей частью с глаголом-сказуемым и именем-подлежащим. Примеры, где соединение наречных форм, занимающих наше внимание, и числовых форм имен или глаголов, с которыми они синтаксически связаны, выглядит грамматически противоречивым, следуют после графически выделенной пометы «но:». Вторая группа наречий в таком пригляде не нуждается, поскольку их форма, хотя и может «резонировать» с числовой формой существительного-подлежащего и глагола-сказуемого, продиктована заведомо не ими, то есть не связана с множественностью отправителя действия; это обстоятельственные наречия времени, используемые в описаниях повторяющихся событий.

[а]

Верха́ми ‘верхом’: «Подъехали к нему верхами и с ружьями два полесовника» (сказка) (новг. [СРНГ 29: 59]), «Верхами, с сашками [шашками] – только пули свистят» (орл. [СРНГ 36: 159]), «Бабы на лошадях ездили вярхами», «Казак вярхами уехали» [Воронежский словарь 1: 206], «Только верхами ездили раньше, больше-то никак не пройдешь» [Новосибирский словарь: 58], «Из Турана в Уюк верхами ездили. На лошадь, да и туда!» [Словарь Сибири I, 1: 130], «Однажды белых погнали. Мы только выехали туда,

⁴ На географию диалектного факта указания даются далее минимальные, поскольку здесь эта сторона дела специально не рассматривается.

за старое Томска [? – А. Ж.], как *догоняют* верхами. Давай стрелять по нам» (томск. [Там же]), «От Томского же города езды на лошадях верхами со вьюками две недели» (сиб. [Панин: 17]), «Вирхáми *наехали*», «Конями вирхáми *ехали*», «*Приедут* вирхáми, лашадей сваих брасають, хороших вазьмутъ» [Словарь Одесщины I: 75], ср. также *верхами полететь* 'помчаться верхом' (брян. [СРНГ 29: 62]); фразеологизм *служить верхáми* 'служить в кавалерии': «*Казáки* всегда на конях верхами служили» (р. Урал [СРНГ 37: 367–368]), но: «*Отец* служил в Катерíно-Никóльском верхами, вестовым был» [Словарь Приамурья: 277; СРНГ 38: 311]⁵. В СРНГ наречие *верхами* не включено (как, согласно дифференциальному принципу, и формально соотносительное *верхом*), несмотря на обычай этого словаря диалектные формы из Даля использовать; однако по причине широкой встречаемости *верхами* в литературных текстах XIX в. оно справедливо могло быть расценено как принадлежащее не только диалектному словарю. Прочие примеры на противопоставление *верхом* : *верхами* см. в упомянутой нашей статье.

Верхачáми — — **верхачóм**. В дополнение к прежним материалам: «*Едут* пад вутра вирхачом» ([Смоленский словарь 2: 31], пример из разряда «но:»).

Пешкáми 'пешком': «Ну, *пошли* пешками, раз лошади нет!» (Урал [СРНГ 27: 14]; в картотеке СРНГ, если судить по географическим пометам в словарной статье, имеется не менее 15 регистраций этой формы, от Печоры до говоров на территории Армении и от Курской области до Амура, но словарь, к сожалению, дает только одну иллюстрацию), «*Семеро* пешками, а всё с бердышками» (песня) (твер., Киреевский [СРНГ 2: 244]), «*Шли* пешками» [Ярославский словарь 7: 105], «Щас у всех машины, все вот в туалет ездят на машинах. Это *мы* тогда пешкáми, косили и на себе вязанки таскали» (рязан. [Русская деревня 2009: 400]), «Бывало, взадь-вперед пешками *ходили*», «Человек пять *идут* пешками, пришли...» (томск. [СРНГ 4: 234; 28: 318]), «С России-то пешками сюда *шли*», «Пешками *приходили* люди из России» [Словарь Сибири 3: 232], «Пишкáми *раньшэ хадíли* и в *Мухаршыбíрь*, и ф Питрóфск» (забайк. [Словарь семейских: 343]), «Да Ельникъф пишками *бегъли* раньшэ» [Словарь говоров Мордовии], «*Пайд'óm* п'ишкáм'и дамóй» [Словарь рус. говора Азербайджана: 413]; но: «Пешками на суд *пошла*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — Форма **пешком** в дифференциальных словарях как правило не отражается, о чем можно лишь досадовать: если в говоре наличествуют противопоставленные числовые формы, то грамматико-семантические делимитации между ними лишают диалектное наречие *пешком* функционального тождества с литературным словом, а это является важным дифференциальным моментом и требует включения *пешком* в диалектный словарь. Наш просмотр текстуальных иллюстраций к иным вокабулам отличий в употреблении наречия *пешком* от литературной картины не выявил.

Пешакáми: без иллюстрации (новосиб. [СРНГ 27: 12]), «С Кучугура пешаками на Зеленый Клин *бежали*», «Теперь доярок на машине возят, а мы пешаками *шпарили*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — **Пешакóм, пешекóм** (в СРНГ отмечается 7 регистраций в южновеликорусских говорах, из которых иллюстрирована только одна): «Пешаком *идти* далеко» (брян. [СРНГ 27: 12]); «У нас есть еще такие места, как ты думаешь, пешаком-то» [Словарь Карелии 4: 503], «Хто потаковé жы́ли, позажы́точьне, а *наш брат* пешакóм [в армии]», «Откúда приéхал? – Да я пешакóм» [Словарь Низовой Печоры 2: 36]; но: «...а *мы хадили* нъ сабе пъ симина, пишаком...», «*Хадили* пишаком у Кияв», «Раньшэ-тэ *мы* пешаком да Болхэвэ в цэркву *хадили*» [Орловский словарь 9: 94], «Когда в Славгород приезжали, *ходили* пешаком девять километров на озеро Яровое», «В больницу *ходили* пешаком» [Словарь Сибири 3: 232], «Подводы некакой не было, в школу всё пешаком *бегали*» (курган. [Лютикова: 116]).

Пéшами: «Пéшами редко *ходим* далёко» [Словарь Карелии 4: 503], «Рань пешаами *ходили*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — **Пéшем**: без иллюстрации (рязан. [СРНГ 27: 12]),

⁵ У *верхáми* отмечаются и иные значения, например 'очень полно' («...набрали грибов...» [Ярославский словарь 3: 5]; точнее было бы – 'доверху, до краев (емкости), 'горкой'», ср. принятое нормой с *верхом*).

«К нему надо пешем *идти*» [Ярославский словарь 7: 104], «Пёшем *ходила* раньше-то я в церковь», «Тут близко, пёшем можно *дойти*» [Словарь Карелии 4: 504]; «Вы-то опять пешем *пойдёте?*» (с неясной отнесенностью к множественному или единичному адресату: *вы* может быть «вежливым» местоимением, обращенным к одному лицу); **но:** «По ягоды *ходим* пешем четыре километра» (иркут. [СРНГ 27: 12; Словарь Сибири 3: 232]), «Мы из Поярковой пешем *ходили*» [Словарь Приамурья: 201]; **пéшом, пешóm:** «Мати-то пешом *ушла*» (арханг. [СРНГ 27: 15]), «Не дашь коня, я пешом *пойду*» (олон. там же), «*Пойду* пешом» [Ярославский словарь 7: 104], «Я вчера пешом в Пинегу *ходила*» (арханг. [СРНГ 26: 6]), «Все пешóm да на себе надо было», «Неужоли пешóm *пойдешь*, ой, ой, ума-то нет», «Два раза *ходила* на аэродром, все пешóm, по тропинке, да под гору» [Словарь Карелии 4: 504–505], «Фсё пешóm не *выходишь*» [Меркурьев: 112]; **но:** «А нынче вот на машынах *ездят* и пешóm не *хóдят*» [Там же], «В Тарту пшóm *ходили*» (Эстония [Паликова, Ровнова: 113]), «Пешом *пойдем* на поле» [Словарь Сибири 3: 232]; **пешóй / пешóю:** «Ниужли пишой *идить*», «Если бы суха, я п пшшой *ушла*», «Я нынчи десить киломитръв *прашла*, и усе пшшой», «*Доцк* [= дочка], пшшой з бльшака, или падвес хто?» [Орловский словарь 9: 95]; **но:** «Да школы раньше семь киломитръв пешой *хадили*» [Там же], «Оттуй пешóй *шли*» [Словарь Карелии 4: 504], «Трясины были. Пешой, было, *проходили*, а верхом не *прóйдешь*» [Словарь Сибири 3: 232]; **но:** «Тут недалече идить, мы все пешой *ходили*» (калуж. [СРНГ 27: 15]).

Пешехóдами: «Они пешеходами *приходили*» (кемер. [Словарь Кузбасса: 151; Словарь Сибири 3: 232; СРНГ 27: 12]; остается неясным, имеется в виду 'много раз' или 'множественным составом лиц'). — **Пешехóдом:** «...И *пошел* доброй *молодец* пешеходом» (сказка) (новг. [СРНГ 38: 62]), «*Итти* пешэходъм – эть пешком, значит, итить», «Фсяк рас за хлебъм пешэходъм *идёш*, за ягдьми», «...так и *идёт* пишыходъм, три дня дь Масквы» (подмоск. [Иванова: 351]), «Дак вот куда я без сопровождения, с больной ногой-то, пешехóдом я куда?», «...а там все пешеходом» [Словарь Карелии 4: 504, 583]; **но:** «...*ходили* пешеходом» (арханг. [СРНГ 28: 49]), «Да вон мы раньше до Квашоньк пешэходъм *ходили*», «В Димитръф пешэходъм *ходили*», «Бываль, в Маскву *хадили* пишыходъм» [Иванова: 351], «Раншъ усе пишыходъм *хадили*» [Орловский словарь 9: 94], «А мы раньше всё пешеходом *бегали*, не было машин-то», «А раньше до городу все пешеходом *ходили*, машин не было» [Беляева: 253; Пермский словарь 2: 98]; «Мы на автобусе приехали, а они *решили* пешехóдом *идти*», «От нас раньше пешехóдом *ходили*» [Словарь Карелии 4: 504], «*Ходили* оне пешеходом ли как ли» [Словарь Кузбасса: 151], «*Ходили* обычно пешеходом», «Раньше поезда не было, пешеходом *шли* в Сибирь», «Домой всё пешеходом, ни машин, ничё этого не было» [Словарь Сибири 3: 232], «Пешеходом *пошли*, машин не было», «*Ходили* все пешеходом» [Словарь Приамурья: 201], «Попервости-то худо жили, до Мостовки всё пешеходом *добирались*» (курган. [Лютикова: 116]). Отражения ср. также в художественной литературе исторического и этнографического содержания: «На государеву расправу ты пешеходом *гонишься* в Москву со стражниками» (А. Платонов, «Епифанские шлюзы»), «Не пешеходом с котомкой за плечами он *домой воротился* — три подводы с добром в Сосновку привел» (П. Мельников-Печерский, «На горах»). Наречие *пешехóдом* отмечается и в отличных значениях: *ехать пешеходом* 1) 'медленно ехать (чтобы не отставал рядом идущий человек)' — «Мы с дровами все время пешеходом *ехали*», 2) 'ехать сушей' (арханг. [СРНГ 27: 13]); тем самым его форма синтагматическими связями не определяется и может быть проигнорирована⁶.

⁶ Формы *пешехóтом* (вятск. и др. [СРНГ 27: 13]) и *пешехóном* (каргоп. «Пешехóном *шел*, я говорю: "Ты, доброхот, откуда идешь?"») [Словарь Карелии 4: 504]) обязаны своим возникновением в первом случае фонематизации глухого аллофона фонемы *д* в слабой позиции, а во втором фонетическому преобразованию *д* → *н*, возможно, в результате ложноэтимологических сближений (с *пошехонский*, *пошехонец*, ср. печор. *пешехон*, *пешехóнец* 'пешеход', донск. *пешехóнец* 'пехотинец' [СРНГ 27: 13] (но если прямое знакомство носителей северновеликорусских говоров с отгидронимическим образованием *Пошехонье* и его производными выглядит более чем вероятным, то донской случай, может быть, нуждается несколько в ином объяснении).

Заслуживают пояснения истоки слов *пéшу* и *пéши*: *пéшу* (арханг. [СРНГ 27: 16], без иллюстрации), «А бабу не посадили на трактор, так и не села, пéшу пошла», «А раньше-то жили: сухарей-от насушишь, корзина рыбников, корзина пирогов, идешь, идешь, пéшу все это прешь», «На автобусе ездим, пéшу-то нонче не ходим» [Словарь Карелии 4: 505]; *пéши* (с широким территориальным распространением [СРНГ 27: 13], без иллюстраций), «Пеши идти», «А пеши-то далеко» [Словарь Сибири 3: 232], «Пеши пойти им натъ» (мурман. [Меркурьев: 112]). Наречие *пéшу*, допустимо предполагать, является лексикализованной формой краткого прилагательного *пеш* / **пѣшь* в дательном падеже единственного числа (**пѣшоу*), ср. совр. *идти пешему*. Наречие же *пеш* – формой творительного множественного (**пѣши*)⁷, ср. творительный единственного в совр. *идти пешим*; кстати, последняя форма в диалектах также склонна к адвербиализации: нижегор. (1877), перм. *пéшим* ‘пешком’ [СРНГ 27: 13; Акчимский словарь IV: 43].

Босика́ми (/ **босяка́ми**) ‘босиком’: «И сейчас летѣм бѣсиками ходим, бѣсиками значит без обуви», «В лес бѣсиками ни ходите, там колкъ», «Бѣсиками – эть ничиво не нѣдивают на нѣги», «Малинькими были, фсе время бѣсиками бегѣли» (подмоск. [Иванова: 39; Войтенко: 51]), «Басиками бегали», «В лес баяками хадили», «Басиками хадили, абутца нечива была» [Воронежский словарь 1: 132], «Дети босиками бегают», «Холодно уж, а вы все босиками, мотрите, простынете» (Урал [Малеча 1: 158]), «Выбежали босиками и танцуем...» (р. Урал [СРНГ 32: 52]), «Кругом меня Ванька стоит, а мы босиками» (казаки-некрасовцы; [СРНГ 15: 306]), «Раньшэ дайли-та кароф басика́ми. Ноги ф свежий назем зароиш, типло», «Помню, ишо праталиники, а мы уж басика́ми хадили, и ничо, ноги ни мерзли» (забайк. [Словарь семейских: 48]); **босяка́ми**: «Ребятишки летом всегда босяками бегают», «Малы были – босяками бегали» [Новосибирский словарь: 38], «Босяками на работу ходили, [а] холодишша была», «Все ребятишки босяками бегают, а тут стекла» [Словарь Сибири I, 1: 85], «Босяками ходили по воде на пашню: ни машин, ни подвод не было» [Словарь Приамурья: 28]; **но**: «Вон ты бѣсиками ходиш, а я в ботинкѣх», «Ни твай ли, бидняк, дети просят пѣд акнами? Ни твая ли, бидняк, жана, ходить бѣсиками?» [Войтенко: 51]⁸, «Босиками бегат (внучка)» [Малеча 1: 158]. — — **Босиком**: в силу дифференциального подхода, принятого в большинстве региональных словарей, наречие, формально совпадающее с литературным словом, в словник не включается; возможное грамматико-семантическое отличие как правило составителями словаря не осознается, но даже если мысль о преимущественном отнесении формы к ситуации с единственным отправителем действия (ходьбы, бега) возникает, из-за малого количества свидетельств собиратель или лексикограф не рискует делать такие обобщения.

Бисика́ми: «Рѣбятѣшки летѣм бисиками бегайут» [Словарь говоров Башкирии 1: 44], с оговоркой: «если речь не об одном человеке», «Дети все нагишами, все бисиками» (Урал [Малеча 1: 158]), «Убратца было не ва што, бисиками на улицу хадили», «Раньше мы дятишками хадили бисиками» [Воронежский словарь 1: 132]; см. также воспроизведенный в нашей статье 1980 г. барнаульский пример, где в толкование включено пояснение «(если речь идет не об одном человеке)» [СРНГ 2: 296]. — — **Бисиком** (/ **бисяком**) ‘босиком (об одном человеке)’: «Бисиком-то не бегай, охал’ник» [Словарь говоров Башкирии 1: 44], «Ни хади бисиком» [Воронежский словарь 1: 108]; **но**: «Паснигу бисиком бегали», «Тада и зимой бисяком на варок бегали» [Там же], «Бисиком

⁷ Однако отделить наречие *пеш*, возникшее путем лексикализации падежной формы прилагательного, от омофоничного ему во многих говорах наречия на *-о* (*пеше*, ср. *пешо* в окающих говорах Беломорья [Меркурьев: 112; Мызников: 300, Словарь Карелии 4: 504]; в томском говоре [Словарь Сибири 3: 232]) не так легко, ср. вынужденное неразграничение *пеше* и *пеш* в словаре донских говоров [Кудряшова 5: 45–46]).

⁸ Ставшая народной песня, в основе которой лежат стихи И. Сурикова («Не твои ли, бедняк, дети / Просят под окном? / Не твоя ль жена в лохмотьях / Бродит босиком?»).

борновали», «Глину правой пяткой мнут бисиком», «Сидит Гитлер на заборе, плетёт лапти языком, чтобы вшивые фрицы не ходили бисиком» [Малеча I: 158].

Босынями: «Дётки у мяня басынями хódют, тóфель нéту, парвалiсья», «Босыними ня хадiти, пясóк тут крúпный: накóлитись» ([Псковский словарь 2: 132]: «в знач. нареч.»). — **Босыней:** «Не хадi басыней, мóкръ в ём [хлеву]», «Что ж ты босыней-то ныриш, аль лапти-то кот съел?» ([Там же]; в отличие от проигнорированного «плюратива», повторено, с сокращением иллюстраций, в [СРНГ 3: 127]).

Разутками ‘босиком’: без иллюстрации (воронеж. [СРНГ 34: 75]). — **Разуткой:** «Ходит разуткой, раздеткой», «А ты не ходи разуткой-то, ногу наколешь»; **но:** «Бывало, как чуть растает, все ребяташки разуткой бегут», «Разуткою стоят», «Разве лесом разуткой бегут? Об коренья все ноги побили» (средне- и южнорусск. [Там же]).

Раздévками ‘без верхней одежды, раздевшись’: «Раздевками бегае́те, потом грохае́те» (р. Урал [СРНГ 33: 322]). — **Раздévкой, раздевкой:** «Не выбегай раздевкой», «Нарядют невесту, везут на лошадях, совсем раздевкой», «Раздевкой никогда не бегаю», «Вышел раздевкой и опростыл – вот и кашель» (Урал, Поволжье [Там же]), «Не бегай раздевкой, заколябит вот тебя» (Урал [СРНГ 10: 146]), ср. еще **раздевичкой:** «Я раздевичкой так и бегала, румянец заигрался» (р. Урал [Там же]). Пример с *везут* и *невесту* (в объектной позиции) несколько двусмыслен в силу эллиптичности контекста: конкретная синтаксическая привязка наречия *раздевкой* может реконструироваться двояко: как связь наречно-именная *[невеста] *раздевкой*, и, видимо, более вероятно, как связь наречия с глаголом **везут раздевкой* (ср. *гнали пешком, пускаешь ребят босиком, уже с прилагательным в наречной функции – голым в Африку пуцу*). Ср. ниже пример с наречием *стойками*, где также используется каузативный глагол.

Развiзками ‘с непокрытыми головами, без платков (о женщинах)’: «Сидят развiзками в ряды бабы молоды на свадьбе» (р. Урал [СРНГ 33: 298]). — **Развiзкой** ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’: «Это Акулина развiзкой, волосы распущены...» (смол. [Русская деревня 2009: 154]), «На дворе ще мороз, а ты уж развiзкой» (р. Урал [СРНГ 33: 339]), «Что ты все развiзкой бегае́шь?», «Куды понеслась развiзкой, надует в уши-то!» (средне-, южнорусск., р. Урал [Там же: 298]); в кемеровском примере фраза «Ветер такой холодный, а вы развiзкой, раздеткой» [Там же], вероятно, обращена к одному, малознакомому лицу (предположительно диалектологу-собирателю), включает «вежливое» множественное число и потому «правильного» употребления числовой формы наречия не нарушает. Видимо, сюда же **развiскою** ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’ (с отражением фонемы *a* после мягкого согласного в подударном положении аллофоном [’э]) – без иллюстрации (воронеж. [СРНГ 33: 286]).

Космачáми (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’, (2) ‘с растрепанными, непричесанными волосами’: «Кокетками прикрывались. Всяки носили. Космачами не ходили» (томск. [СРНГ 15: 56]), «Што кьсмачями ходити?» ([Словарь говоров Мордовии К–Л: 74]; в глаголе ударение, по всей видимости, на корне), «Космачами девки не ходили, без платка», «Теперь мода голоушей, космачами ходить» [Словарь Приамурья: 128]⁹. — **Космачóм** (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’: «Ходить космачом» (из словаря Даля), «Надень платок, чо космачом ходишь» (единственная иллюстрация на не менее чем 13 регистраций в Поволжье, на Урале и за Уралом [СРНГ 15: 57]), «Космачом бежит девка, без платка, дак ругали иё пустоволоска...» (перм. [Беляева: 253]), «Хьладина такая, а паринь кьсмачём валят» (в глаголе ударение, видимо, не накорневое – <валяет), «Дунькь, што ты кьсмачём пашла? Платок пьвяжы», «Кьсмацом-ть снимаццү вроди ни ладит» [Словарь говоров Мордовии К–Л: 74], «Ты чо это всё космачом на ули-

⁹ В нижегородском говоре наречие имеет и иную семантику – ‘не очистив от сучьев и листьев (о срубленном дереве)’: «Сушат лес для угля космачами» [СРНГ 15: 56].

цу-ту *ходишь*: холодно!» (курган. [Тимофеев: 58]), «*Девка ходит* космачом, простоволосая», «Что *ходишь* космачом? Прикройся» [Словарь северных красноярских говоров: 139], «*Танька* назавтра космачом *пошла*, а потом заболела», «*Идёт* космачом, а на улице холодно» [Словарь Приамурья: 128]; (2) 'с растрепанными, непричесанными волосами': «Как сидела в избе, так космачом и *побегла* на улку» (арханг. [СРНГ 15: 57]; в словаре не менее 11 регистраций, но примеров мало), «Да ты причеши волосы-те, не *ходи* космачом» [Тимофеев: 58], «*Идешь* на люди космачом, эх ты, урод» [Словарь северных красноярских говоров: 139], «Чё космачом *пошла*, причешись!» [Словарь Приамурья: 128]; **но**: «Девки косы себе пообрезали, космачом *ходят*» (Урал [СРНГ 15: 57]), «Ноне космачом *летают*, только голова веет» [Беляева: 253], «В праздник.. *девицы ходят* или космачом или же подвязываются полшалками» (тобол. [СРНГ 29: 171]), «Что *девки*, что *парни* – всё космачом *ходят*» (Ниж. Печора [Ставшина I: 358]), «Космачом *ходят*, красятся» [Словарь Приамурья: 128]. Ср. также в художественном тексте, отражающем диалектное словоупотребление: «...ожидал, как, держа пальцы в мелких карманах дражных джинсов, космачом, без шапки, *спустится* от избушки заросший человек, беспечно поздоровается» (В. Астафьев. «Царь-рыба»).

Раскосмáтками 'с растрепанными, непричесанными волосами': «Раскосматками *стали* ходить» (саратов. [СРНГ 34: 134]). — — **Раскосмáткой** (1) 'с непокрытой головой, без головного убора': «Вера, ты космаком *пойдешь*? (Это как?) Непокрыткой, раскосматкой» (рязан., саратов. [Там же]); (2) 'с растрепанными, непричесанными волосами' (без иллюстрации, саратов. [Там же]).

Нагишáми 'без одежды, нагишом': «Прежде нагишами *спали*», «Нъгишами *ребята* малый *ходят* на улицъ, да и то ретка», «*Мълодѣи* нъгишами *пойехали*» [Словарь говоров Башкирии], «*Дети* все нагишами, все бисиками» (Урал [Малеча I: 158]). — — **Нагишóм** (1) 'без одежды, в голом виде': «Лéтом *купáлись* нагишóм»; (2) 'без запасов одежды, имущества': «Нёмцы избú разорили, амбáры сожгли, как есть нагишóм остáвили» [Псковский словарь 19: 315] (оба контекста из разряда «**но**»; во втором примере множественный характер имеет не отправитель действия, а эллиптизированный одушевленный объект), многочисленные примеры в СРНГ в текстуальных иллюстрациях к иным статьям [СРНГ 5: 141; 9: 79; 22: 182; 24: 212; 26: 235; 30: 115; 36: 253; 37: 374].

Телешáми то же что *телешом* («о нескольких лицах!»): «Приехали *деўки* з гораду. На Патпольнай *купаюца* тилишами, адин страм» [Словарь донского казачества: 526], «Щас *спят* телешами, а тогда все в рубахах с подставками...», «...а щас *разберутся* телешами, всем жарко, всем тяжко» (рязан. [Русская деревня 2009: 402, 403]). — — **Телешóм** 'без одежды, ничем не прикрыв тело': «Телешом пока, пока батюшка перекстить, тогда рубашку наденет» (рязан. [СРНГ 26: 135]), «Скидаиш усё и *бигиш* у воду тилишом» [Словарь донского казачества: 526]; в орфографии Даля, хотя рифмовка в примере указывает на [ó] во флексии, – *тѣлешѣмъ* 'нагишем, голю, раздетым, непокрытым': «Хоть телешем, да в шапке, или: да молодцом» [Даль IV: 449]; **но**: «Жарища такая, *люди* телешом *ходят*...» (казаки-некрасовцы [СРНГ 29: 248]).

В обратный словарь к СРНГ [Инверсионный индекс: 168, 193, 302], кроме предыдущей пары наречий, помещены адвербиальные лексемы *телешíной* – *телешíнами* ['без одежды, голюшом'], возможно, также образующие пару, члены которой противопоставлены по числовой грамматической семантике. Однако 44-й выпуск СРНГ, в котором наречия с основой *телеш-* / (**теляш-*) должны найти отражение, еще лишь ожидает выхода в свет.

Стойкáми 'стоя, стоймя': «Нарубишь лесу, стойками поставишь и обкладешь дерном» (Южн. Урал [СРНГ 41: 187]). — — **Стойкóм** (*стоять*) (а) 'во весь рост, стоймя (о человеке)': (фолькл.) «...Да Егорей-от в котле-то он стойком *стоит*, Он стоит-то в котле-то да все стихи поет» (беломор.), (фолькл.) «Под конем-то Егорьюшко стойком

стоит», «Стойком-то стою на печи» (арханг.), (б) торчком, дыбом (о волосах, шерсти)»: «Шерсть стойком *стоять* будет» (арханг.); (в) 'колом (о несгибающихся, затверделых предметах)': «Платье грязное на ней, стойком стоит» (новосиб. [Там же: 187–188]); **но:** (а): «Едем на работу, а девки на машине стойком *стоят*» (прииртыш. [Там же: 187]), (б) «Раньше волосы сахаром примазывали, чтоб не разъезжались, стойком не *стояли*» (арханг. [Там же]); ср. также фразеологизм *зубы стойком стоят* – о чьей-либо готовности в любую минуту наброситься на кого-либо с бранью и оскорблениями [Ставшина I: 270]. Противопоставление, по малости имеющегося у нас материала, выглядит натянутым: в отличие от примеров с наречием на *-ом*, наречие-«плюратив» в первом примере стоит при каузативном глаголе и характеризует состояние не субъекта, а объекта действия.

[6]

Летáми (1) 'летом': «Робила страдами, робила летами» (перм. [СРНГ 35: 108]), «Свадьбы-то зимами, летами не делали» (томск. [СРНГ 17: 15]); (2) 'не каждое лето': «Она иное лето есть, иное – нет, летами бывает, не ежегодно» (перм. [Там же]); (3) 'каждое лето': «Езжу летами» (Бурятия [Там же]); (1) «Зимой-то не ходили на кладбище, а летáми ходят», «В следующу деревню праздник, в следующу пойдут. Вот так летáм-то всё ходили» [Словарь Карелии 3: 117], «Летами-то плохо, а зимами мяса вдоволь», «Ворота-то летами не поправлялися, а это зимой было, вот и сбежала» [Новосибирский словарь: 275]. — — **Летом:** в словарях, построенных на дифференциальном принципе, отсутствует; в полных региональных лексиконах, если судить по Псковскому [Псковский словарь 17: 38], и в текстуальных иллюстрациях в статьях с иными заголовками картина употребления, похоже, не отличается от той, что отражается словарями литературного языка.

Зимáми 'зимой': «А там еще зимóвочка сзади, только живут зимами...» [Словарь Карелии 2: 253], «Зимами ловили, распешают лед на Онеге-то и ловят рубу [рыбу; опечатка?]]» (Карелия [СРНГ 34: 164]), «Зимами выгубили рыбу-то» (перм. [СРНГ 5: 270]), «Зимами в холод идёшь, закуржавишь, белёхонькой будешь», «Зимами мяса вдоволь, зимами всё гнали на ярманки»; фразеологизм *зимáми стоять* 'жить, квартировать у кого-либо несколько зим подряд': «Я у одних зимами стоял, каждую зиму квартировал» [Новосибирский словарь: 193]; см. еще пример выше (*летами* (1)). — — **Зимой:** отличий от литературного употребления мы не нашли.

Осеня́ми, осеня́м 'осенью': «Туманы часто бывают осенями, веснами» (Карелия [СРНГ 23: 371]), «Осеня́ми, весна́ми вози́ли наво́с» [Архангельский словарь 3: 156], «Медведи осеням-то в дерюги ходят, ковды овес близко посеян» (волог. [СРНГ 8: 28]), «Осеням ездили на лошадях» [Камчатский словарь: 120]; **но:** «Осенями грузди пойдём ломать» [Новосибирский словарь: 358; СРНГ]; **осеньям** [под знаком вопроса] «Осеньям охотились, уезжали далеко, пять дён добирались» (Бурятия [СРНГ 23: 370]). — — **Осенью:** в дифференциальных словарях отсутствует; судя по встречам с этим словом в иллюстрациях к другим вокабулам, оно употребляется так же, как в литературном языке. Пример с пометой «но:» выделен потому, что распределительная «плюративная» форма наречия времени, которая ожидаемо связывается с представлением о повторении события, не слишком хорошо сочетается с группой «глагол будущего времени + при-мыкающий инфинитив» (*пойдём ломать*), указывающей на действие, которое должно совершиться в ближайший период и не обязательно будет повторяться далее. Однако осмысление формы *осенями* как полностью (то есть грамматически тоже) эквивалентной наречию *осенью*, все же вероятно: ср. *в осеня́, восеня́х* 'осенью [= в конкретную осень. – А. Ж.]': «В осенях я картошку копать не замогла» [Пермский словарь 2: 49], «Восенях сыграли свадьбу», «У нас восеня́х корова-то отелилась» (вятск., костром. [СРНГ 5: 132]).

Весна́ми, вёснами ‘весной [, по вёснам]; в теплое время года, в период между зимой и осенью’: «Фсе́ весна́ми-то здесь жы́ли», «Та́м холодне́е вверху́, та́м весна́ми жы́вут, а здесь зимой́», «Вёснами опеть во двори́ спа́ли» [Архангельский словарь 3: 156], «Он как-то болел веснами», «Вёснами обласки [‘лодки-долблёнки’] делали», «Угоняют скота на плесы веснами» [Словарь Сибири I, 1: 135], см. также примеры выше (*осенями*). — — **Весной**: повсюду, по-видимому, как в литературном языке¹⁰.

В диалектах обнаруживается еще несколько пар тождественноосновных обстоятельственных наречий сходного устройства (*гулом* : *гулами* ‘кучей, скопом, все сразу; огулом, оптом, все вместе’¹¹, *обыдёнкой* / *обыдёнком* : *обыдёнками* ‘в один день, за один день’, *подёнком* : *подёнками* ‘подённо; в отдельные дни’, *оба́полом* : *оба́полами* ‘задами селения, задворками; не напрямик’ и др.), однако из экономии места приводить контексты с ними мы не станем, потому что выявить какие-либо существенные различия в семантике и синтаксической обусловленности употребления членов этих пар не представилось возможным (но исключать, однако, что числовые семантические различия в подобных парах наречий могут отыскаться в непривлеченных лексикографических источниках, нельзя).

Взглянем на то, как обстоят дела в литературном языке.

В Обратный словарь русского языка (1974) с пометой «и» (наречие) помещено десять единиц, оканчивающихся на *-ами*: *годами*, *урывками*, *наскоками*, *пачками*, *урывочками*, *временами*, *часами*, *местами*, *верхами* и *месяцами* [ОбрСл: 207]. В Грамматическом словаре А.А. Зализняка (кстати, консультировавшего [ОбрСл]) из этого перечня слова *наскоками* и *пачками* исключены [Зализняк: 284]. Не думается, что состав подобных единиц этими куцами списками исчерпывается.

Уклонимся от обсуждения классической темы – вопроса о частеречной принадлежности членов пар *вечером* : *вечерами*, *ночью* : *ночами* (диал. также *ноч(ь)ми*), *низом* : *низами*, *кру́гом* : *кругами*, *наездом* : *наездами*, *ползком* : *ползками* и т. п. Аргументов, как формальных, так и семантических, за или против признания и левых и правых коррелятов наречиями может быть предложено и (по крайней мере относительно некоторых из помянутых слов) предлагалось немало; самым наглядным диагностическим эффектом, отрицающим адвербиальный статус формы, как известно, считается возможность подстановки адъектива: *долгими зимними вечерами* и т. п. Сами мы, однако, вынуждены признаться в неумении обосновать назначаемую многими словарями принадлежность, например, слова *низом* («Тем временем почти рассвело, *низом* от болота плыл холодный туман...» – В. Быков. «На болотной стежке») к «настоящим» наречиям, а *низами* (ср.: «И с полей *низами* ползли к усадьбе вздохи, и первые звезды начинали, неуверенно дрожа, прокалывать кое-где небо» – С. Сергеев-Ценский. «Печаль полей») – к существительным в наречном употреблении. Несмотря на долгую, начиная с Потемки, и богатую соображениями историю разработки, вопрос, как нам кажется, остается скользким¹².

¹⁰ Если не считать, что в рязанской деревне Деулине, кроме значения ‘весной’ регистрируется значение ‘в период времени между зимой и осенью’, т. е. ‘весной и летом’; см. [Деулинский словарь: 79].

¹¹ В «сингулятиве» отмечается и в литературном тексте: «...Слепушкин предлагал взять все *гулом*: и яйца, и поросят, и масло, и рожь...» (А. Герцен. «Былое и думы»).

¹² Отметим лишь важное в контексте наших рассуждений семантическое неравновесие внутри пар *ночью* : *ночами* и *вечером* : *вечерами*. Левые члены пар употребляются как в «точечном», так и в «длительном» значениях, правые же тяготеют к закреплению семантики ‘в продолжение всей поры суток или существенно длительной ее части’; для обозначения повторяющихся точечных событий вместо правых членов наречного облика предпочтительнее предложно-падежные формы: нельзя сказать [?]*Поезд из Нарьян-Мара прибывает в Ялту только ночами*, но можно *Поезд из Нарьян-Мара прибывает в Ялту только по ночам* (тоже, конечно, нельзя, но по другим, экстралингвистическим причинам). Следовательно, наречия (падежные формы) *ночью* и *ночами* в грамматико-семантическом плане не эквивалентны.

Из нетемпоральных наречий с формантом *-ами*, перечисленных в обзоре диалектных фактов, в Национальном корпусе русского языка (основной корпус) встретилось четыре:

босиками – только один раз, в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***» А. Радищева, 1772 («Они все были *босиками*...»). Словоупотребление принадлежит авторской речи и, по-видимому, не воспринималось болезненным отклонением от литературной нормы. Для современной речи словоупотребление ненормативно;

телешами – также единичная регистрация, у М. Шолохова, в «Тихом Доне» («– Чего застыдилась, аль мы *телешами* едем? – крикнул Митька и подмигнул: – Калинушка моя, эх, горьковатенькая!»); наряду с цитатой к «сингулятиву», приведено и в [Словарь донского казачества: 526]). Присутствует в речи персонажа, отражающей диалектную стихию. Использование Шолоховым диалектной лексики высококомпетентно и по большей части весьма органично. Форма *телешом* в НКРЯ отражена десятью вхождениями (девять документов): у Н. Лескова («Заячий ремиз»), Ф. Крюкова, Шолохова, В. Липатова, Б. Васильева и др. (шесть примеров – в речи персонажей). Три из десяти употреблений наречия *телешом* приходится на контексты, где удобоприменима была бы коррелирующая форма с финалью *-ами*. В диалектном подкорпусе НКРЯ этих слов не обнаружено (последнее не показательно по причине малого объема подкорпуса: в нем не встречается даже самое употребительное из рассмотренных наречий – *верхами*);

пешками – встретилось дважды, в памфлете М. Щербатова «О повреждении нравов в России», 1786 или 1787 («Но в мирное время за честь себе бояре считали, когда едит по городу, чтобы ему предшествовали человек пятьдесят слуг *пешками*; слышал я, что и самые боярину не токмо куда в знатное посещение, но ниже к обедни к своему приходу стыдились без предшествования дватцети или тритцети слуг ехать») и в романе Н. Гейнце «Дочь Великого Петра» (1913), а точнее, в цитируемом там документе 1732 г., касающемся бракосочетания Бирона с дочерью Меншикова: «По распоряжению Левенвольда, в дом новобрачного были приглашены только те измайловские офицеры, у которых имелись карета или коляска с лошадьми, а провожать Бирона из дома во дворец, в два часа дня, дозволялось без исключения, “хотя бы *пешками* и *верхами*”». Регистрируется только с XVIII в. (в [СлРЯ XI–XVII вв.] слово отсутствует);

верхами – в письменности встречается с середины XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 102]. В расписанных Б.К. Минихом «Диспозиции и церемониале торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 года» (публикация М.Д. Хмырова. «Русский архив». 1867. Вып. 2) форма *верхами* встречается с двойкой синтаксической зависимостью – от глагола и собирательного существительного в единственном числе: «Церемония ж имеет быть следующим порядком: 1. Почт-директор с почтмейстерами и почтальонами *поедут верхами*, которым на почтовых рогах трубить. 2. За ними *капральство драгунское верхами*» (стб. 339). Словарь XVIII в. на наречия *верхом* и *верхами* примеров дает мало, заведомо меньше, чем могло быть, и четкой контекстной обусловленности выбора той и другой формы они не рисуют (см. [СлРЯ XVIII в. 3: 59]); впрочем, об одном приведенном там употреблении *верхами* будет сказано далее. В НКРЯ с этим наречием, в отличие от перечисленных выше, приведено (в значении 'equis', но также 'equo') 256 цитат, от середины XVIII в. до нынешнего времени, с постепенным, однако, убыванием встречаемости. Динамика встречаемости наречия *верхами* 'equis' в НКРЯ по полувековым периодам такова: 1800–1850 – 20 % вхождений, 1851–1900 – 35 %, 1901–1950 – 28 %, 1951–2000 – 14 %¹³. Вот только некоторые примеры: «...ехали в церемонии в каретах со всею свитою, которая ехала *верхами* в провождении двух полков драгунских, а турецкой посол, Измаил паша, бендерский

¹³ Заметим, что большую часть Корпуса составляют тексты последних десятилетий, по суммарному текстуальному объему русская литература (беллетристика, историко-документальные жанры) начала позапрошлого века неизмеримо мала в сравнении с сегодняшней, чем и объясняется в выкладке сравнительно невысокая доля периода до 1850 г.

сераскир, и Капичи баши... с великою свитою ехали *верхами*, и норовили, чтоб вдруг приехать к палаткам, всякой к своим, что и учинили» («Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского», 1752), «Древняя пословица: где мечи заржавели, а плуги светлы, тюрьмы пусты, а житницы полны, ступени церковные в грязи, а дворы судилищ поросли травой, врачи *пешком*, а мясники *верхами*, — тамо стариков и младенцев много и государство благоуправляется» (Д. Фонвизин. «Примечания на “Та-Гио”», 1779), «Мы условились, чтобы после завтрака ехать *верхами* подалее за хутор, почему я опять намекнул Пармену о деревенской кляче» (В. Нарезный. «Бурсак», 1822), «Казак проскакали по дороге, офицеры *верхами*, главнокомандующий в коляске и со свитой проехал мимо» (Л. Толстой. «Севастополь в августе 1855 года», 1855), «Мы только что сделали большое путешествие по Днепру, по керченским солончакам; были в Одессе, Севастополе, Бахчисарае, где также ездили *верхами* в Чуфут-Кале» (И. Репин. «Далекое близкое», 1912–1917), «Он и Лазаренко — связной штаба, оба *верхами*, вырастают перед нами точно из-под земли» (В. Некрасов. «В окопах Сталинграда», 1946). Несмотря на прозрачное устройство «плюратива» *верхами*, авторы нашего времени показывают странное отсутствие лингвистического чутья и применяют его в нелепом «сингулятивном» смысле: «Еще ничего не сделав, да, по сути, ничего и не умея, только вырубивая на первый боевой вылет, он попал под штурмовку мятежников, был смят, раздавлен, унижен... как будто кто уселся на нем, брошенном на землю, *верхами*, прижал, не даваядохнуть, повернуться, пикнуть, и потчевал, потчевал каменистой землицей...» (А. Анфиногенов. «А внизу была земля», 1982), «— Хочешь прокатиться? — спросил он. / Машке [кобыле] и так тяжело, и я отказываюсь, трясую головой. / — Да не на телеге, — говорит он. — *Верхами!* / Не верхом, а *верхами* — ишь как выразился! / — Прокатись, прокатись! — кричит с крыльца Поля» (А. Лиханов. «Кикимора», 1983; разрядка наша. — А. Ж.; столкновение городского и деревенского языкового узуса, смоделированное Лихановым, выглядит придуманным). Что же до коррелирующего наречия *верхом*, то оно в письменной речи, по данным НКРЯ, употребляется в контекстах с множественным субъектом уже с М. Ломоносова (не позже 1758 года, в «Древней российской истории»: «...*пленники, которых садили верхом на лошадях...*») и Д. Фонвизина (не позже 1774 года, «К родным»: «...*ездыт верхом прекрасные амазонки*»).

* * *

Оговорив заведомую неполноту приведенного материала, его тем не менее можно оценить достаточно представительным. Обзор дает возможность предложить соображения следующего характера.

1. В русских диалектах имеются наречия, суффиксальные элементы которых совпадают с флексиями творительного падежа имен существительных. Среди них выделяются соотносительные наречия, образующие пары, внешнее различие между членами которых состоит в снабженности показателями, в первичном качестве являющимися именными флексиями разных форм числа — единственного и множественного.

2. Суждения о прямой — завершенной или застрявшей на полпути — адвербиализации падежных форм существительных затрудняются тем, что не всегда этим наречиям можно предъявить в соответствие реальное существительное (ср.: *пешаком* / *пешаками* : **пешак* / **пешаки*; *гулом* / *гулами* : **гул* / **гулы*, ср., однако, *огул* ‘опт, гуртовой счет’¹⁴), что, однако, не означает отсутствие таких существительных вообще: наши сведения о лексическом составе говоров, особенно в их прошлом состоянии, всегда ущербны (однако вероятность их отсутствия все же высока). Если же формально такие слова словарями регистрируются, то семантические расхождения между ними и наречиями часто не позволяют выводить данное наречие непосредственно из данного тож-

¹⁴ Трудно удержаться от попутной критики в адрес СРНГ: объяснение Даля («обт, опт, тулай, чох, обтовой или гуртовой счет» — антоним: *розница!*) заменено, в порядке непримиримой борьбы с почти безупречным далевским языковым вкусом и чутьем, на семантически некорректное ‘оптовый товар, оптовая торговля’ [СРНГ 22: 361].

дественного по основе имени: *босиками* 'без обуви' очевидно не является производным от получившего словарную прописку *босики́* вятск. 'берестяные лапти для дома...' и др., новг. 'женские остроносые башмаки с высокими передами на каблуках...', тульск. 'летние башмаки' [СРНГ 3: 123], *раздевкой / раздѣвкой* 'без верхней одежды', конечно, не выводится из *раздѣвка* урал. 'снятие со стволов плодовых деревьев защитных зимних обмоток (от грызунов)' ([СРНГ 33: 322], единственная известная нам регистрация существительного; однако нужно заметить, что это слово принадлежит к производным ультрарегулярного характера, которые в живой речи могут *ad hoc* плодиться во множестве для реализации номинационных потребностей в довольно широком семантическом диапазоне) и т. п. В исчисленном списке оправданной выглядит, например, связь наречий *босыней / босынями* с существительным *босыня* 'человек, который ходит босиком' ([СРНГ 2: 127]: «Ты куда, босыня, пошел?», волог.), *космачом / космачами* с существительным *космáч* 'человек с непокрытой головой, без головного убора' (яросл. [Мельниченко: 94; Ярославский словарь 5: 75; СРНГ 15: 56]), также «о женщине с непокрытой головой и растрепанными волосами» («Че ты тут ходишь?! Хуже парня. Космач! Косматая»), «о непокрытой голове с растрепанными волосами» («...Обрезали! Тресут космачами») (перм. [Акчимский словарь II: 68–69]), – подобно паре *голышом / голышами* в литературном употреблении (ср.: «И мы поплелись к своим родителям голышами» – А. Яковлев. «Омут памяти»; «Ходим голышами» – Н. Крышук. «Отступление»). Но и в таких случаях отношения наречий с тождественноосновными существительными не выглядят вполне безоблачными. Во-первых, граница между наречием и адвербиальным употреблением падежной формы имени существительного теоретически остается зыблущейся; во-вторых, в акчимском примере ощутима окказиональность имени *космач*, примененного к женщине, что вызывает подозрение, не является ли тут производность как раз обратной: из наречия *космачом*, внутреннее грамматическое устройство которого говорящему понятно, в речи на ходу с помощью обратной деривации возникло существительное *космач*, тут же потребовавшее грамматически приспособительного объяснения («Косматая!»). Несмотря на неоднократно формулируемое значение *верх* 'спина лошади' ([СРНГ 4: 158; Архангельский словарь 3: 128]: *верх* 4. – с отсылкой к *верхóвна* 1. 'спина, круп лошади'), наречия *верхом / верхами* все же не взывают прямо к анатомической терминологии, чему свидетельство – легкость метафор вроде *верхом на хворостинке, сесть на стул верхом* ('грудью к спинке') и т. п.; ср. (полутавтологическое) растолкование 'верховая езда' слову *верх* у Даля, далее *скакать конем* 'верхом', *конем не объедешь*.

3. Между наречиями на *-ом (-ем)/-ой (-ей)*, с одной стороны, и *-ами*, с другой, в «чистых» случаях можно усмотреть те же грамматико-семантические различия, что и между формами единственного и множественного числа имен существительных: первые (на *-ом...*) связываются с представлением о единственности (субъекта и др.), вторые (на *-ами*) – множественности.

4. Однако общая картина соотношения между формой наречия и его грамматическим значением строго не выдержана: в отличие от именных словоизменительных парадигм, где «мена» граммемами числа, по-видимому, исключена, в рассматриваемой группе наречий как «плюративы», так и «сингулятивы» могут нести грамматическое значение, присущее коррелятивным членам пар.

5. Подобные несоответствия (в этом пункте наши замечания касаются только наречий образа действия – группы [а] – и не затрагивают адвербиальных единиц с темпоральной семантикой) весьма обычны у наречий на *-ом/-ой* (*едутъ вирхачом, разуткой бегут*), но у форм на *-ами* они буквально единичны. В настоящей работе и в нашей статье 1980 года суммарно приведено 94 текстуальные диалектные иллюстрации, включающие наречия на *-ами* (если примеры из Шолохова, цитированные в Словаре донского казачества, вслед за его составителями найти точно отвечающими документальным свидетельствам о говоре, то 95). Из них только пять фраз, то есть немногим более 5%, построено с использованием глагола-подлежащего в единственном числе, но прямолинейная трактовка этих случаев в пользу числовой десемантизованности наречной

формы сомнительна. Дело в том, что числовая семантика наречия определяется не только глаголом-подлежащим, в свою очередь грамматически координируемым с именем или местоимением; число у наречия выступает не только как синтаксическая (согласовательная) категория, но во многих контекстах ведет себя как категория собственно семантическая, свободная от поверхностно-синтаксических условий. Граммема множественности у наречной формы может обнаруживать связь как с неединственностью субъекта действия (*казаки вярхами уехали; раздевками бегае*) или его собирательностью (*свита / капральство вярхами*, ср. ниже), так и с неоднократностью, повторяемостью действия (ср. ...*ты бьсиками ходиш...*). Поэтому о числовой десемантизованности наречия в песенной фразе *Ни твая ли, бидняк, жана, ходить бьсиками?* судить несколько рискованно (правда, в пользу утраты граммемы множественности может свидетельствовать выравнивающая рифмующая позиция наречия: фраза следует за стихом *Ни тваи ли, бидняк, дети просят пьд акна́ми?*). То же следует сказать и о примере из «Юрналив и камерфурьерских журналов 1695–1774», приведенном в словаре XVIII в.: «*Капитан ъздил вярхами на мост*» [СлРЯ XVIII в. 3: 59]. В этом отношении гораздо менее сомнителен пример *Отец служил в Катерино-Никольским вярхами, вестовым был*. Глагольное словосочетание, едва ли не фразеологизм, *служить вярхами* характеризует длительное пребывание в статусе конного вестового, и использование наречия-«плюратива» *вярхами*, скорее всего, связано с многократностью обязательного по должности применения лошади; замена его на «сингулятив» (**служил верхом в Катерино-Никольским*) нами воспринимается как чувствительная смысловая неловкость. Из несомненно «неправильных» примеров употребления наречий-«плюративов» в сущности остается только одна фраза: *Пешками на суд пошла*.

Симметричным образом довольно большое количество несогласованных употреблений наречий-«сингулятивов» в диалектных контекстах с глаголом во множественном числе не требует объяснения только отсутствием оппозиции граммем множественности и единичности у наречия (как это легко было бы сделать применительно к картине в литературном языке). Случаи «несогласования» стандартны и для тех говоров, где указанная оппозиция отмечается (*В больницу ходили пешаком; Пешой, было, проходили, а верхом не пройдешь; ходили обычно пешеходом; Космачом ходят...*). Подобные «несоответствия» нетрудно отклонить параллелями с синтаксисом литературных высказываний, где форма единственного числа (изменяемого по числу) существительного, употребленного в творительном падеже с наречной функцией, связана с категорией определенности / неопределенности: «В Крым мы *самолетом* не летаем, а *ездим поездом*» (нет причин думать, что «от нас» в Крым летает только один воздухоплавательный аппарат и ходит только один, физически из тех же вагонов, пассажирский железнодорожный состав). Заметим, что в параллельных диалектных текстах рисуется не актуальная, а повторяющаяся привычная ситуация, для описания которой установка на неопределенность нормальна, что и обнаруживается в использовании наречия-«сингулятива». В ряде диалектных высказываний другого сорта, с обрисовкой актуальной ситуации, употребление «сингулятивных» наречий вполне может быть уподоблено случаям дистрибутивного употребления форм единственного числа существительных [Русская грамматика 1980 I: 472] в примерах типа *Собаки бежали задрав хвост* (что в работе А.Д. Дуличенко моделируется с помощью понятия «слабой позиции множественного числа» и представления об эллиптизации распределительных составляющих: *Собаки бежали задрав* [каждая свой] *хвост*; см. [Дуличенко 1998: 59 и сл.]).

Но и эти соображения могут оказаться вполне излишними, если принять во внимание абсолютную допустимость фраз *Народ повалил толпой* и *Народ валил толпами*. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков IV: стб. 730] слово *толпой* выделено в особую статью и снабжено пометой «нареч.» (что повторено в [ОбрСл: 266], но не поддержано в [Зализняк: 337]). Пример показывает, что далеко не всякий раз форма наречия или существительного (какую бы частеречную квалификацию ни предпочесть) определяется числовой граммемой, представленной глаголом, хотя в данных случаях синтаксическая зависимость наречия и (или) существительного от глагола труднооспорима.

Наконец (о чем мы до сих пор не говорили, но что, разумеется, не могло ускользнуть от читательского внимания), неопределяемость формы наречия формой глагола нагляднейшим образом сказывается в свободном присоединении наречия к инфинитиву (множество примеров выше) или к деепричастию («...мужики, *едучи верхами*, разговаривают...» – Н. Лесков. «Житие одной бабы»).

Таким образом, в предпринятом выше обзоре диалектных фактов видимые случаи несогласования между наречием и управляющим членом предложения могут получать объяснения, не опирающиеся на традиционную концепцию неперемещения у наречия грамматической категории числа.

6. Избегая выше выражений типа «наречие во множественном числе» и пользуясь околичными именованными, здесь мы решаемся сменить терминологию и, предполагая наши аргументы весомыми, прямо говорить о том, что в русских диалектах некоторая – весьма небольшая и нечетко очерчиваемая – совокупность единиц, в частеречном отношении являющихся наречиями, обладает категорией числа. Жесткость суждения о непроницаемости русского наречия грамматическими категориями, свойственными другим частям речи, и, соответственно, принципиальной его неизменяемости тем самым ослабляется.

7. Сказанное выше, в пункте 2, позволяет судить, что по крайней мере у некоторых рассмотренных пар числовые формы и противопоставления сложились в рамках наречия (как самостоятельной части речи) и наречной категориальной семантики.

8. Категория числа у наречия выступает не как синтаксическая (согласовательная), а как семантическая, независимая, реализация граммема которой определяется не грамматической связью с глаголом (допустима зависимость от существительного: *скачка верхами*, *Показались двое казаков верхами*), а внутренним содержанием наречия или особенностями ситуации, описываемой в предложении.

9. Выбор граммема множественного числа наречия, окажется категория развитой или хотя бы жизнеспособной, принципиально может быть связан по меньшей мере

(а) с множественностью субъектов действия (или состояния) (большинство рассмотренных примеров),

(б) с множественностью объектов действия (*поставить стойком* : *поставить стойками*, *посадить мальчика верхом* : *посадить мальчиков верхами*),

(в) с множественностью однородных пространственных «обстоятельств» (*стороной* : *сторонами*; или как у существительных в наречной функции *двором* : *дворами*, *окраиной* : *окраинами*),

(г) с многократностью (повторяемостью) действия или ситуации, независимо от того, совершается ли действие тем же субъектом или разными; в наших данных этот тип представлен обстоятельственными наречиями времени (*весною* : *вёснами*, ср. *вечером* : *вечерами*).

10. Мы сделали оговорку «окажись она развитой или жизнеспособной». Однако диалектная лексикография, как, впрочем, и историческая, застаёт категорию числа у наречия в состоянии очевидной рецессии. По данным, которыми мы располагаем, присутствие этой категории в письменных текстах прослеживается, как было уже сказано, с XVII в. (что никак, однако, не указывает на ее возраст), она характеризует небольшой круг лексических единиц, при этом чрезвычайно неровно. Из наречных форм множественного числа обильными записями представлено лишь наречие *верхами*, существенно реже регистрируются *пешками*, *босиками*, а прочие «плюративы» отмечены единичными или почти единичными диалектными фиксациями (их малость, помимо невысокой употребительности в говорах, объясняется и несфокусированностью собирательского взгляда: целенаправленный поиск, с применением наводящих приемов в беседах с информантами, мог бы, думается, количество образцов существенно увеличить). В литературном языке держится только адвербиальная пара *верхом* : *верхами*, да и то встречаемость множественной формы, как мы видели, неуклонно идет на убыль. У единиц *ночами*, *вечерами*, *низами*, с нашей точки зрения, достаточно причин считаться наречиями, и они могли бы в оппозитивном сближении с общепризнанными наречиями

ночью, вечером, низом рассматриваться как аналоги паре *верхом* : *верхами*, тем самым несколько укрепляя незавидное положение категории. Но большинство лингвистов расценивает их не как наречия, а как падежные формы существительных¹⁵. Если, далее, рассмотренные здесь наречия с финалью *-ами*, за незначимыми исключениями, монотонно характеризуются одной числовой граммемой и могут считаться маркированными членами оппозиций, то тождественноосновные наречия на *-ом* и др. издавна показывают склонность к размытию грамматической моносемичности, оказываясь членами немаркированными.

Все сказанное подвигает к мысли, что категория числа у русского наречия, не найдя сил системно оформиться, обречена на постепенное, но окончательное угасание.

Об этом можно только сожалеть: процесс связан с тенденциями энтропийной утраты многообразия.

Работу над корректурой этой статьи омрачило известие о кончине Софьи Владимировны Бромлей. В свое время она заинтересовалась первой моей статьей о категории числа у наречия и способствовала ее опубликованию. Памяти С.В. Бромлей, благодарного человека и замечательного диалектолога, мне хотелось бы посвятить настоящую публикацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акчимский словарь – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. I–. Пермь, 1984–.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Русская длительная конструкция: пределы ее формального описания // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Архангельский словарь – Архангельский областной словарь. Вып. I–. М., 1980–.
- Беляева – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.
- Войтенко – А.Ф. *Войтенко*. Словарь говоров Подмосковья. Вып. I–. М., 1995 [2-е изд., испр. и доп., см. [Иванова]; продолжения не было].
- Воронежский словарь – Словарь воронежских говоров. Вып. I–. Воронеж, 2004–.
- Гринченко – Б.Д. *Гринченко*. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. I–. Мінск, 1982–.
- Даль – В.И. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 [перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882].
- Деулинский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дуличенко 1998 – А.Д. *Дуличенко*. Размышления о числовой координации в русском языке I. *Собаки бежали задрав [каждая свой] хвост...* // Число – язык – текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск, 1998.
- Желехівський, Недільський – Є. *Желехівський, С. Недільський*. Малоруско-німецький словар. Т. I–II. Львів, 1886.

¹⁵ Ср., например [Апресян 1995: 593 и сл.] (*ночами*); грамматические пометы или, скорее, отсутствие таковых в словарях и т. п. Кстати, диалектологи-словарники к частеречной аттестации слов, рассмотренных в настоящей статье и множеству подобных, относятся с меньшей, чем лексикографы-«нормативисты», пристрастностью, проставляя призаголовочную помету «*нар(еч.)*» без какой-либо специальной аргументации. В сильно припозднившейся инструкции для составления СРНГ, которая появилась только в 28-м выпуске словаря, теоретические основания для частеречного разбиения «*нареч.*» – «[существительное] в знач. *нареч.*» оставлены в стороне (см. [Кузнецова, Сорокалетов 1994: xiii–xiv]). В большинстве областных лексиконов, где частеречная квалификация вокабул принята как обязательная, пометы ставятся скорее интуитивно (но, на наш взгляд, достаточно оправданно). Сличение таких помет в региональной лексикографии с практикой словарей академического толка, имеющих дело с литературной лексикой, вероятно, могло бы дать повод для небезынтересных наблюдений.

- Журавлев 1980 – *А.Ф. Журавлев*. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1978. М., 1980.
- Зализняк – *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. М., 1977.
- Иванова – *А.Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Инверсионный индекс – Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- ІСУЯ – Історичний словник українського язика / Уложили проф. Е. Тимченко, Е. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко. Т. І. Харків; Київ, 1930.
- Камчатский словарь – Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Карпов 1998 – *В.А. Карпов*. Этюды о числе // *Число – язык – текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна*. Минск, 1998.
- Кудряшова – Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Вып. 1–. Волгоград, 2006–.
- Кузнецова, Сорокалетов 1994 – *О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сорокалетов*. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // *Словарь русских народных говоров*. Вып. 28. СПб., 1994.
- Лютикова – *В.Д. Лютикова*. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Малеча – *Н.М. Малеча*. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. I–. Оренбург, 2002–.
- Мельниченко – *Г.Г. Мельниченко*. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Т. I. Введение и словарь. Ярославль, 1961.
- Меркурьев – *И.С. Меркурьев*. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мызников – *С.А. Мызников*. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgo.ru>.
- Новосибирский словарь – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- ОбрСл – Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. М., 1974.
- Орловский словарь – Словарь орловских говоров. [Вып. 1–] Ярославль [; Орел], 1989–.
- Паликова, Ровнова – *О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова*. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008.
- Панин – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. ... Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Панов 1966 – *М.В. Панов*. Русский язык // *Языки народов СССР*. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966.
- Пермский словарь – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- Пешковский 1956 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Попов 1972 – *И.А. Попов*. Наречия с корнями *пеш-*, *бос-* // *Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Ленинград, 26–30 сентября 1972)*. Тезисы докл. М., 1972.
- Псковский словарь – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л./СПб., 1967–.
- Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика*. Т. I–II. М., 1980.
- Русская деревня 2009 – *Русская деревня в рассказах ее жителей*. М., 2009.
- Словарь говоров Башкирии – Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1–6. Уфа, 1982–2005.
- Словарь говоров Мордовии – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Вып. А–Г–, Саранск, 1978–; также: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2008 [электронная версия 2-го, дораб. изд.].
- Словарь донского казачества – Большой толковый словарь донского казачества. Около 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М., 2003.
- Словарь Карелии – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Словарь Кузбасса – Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
- Словарь Низовой Печоры – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2005.
- Словарь Одесщины – Словарь русских говоров Одесщины. Т. I–II. Одесса, 2000–2001.
- Словарь Приамурья – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Словарь русск. говора Азербайджана – *Л.Г. Гулиева, Ф.Аг. Мамедбейли, Э.А. Гейдарова, Г.О. Керимова*. Словарь русского островного говора Азербайджана. 2-е изд. Баку, 2006.

- Словарь северных красноярских говоров – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
- Словарь семейских – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Словарь Сибири – Словарь русских говоров Сибири. Т. I–. Новосибирск, 1999–.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л./СПб., 1984–.
- Смоленский словарь – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–II. Смоленск, 1974–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966. Вып. 3–. Л./СПб., 1968–.
- Ставшина – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. Т. I: А–М. Т. II: Н–Я. СПб., 2008.
- СУМ – Словник української мови. Т. I–XI. Київ, 1970–1980.
- Тимофеев – В.П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Ярославский словарь – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 [нумерация выпусков, начиная со второго, – в предисловиях к ним].
- Linde – S.B. Linde. Słownik języka polskiego. T. I–VI. Warszawa, 1807–1814.
- Machek – V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Sławski – F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–. Krakow, 1952–1956– [издание не завершено].
- Warsz. Słownik – J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa, 1952.

Сведения об авторе:

Анатолий Федорович Журавлев
 Институт славяноведения РАН;
 Институт русского языка РАН;
 МГУ им. М.В. Ломоносова
 afzhuravlev@yandex.ru

© 2012 г. А.Б. ЛЕТУЧИЙ

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье анализируются свойства сентенциальных (предикатных) актантов (например, *Я знаю, что Петя неправ*) в русском языке. Ключевым вопросом является то, насколько синтаксическое поведение актантов этого типа соответствует поведению канонического подлежащего, прямого дополнения и актанта конструкции с прилагательным в русском языке. В результате мы делаем следующий вывод: хотя ничто не мешает считать, что сентенциальные актанты заполняют валентности глагола, многие аспекты их поведения отличаются от канонических. Например, ограничено их употребление с отглагольными существительными, они особым образом ведут себя при пассивизации глагола. Существенно, что сентенциальные актанты с показателем *то*, *что* ведут себя иначе, чем зависимые с показателем *что* или с глаголом в инфинитиве.

Ключевые слова: актанты, валентность, сентенциальные актанты, именные актанты, отглагольные существительные, пассивизация, предикатив

In the article, I analyze the syntactic behaviour of sentential arguments in Russian. Three types of sentential arguments are considered: those with the infinitival form of the verb, with the marker *что* and with the marker *то*, *что*. The principal aim of my analysis is to find out to which extent the behaviour of sentential arguments corresponds to the canonical behaviour of subject, direct object and some other types of arguments in Russian. I conclude that the types of sentential arguments under analysis differ strongly from canonical (nominal) arguments. For instance, the use of sentential arguments with deverbal nouns is restricted, and the way of forming the passive construction differs from the standard one. Importantly, the arguments introduced by *то*, *что* behave differently from the other two types under analysis.

Keywords: arguments, valency, sentential arguments, nominal arguments, deverbal nouns, passivization, adjectives with sentential arguments

В современной лингвистике принято различать именные и сентенциальные (предикатные) актанты (далее СА) предикатов. Естественно, прототипическим, «нормальным» заполнителем актантной позиции при большинстве глаголов является именная группа – в исследованиях, посвященных понятию актанта и типологии актантов, именные актанты рассматриваются обычно гораздо подробнее сентенциальных. Однако считается, что актантная позиция может быть заполнена и клаузой, предложением (см. среди прочих [Stowell 1982; Noonan 1985; Pesetsky 1992; Сердобольская 2005] и многие другие работы), ср. такие предложения, как, например, *Вася знает Петину тайну* и *Вася знает, что Петя тайком ездил в Германию*, очень близкие и семантически, и синтаксически. Так, именной и сентенциальный актант при одном и том же глаголе, как правило, реализуют (во всяком случае, могут реализовать) одну и ту же семантическую роль.

* Автор выражает благодарность РГНФ (коллективный грант № 10-04-00256а) и Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» 2012–2014 гг., с чьей поддержкой было выполнено это исследование в рамках коллективного проекта Русграм (<http://ruslang.ru>). Кроме того, мы благодарны всем участникам проекта Русграм и анонимному рецензенту за исключительно ценные замечания.

- (1) а. Он убедил меня в обратном.
б. Он убедил меня в том, что приезжать не нужно.

И дополнение *в обратном* в (1а), и сентенциальное дополнение в (1б) имеют семантическую роль Содержания.

Есть случаи, когда совпадения ролей нет или возможны разные трактовки:

- (2) а. Вася верит Пете;
б. Вася верит в своих друзей;
с. Вася верит, что друзья его не подведут.

Неочевидно, что СА в (2с) имеет ту же семантическую роль, что именные актанты в (2а) и (2б). Ниже мы пренебрегаем этими случаями и рассматриваем те, где роль именного и сентенциального актантов при одном и том же глаголе явно одна и та же.

Итак, в примере (1) глагол *убедить* имеет дополнение в обоих приведенных выше случаях – только в первом примере оно именовое (именная группа), а во втором сентенциальное (клауза). М. Нунэн [Noonan 1985] следующим образом определяет конструкцию с сентенциальным актантом: «...the syntactic situation that arises when a notional sentence or predication is an argument of a predicate»¹. Иными словами, сентенциальный актант – это предикация (инфинитивный оборот, придаточное предложение и т. д.), являющаяся актантом главного предиката.

В то же время не совсем очевидно, насколько полным является это соответствие именных и сентенциальных актантов. И если в предложении типа *Запах роз приятен* любой исследователь усмотрит подлежащее (*запах роз*), то конструкции вида *Находиться здесь приятно* или *Мне приятно, что ты пришел меня поздравить* зачастую рассматриваются как безличные. В этом случае считается, что инфинитив или обороты типа *находиться здесь* в них входят в состав вершинного предиката и вообще не являются его актантами. Более того, у формы *приятно* выделяется особое употребление – во многом на том основании, что она может употребляться безлично.

Некоторые исследователи идут в том же направлении дальше. И если, например, М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1984] классифицирует предложения вида *Было сказано, что Иванов не придет* как «предложения без номинативной группы» (что тривиальным образом верно), то Н. Герритсен [Gerritsen 1990] эксплицитно включает их в состав безличных.

Вполне понятно, что структура с сентенциальными актантами гораздо сложнее для классификации, чем с именными. Это вытекает из устройства актантной структуры глагола – во всяком случае, если речь идет о языках так называемого средневропейского стандарта. Естественно, самыми очевидными признаками подлежащего в русском языке являются глагольное согласование и (за исключением некоторых контекстов типа именных сказуемых) маркирование именительным падежом.

Как только речь заходит о подлежащем статусе групп, не маркированных именительным падежом, ответ на вопрос, есть ли в предложении подлежащее, становится менее однозначным (так, подлежащий статус дативных групп в предложениях типа *Мне стыдно* или аккумулятивных в конструкциях вида *Бориса стоило* – предмет долгих дискуссий). Точно так же прямое дополнение – это прежде всего группа, оформленная винительным падежом, остальные признаки не столь очевидны.

Мы постараемся продемонстрировать на материале русского языка, что интуиция, противопоставляющая именные и сентенциальные актанты, верна. Различия этих двух сущностей не исчерпываются типом составляющей, а касаются других, более тонких особенностей синтаксического поведения.

Еще в 1980-е гг. в лингвистике стало активно использоваться понятие «полипредикация». Согласно Н.В. Сердобольской [Сердобольская 2005: 11], если ранее сложные пред-

¹ «...ситуация, которая возникает, когда единица, соответствующая определению предложения или предикации, является (в свою очередь) аргументом предиката» [Перевод наш. – А. Л.].

ложения рассматривались отдельно от оборотов с нефинитными формами глагола, то с появлением нового материала стало очевидно, что типологически границу между этими двумя случаями не всегда легко определить. В новейших лингвистических парадигмах полипредикация определяется как «абстрактная структурная модель сложного предложения, в которое вложено одно или несколько предложений» [Тестелец 1999: 332]. Различаются сочинительные и подчинительные конструкции. Среди подчинительных конструкций, в зависимости от синтаксической позиции вложенной предикации, выделяются сентенциальные актанты, сентенциальные сирконстанты (обстоятельства) и сентенциальные определения. Данная классификация подробно рассматривается в работах Новосибирской типологической школы – см., например [Черемисина 1980; Убрятова, Литвин (ред.) 1986].

В свою очередь, каждому из типов полипредикативных конструкций посвящена специальная литература. Среди исследований конструкций с сентенциальными актантами назовем, помимо упоминавшейся выше работы [Noonan 1985], другие западные типологические работы [Givón 1980; Ransom 1986] и работы Ленинградской / Петербургской типологической школы [(Недялков 1979; 1981; ТКПА 1985; КПА 1983)]. В частности, В.П. Недялков [Недялков 1981] и М. Нунэн [Noonan 1985] уделили большое внимание исследованию форм, которыми кодируется вложенное сказуемое сентенциального актанта.

Естественно, и для нашей работы было бы неосмотрительно анализировать все многообразие сентенциальных актантов как нечто единое. Во-первых, мы будем различать три типа актантов: с союзом *что* (*Я знаю, что Петя – турецкий шпион*), с единицей *то, что* (*То, что Петя оказался турецким шпионом, поразило меня*) и инфинитивной формой глагола (*Мне не нравится гулять в темноте по незнакомому городу*) (сентенциальные актанты с *то, что* и их соотношение с аналогами без *то* подробно описаны в работе [Князев 2009])². Во-вторых, отдельно будут рассматриваться актанты трех типов: соответствующие именному подлежащему, именному прямому дополнению и актанту в конструкции с предикативом. В то же время многие другие типы сентенциальных актантов, например: с союзами *как* (*Я видел, как он выходил*), *чтобы* (*Я хочу, чтобы ты спел*), *когда* (*Я не люблю, когда мне хамят*), с показателем *тот факт, что* (*Тот факт, что конференция не состоялась, многих удивил*), а также отглагольные существительные, примыкающие по семантике и некоторым синтаксическим свойствам к сентенциальным актантам. Отметим, что в литературе, посвященной полипредикации, считается, что все полипредикативные конструкции можно расположить на нескольких шкалах, представляющих положение сентенциального зависимого ближе или дальше от канонической предикации или предложения.

Однако предмет нашей работы несколько иной. Если упоминаемые исследования имеют целью, прежде всего, показать, в какой степени зависимое предложение является предложением, то мы сосредоточиваем внимание на сентенциальных актантах и пытаемся выяснить, в какой мере они являются каноническими актантами. Тем самым основное сопоставление ведется между сентенциальными актантами и именными группами – сопоставление СА с независимыми предложениями нашей целью не является.

1. АКТАНТ ИЛИ НЕТ?

Первый вопрос, на который надо ответить, – являются ли сентенциальные актанты в русском языке актантами в том же смысле, в котором ими являются именные группы, зависимые от глагола. Отметим, что для многих языков – и для русского в частности –

² Хотя статус конструкций с *то, что* как сентенциальных актантов сомнителен из-за наличия в позиции вершины склоняемого местоимения *то*, мы по традиции, сложившейся в типологических работах, посвященных русскому языку, а также английскому, где есть сходное противопоставление (*that vs. the fact that*), включаем их в класс СА и далее сопоставляем с прочими типами. В традиционной русистике, см., например, [Белошапкина 1977] и [Валгина 2000], эти конструкции включают в число конструкций с придаточными, называя их «местоименно-соотносительными» из-за наличия в главном предложении слова *то*.

ответ на него крайне неоднозначен. В типологическом аспекте данная проблема рассматривалась в работах [Munro 1982; Сердобольская 2005], в применении к адыгейскому языку – в [Сердобольская, Мотлохов 2009; Сердобольская (в печати)], но специального исследования, посвященного русскому языку, насколько нам известно, не существует.

Например, Ю.Д. Апресян [Апресян 1969] предлагает в общем случае считать семантическими актантами глагола / предикатного слова тех участников ситуации, которые заполняют семантические валентности глагола и должны появляться в его толковании. Однако, как показано в [Плунгян, Рахилина 1998], однозначное разграничение здесь невозможно. Есть случаи, когда в толкование целесообразно вводить участников, которые по ряду критериев больше похожи на сирконстанты.

Другой подход состоит в том, чтобы по возможности проверять актантный статус участника с помощью конкретных синтаксических тестов. Я.Г. Тестелец [Тестелец 2001] предлагает использовать для этой цели критерий шлюзования («sluicing») – конструкций, где в результате опущения материала во второй части предложения остается только относительное местоимение, относительное наречие или предложная группа с их участием:

- (3) *Он уехал, но я не знаю куда;*
- (4) *Он что-то принес, но я не знаю, что.*

Считается, что актанты при шлюзовании требуют неопределенного местоимения в первой клаузе, как в (4). Для сирконстантов (3) оно не обязательно.

Поскольку основным для нас является вопрос о соответствии свойств СА каноническим характеристикам подлежащего, прямого дополнения и т. д., мы позволим себе не останавливаться подробно на противопоставлении актантов и сирконстантов в целом. Скажем только, что на сегодняшний день не обнаружено случаев, когда при одном глаголе сентенциальное и именное зависимое с одной семантической ролью вели себя по-разному хотя бы по одному критерию актантного статуса, да это и кажется невозможным.

Например, при шлюзовании сентенциальных актантов – как и именных – желательно неопределенное местоимение в первой клаузе:

- (5) **Он доказал студентам, но я не знаю, что [ср. Он доказал студентам, что нужно запереть все двери];*
- (6) *Он что-то доказал студентам, но я не знаю, что.*

Соотношение между неграмматичным предложением (3) и правильным (4) сохраняется вне зависимости от того, подразумевается на месте местоимения именная группа (*доказал теорему*) или сентенциальный актант (*доказал, что это утверждение верно*). Во всяком случае, ясно, что шлюзование не разграничивает именные и сентенциальные актанты. Так, С.С. Сай любезно указал нам на примеры, где исходная структура с сентенциальным актантом с трудом допускает шлюзование: *Он от чего-то отказался, но я не знаю, от чего* (исходной структурой скорее может быть структура типа *Он отказался от ухода, чем Он отказался уйти*). Однако причина этого вряд ли в различии между ИГ и СА.

Наконец, для определения статуса сентенциального актанта как актанта vs. сирконстанта используются так называемые островные критерии – как показано в знаменитой работе Дж. Росса [Ross 1967], из составляющих некоторых типов невозможен вынос языкового материала, в частности, при вопросе. Так, согласно [Тестелец 2001], вопросительный вынос прямого дополнения возможен из сентенциальных актантов (7), но не из сирконстантов (8):

- (7) *Что ты хочешь, чтобы он сказал?*
- (8) **Что ты расстроился, когда он сказал.*

Однако этот критерий имеет два недостатка. Во-первых, предложения с выносом зачастую выглядят искусственными, и контраст между предложениями, которые должны быть возможны, и теми, которые должны быть неграмматичны (в особенности если данные предложения содержат один и тот же показатель), не столь ясен. Так, в следующей паре предложений первое содержит СА, а второе – сентенциальный сирконстант. Если первое предложение и выглядит лучше, то это противопоставление явно не равно по силе противопоставлению стопроцентно грамматичного и абсолютно невозможного предложения.

(9) *Что ты любишь, когда он приносит?*

(10) *Что Маша кричит, когда он приносит?*

Кроме того, рассматриваемый критерий противопоставляет между собой только сентенциальные зависимые и не дает возможности сравнить их с именными. Для именных и/или предложных актантов и сирконстантов этот контраст не засвидетельствован.

Тем более нет никаких семантических оснований считать, что ИГ и СА, обладающие одной семантической ролью при одном предикате, имеют разный статус. Если верно, что ИГ заполняет семантическую валентность и должна быть отражена в толковании, скорее всего, это верно и для СА, то есть и именная группа, и сентенциальный актант являются семантическими актантами.

Далее мы не будем рассматривать данный вопрос, а по умолчанию предположим, что сентенциальные актанты могут быть актантами точно так же, как именные группы.

2. СЕНТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Признаком прямого дополнения в русском языке считается прежде всего маркирование винительным падежом. Из синтаксических тестов главный – это способность к продвижению в позицию подлежащего при пассиве:

(11) а. *Рабочие строили дом;*

б. *Дом строился / был построен рабочими.*

Второй из надежных тестов – маркирование родительным падежом при отглагольных существительных. При существительных от переходных глаголов прямой объект получает родительный падеж, а подлежащее – творительный:

(12) а. *Студенты-востоковеды в совершенстве знают арабский язык;*

б. *Знание студентами-востоковедами арабского языка.*

Здесь мы не касаемся конструкций с невыраженным исходным дополнением типа *Машина не выдержала проверки экспертов*, а также конструкций, где исходное дополнение становится предложным при имени, например, *любовь к детям*.

Протестируем по этим критериям сентенциальное «прямое дополнение».

Отметим, что существуют и другие тесты, показывающие, имеет ли именная группа статус прямого дополнения, однако они хуже применимы к сентенциальным актантам. Так, только прямые дополнения (и подлежащие) способны переводиться в родительный падеж при отрицании (*Я чувствовал мороз – Я не чувствовал мороза, Мороз чувствовался – Мороза не чувствовалось*). Однако этот тест требует, чтобы составляющая различала падежи. При том, что для актантов с *то, что* он явно дает положительный результат (*Он не осознал того, что его обманули*), к инфинитивным СА и актантам с *что* данный тест неприменим.

Точно так же только подлежащее и прямое дополнение способны употребляться в дистрибутивной конструкции с *по*, например, *В каждый магазин обратилось по одному клиенту, Каждый продавец обслужил по одному клиенту* при невозможном **Каждый продавец помог по одному клиенту* (см. обсуждение в [Babyonyshev 1996; Кузнецова 2011; Glushan 2009]). Но и здесь употребление при предлоге требует, чтобы сентенциальный актант возглавлялся именной (или местоименной) составляющей, различающей падежи (ср. невозможное **Каждый понял по что он ошибся*). Более интересен тот факт, что и СА с *то, что* не употребляется в данной конструкции (**Каждого удивило по тому, что он ошибся*). Однако, видимо, этот запрет связан не с синтаксическим статусом сентенциальных актантов, а с их семантикой: обозначения ситуаций плохо сочетаются с дистрибутивным значением (ср. *В каждый день прошло по заседанию*). Более точно сформулировать причину этого запрета мы в настоящий момент не можем.

Наконец, тест на возможность депиктива (*Он встретил его пьяным*, при невозможном *Он отдал Васе подарок пьяным*, где *пьяным* относится к *Васе*) также неприменим к сентенциальным актантам. Депиктивы не способны относиться к СА вне зависимости от синтаксической позиции последних.

2.1. Переход в конструкцию с отглагольным существительным с маркированием исходного подлежащего творительным падежом

Критерий преобразования при номинализации разбивает сентенциальные дополнения на две группы – в одну входят актанты с показателем *то, что*, в другую – все остальные.

Сентенциальные актанты с показателем *то, что* ведут себя так же, как именные, то есть получают родительный падеж, а исходное подлежащее стоит в форме творительного. В Национальном корпусе примеров с творительным падежом исходного подлежащего, соответствующего запросу «-ние + INS + того, что», 35 – и ни одного, где исходное подлежащее стояло бы в родительном падеже:

- (13) *Между тем все, что может быть универсального в подходе к ЖКХ, – это запоздалое осознание обществом того, что из воздуха берется только воздух <...>* [М. Соколов. Самообогрев (2003) // «Известия», 2003.01.29];
- (14) *В интервью оценивается понимание кандидатом того, что товар нужно уметь всучить покупателю* [С. Корнев. Продавец в американском магазине (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.19].

Иначе говоря, нет примеров, где номинализация при *то, что* вела себя так же, как номинализация структуры с непереходным глаголом. Она всегда ведет себя, как номинализация переходной конструкции.

Напротив, при всех остальных типах актантов это невозможно (во всяком случае, не только Национальный корпус русского языка, но и поисковые системы Google и Яндекс практически не дают таких примеров). Согласно нашей интуиции и интуиции опрошенных носителей русского языка, предложения с СА, содержащими союз *что*, и творительным падежом подлежащего неграмматичны [ср. (15), а также (16b) с правильным предложением (16a)]:

- (15) **Осознание Дмитрием, что он ошибся;*
(16) а. *Понимание Дмитрием своих обязанностей;*
 б. **Понимание Дмитрием, что он обязан работать с полной отдачей*³.

³ Мы сознательно не говорим о том, какой будет правильная альтернатива примеров (15) и (16b). При именах от глаголов, не имеющих прямого дополнения, исходное подлежащее маркируется родительным падежом (*Вася верит в судьбу – вера Васи в судьбу*). Однако в конструкциях с сентенциальными актантами выражение исходного подлежащего часто просто невозможно или крайне затруднено: ср. *Осознание (*/' Дмитрия), что он ошибся*.

Точно так же недопустимы предложения с творительным падежом подлежащего и инфинитивным оборотом:

- (17) а. *Желание игроков достичь большего;*
б. **Желание игроками достичь большего*⁴.

Напрашивается предположение, что это различие между сентенциальными актантами не связано с их синтаксическим статусом, а обусловлено их морфологией. Можно было бы предположить, что маркирование подлежащего творительным падежом допустимо только тогда, когда прямое дополнение несет на себе показатель родительного падежа – а у всех сентенциальных актантов, кроме содержащих *то, что*, показателей падежа нет.

Однако эта логика явно не проходит до конца. Рассмотрим группы с квантификатором *более*:

- (18) *Петр знает более шестидесяти языков;*
(19) *Ему понадобилось более трех лет, чтобы освоиться в Японии.*

Согласно [Тестелец 2001], группы с *более, около* и т. д. в литературном языке употребляются только в роли подлежащего и прямого дополнения. Однако в Интернете, в соответствии с уточнением Я.Г. Тестельца, можно найти примеры и на другие падежи:

- (20) *В ходе дальнейшего расследования были выявлены факты присвоения им около 860 тысяч рублей* [www.chechnya.ru/...];
(21) *Результатом творческой деятельности профессора <...> является публикация им более 150 работ* [www.kgsha.ru/...].

Итак, если группы с *более* и *около* используются при отглагольных существительных и исходное подлежащее выражено, то это подлежащее может (и должно) оформляться творительным падежом:

- (22) *Знание им более шестидесяти языков.*

Тем самым наличие / отсутствие у исходного прямого дополнения морфологически выраженного падежа не всегда существенно. Даже группы с *более* и *около*, словами, не имеющими показателей падежа, мотивируют творительный падеж у исходного подлежащего. Вероятно, роль играет само наличие прямого дополнения. И получается, что сентенциальные актанты, не содержащие *то, что*, – это «не настоящие» прямые дополнения.

Отметим при этом, что даже сентенциальные актанты с *то, что* с бóльшим трудом переходят в актанты отглагольных существительных, чем именные (см. ниже часть 6). Это лишний раз доказывает, что морфология и набор грамматических категорий не всегда играют решающую роль в синтаксических свойствах актанта.

2.2. Линейная позиция

Как правило, в русском языке порядок дополнений при глаголе свободный. Безусловно, можно утверждать, что практически для любого глагола существует основной (более частотный в текстах, менее прагматически нагруженный) порядок слов (см. [Li, Thompson 1976; Слюсарь 2008] о соотношении порядка слов, интонации и прагмати-

⁴ Отметим, впрочем, что от глаголов, принимающих инфинитивное дополнение: *надеяться, решить / решать, планировать, хотеть, желать, привыкнуть* – крайне редко образуются имена с собственно значением S_0 . Как правило, в семантике имен, образованных от этих глаголов, происходят разного рода сдвиги: появляется значение результата (*привычка*), кванта ситуации (*желание*) и т. д. Объяснение этого факта – отдельная задача, в любом случае сравнение с собственно именами процессов и состояний типа *знание* становится сомнительным.

ческих переменных). Так, для глагола *выяснить* нейтральным является порядок, при котором за глаголом непосредственно следует Источник (*у учителя*), а уже затем – Содержание (*что завтра занятий не будет*):

(23) *Я выяснил у учителя, что завтра занятий не будет.*

В частности, в полном соответствии с [Hawkins 1999], для порядка слов существенна степень «тяжести» дополнений. «Тяжелые» (длинные, распространенные – и, в частности, сентенциальные) дополнения обычно (в том числе в примере (23) следуют за «легкими» (коротким, с простой синтаксической структурой).

Тем не менее для подавляющего большинства глаголов существуют условия (в частности, те или иные интонационные контуры), при которых порядок дополнений меняется, а предложение остается грамматичным. В том числе это касается и структур, где один из актантов является сентенциальным с сентенциальными актантами, как в (24):

(24) *Я выяснил, что занятий не будет, у самого директора школы, так что не сомневайся.*

В (24), например, говорящий выделяет (при устной речи – еще и интонацией) то, от кого он получил информацию – предложная группа *у самого директора школы* находится в фокусе, является ремой и занимает естественную для ремы позицию после других актантов глагола *выяснить*.

Однако в сфере сентенциальных актантов при полных прилагательных в творительном падеже (*счел важным приехать, оказалось невозможным это сделать*)⁵ дело обстоит несколько по-другому. СА с союзом *что*, по оценкам большинства носителей, могут располагаться только после прилагательного, но не перед ним, ср. (25) [так же, согласно нашей интуиции и корпусному материалу, ведут себя инфинитивные СА, как в (26)]⁶. Напротив, если актантом конструкции является именная группа, она может менять свою позицию относительно прилагательного. Наконец, СА с *то, что* [ср. пример (28)] ведут себя похоже на именные группы (27): перемещение в позицию перед прилагательным не делает предложение полностью неграмматичным, хотя и может ухудшать его оценку носителями языка.

(25) а. *Петя счел важным, что ему дали премию.*

б. **Петя счел, что ему дали премию, важным.*

(26) а. *Петя счел бестактным упрекать Васю.*

б. **Петя счел упрекать Васю бестактным.*

(27) а. *Петя счел это замечание важным.*

б. *Петя счел важным ЭТО замечание (а другое проигнорировал).*

(28) а. *Петя счел важным то, что ему дали премию.*

б. ?*Петя счел то, что ему дали премию, важным.*

(29) а. *Петя считает то, что Титова удалили, судьейским просчетом.*

б. *Петя считает судьейским просчетом не только то, что удалили Титова, но и многое другое.*

⁵ Мы называем формы *невозможным* и *важным* в (19) и (20) прилагательными в силу сложившейся традиции. В действительности есть некоторые основания считать их полными формами предикатива. Так, данные примеры соответствуют монопредикативной конструкции с предикативом (*Важно, что Пете дали премию*). Кроме того, трактовка форм типа *невозможным* и *важным* в этих примерах как прилагательных сталкивается с проблемой системности описания: оказывается, что данные прилагательные способны сочетаться с сентенциальными актантами только в одной форме – творительном падеже единственного числа среднего рода.

⁶ Здесь мы не включаем в рассмотрение третий из возможных порядков слов, при котором СА стоит в самом начале предложения (для инфинитива такой порядок возможен, ср. *Упрекать Васю Петя счел бестактным*).

При этом во многих других случаях дополнения с *что* переместимы: ср. два варианта примера (23)–(24).

Недопустимость (25b) и (26b) показывает, что два из рассматриваемых типов СА не являются прямыми дополнениями в полном смысле слова. Однако точное описание и объяснение данного факта нетривиально.

Исходно может показаться, что данное ограничение действует исключительно для такого рода конструкций с полной формой прилагательного / предикатива⁷ (например, *важно, нужно, невозможно, легко* и др., см. [Бонч-Осмоловская 2003; Циммерлинг 2003; Сай 2011] о данной категории слов). Однако это опровергается примерами типа:

(30) *Петя воспринимает как оскорбление, что ему не позвонили.*

Часть информантов считают эти предложения приемлемыми, в отличие от варианта с перестановкой:

(31) **Петя воспринимает, что ему не позвонили, как оскорбление.*

Скорее, следует говорить о двух типах ограничений – менее строгом синтаксическом (предикативы) и более строгом семантическом, выбрать из которых однозначно не представляется возможным. Последнее заключается в том, что жесткого порядка слов требуют преимущественно слова (предикативы и существительные, например, *оскорбление*), которые для понимания смысла требуют указания на некоторую ситуацию или содержание, например, на то, в чем заключалось оскорбление.

2.3. Пассивизация

Следующим свойством прямого дополнения, которое мы будем проверять у синтаксических актантов, будет способность продвигаться в позицию подлежащего при пассиве. В принципе все типы синтаксических дополнений способны к такому преобразованию – предложения типа (32)–(34) явно грамматичны:

(32) *Было решено выходить утром* (образовано от *Мы решили выходить утром*);

(33) *Автором доказывается, что грузинский язык не является эргативным* (от *Автор доказывает, что грузинский язык не является эргативным*);

(34) *То, что Древний Рим не был полисом, было показано еще историками XIX в.* (от *Историки XIX в. показали, что Древний Рим не был полисом*).

Однако корпусной материал указывает на то, что в действительности типы и количественный состав пассивных конструкций различаются в зависимости от того, имеет исходная конструкция именную или синтаксический актанта разных синтаксических актантов.

Для наших целей необходимо различать собственно пассив и его разновидность, которую мы предлагаем называть *статальным пассивом*. К ней мы относим конструкции вида (35) и (36) с глаголами, имеющими валентность на *Содержание* и/или *Тему*:

(35) *В книге утверждается, что викинги не носили кольчуг;*

(36) *В статье доказывалось / было написано, что баскский язык – эргативный.*

Эти конструкции, как правило, говорят о содержании книги, доклада или другого текста, существующего в определенной мере отдельно от своего автора. Например, книга существует и после момента, когда автор ее дописывает. Для доклада это верно

⁷ Обсуждение соотношения этих понятий см. ниже в 4.1.

в меньшей мере, но и его можно воспринимать как содержание в чистом виде, вне зависимости от того, кто его произносит. Так, прошедшее время в примерах типа (36) может относиться не ко времени, когда автор доказал некоторую гипотезу, а ко времени, когда информация попала в руки Говорящему или Наблюдателю.

Помимо собственно семантики, статальный пассив от стандартного отличается по аспектуальным свойствам. Глагол *доказывать* или *говорить* в настоящем времени и в стандартной пассивной конструкции может выражать время, когда было сделано утверждение (*Вчера им говорилось, что он не будет участвовать в собрании*). Время статального пассива обозначает время существования источника, где сделано соответствующее утверждение.

Важное для нас синтаксическое отличие от стандартной пассивной конструкции заключается в том, что вместо выражения агенса группой в творительном падеже может употребляться название текста или локативная группа, обозначающая автора: *У Пушкина говорится, что гений и злодейство несовместны*. В активной конструкции название текста и обозначение автора могут сочетаться и в одном предложении, например, *В книге автор доказывает, что викинги не носили кольчуг*. Однако в пассивных конструкциях эти комбинации зачастую выглядят сомнительно – во всяком случае, избыточно, хотя и допустимы:

(37) *В докладе Ивановым обосновывалась / доказывалась необходимость радикальных мер.*

Сентенциальные актанты выступают в статальной конструкции легче, чем в стандартной – для именных дополнений ситуация противоположная.

- (38) а. *Необходимость крайних мер доказывалась многими политиками;*
б. *Многими политиками доказывалось, что необходимы крайние меры;*
с. *В книге доказывалась необходимость крайних мер;*
д. *В книге доказывалось, что необходимы крайние меры.*

Предложения типа (38b) (стандартный пассив, сентенциальный актант) и (38c) (статальный пассив, именной актант) по нашей интуиции являются гораздо более стилистически маркированными, чем их аналоги (38a) и (38d). Впрочем, мнения носителей относительно (38c) и (38d) расходятся.

В частности, глаголы, не способные или ограниченно способные принимать именные дополнения, обычно выступают в статальной конструкции. Например, лексема *написать* способна управлять следующими типами дополнений:

- 1) сентенциальный актант (*написал, что уезжает*);
- 2) название текстов или символов (*написал книгу, написал букву*);
- 3) дополнения с обобщенной семантикой (*Кто все это написал? Написать такое мог только дурак*).

В первом случае стандартная конструкция практически невозможна, а статальная совершенно нормальна:

(39) **Начальником было написано, что он уходит со своего поста;*

(40) *Папа протянул редактору листок бумаги, на котором было написано, что пропал мальчик, по имени Травка [С. Розанов. Приключения Травки (1938)].*

Более того, ни одного примера на стандартный пассив от *написать* с выраженным агенсом при сентенциальном актанте в Корпусе не встречается.

Аналогичным образом ведет себя пара глаголов *говорить / сказать*, которая управляет только дополнениями с обобщенной семантикой. Аналитическая пассивная конструкция допускает стандартный вариант, но возвратный глагол в пассивном значении так не употребляется:

- (41) а. *Петров сказал / говорил, что уезжает;*
б. *Петровым говорилось, что он уезжает;*
с. *В записке говорилось, что Петров уезжает.*

Ясно, что статальный пассив находится несколько дальше от канонического понимания пассива, чем стандартная конструкция. В частности, канонический пассив (даже без выраженного агенса) по определению обозначает ситуацию, в которой участвует некоторый активный партиципий или действующая сила (т. е. ту же ситуацию, которую обозначает активная конструкция). Напротив, статальный пассив семантически отделен от активного залога и обозначает не изменение состояния, а само состояние – и, понятным образом, в этом состоянии агенс уже не участвует.

Можно было бы предположить, что различие между статальным и обычным пассивами связано просто с семантическим классом глагола (например, глаголы речи не склонны формировать стандартный пассив). Однако это не так. Из следующих предложений, содержащих один и тот же глагол, гораздо более нормальным выглядит первое, где исходное дополнение (= подлежащее при пассиве) именное, а не сентенциальное:

- (42) а. *На празднике, как всегда, говорилось много глупостей;*
б. *На празднике говорилось, что все любят юбиляра.*

Тем самым, как только пассив перестает быть статальным [конструкция в (42) имеет динамическое прочтение – слова говорились в конкретный момент времени], статистически чаще встречается именное подлежащее.

Соотношение этих двух типов пассива с переходностью не совсем ясно. Вообще говоря, известно (см., например [Янко-Триницкая 1962; Gerritsen 1990; Падучева 2001; Князев 2007] и др.), что *-ся* почти во всех своих употреблениях присоединяется преимущественно к переходным глаголам⁸. Статальный пассив, видимо, не исключение. В действительности есть два способа анализировать эту ситуацию. Первый состоит в том, чтобы считать, что статальный пассив, отличаясь от стандартного по семантике, хорошо сочетается с сентенциальными актантами, выражающими содержание и т. д.

Второй же способ предполагает, что статальный пассив все же является безличным, сентенциальный актант не занимает позицию подлежащего. Эта точка зрения отчасти подкрепляется тем, что структуры типа *в книге говорится много глупостей* встречаются редко, хотя по смыслу ИГ *много глупостей* аналогична сентенциальному актанту типа *что викинги не носили кольчуг* и тоже выражает содержание. Тем самым структура *В книге говорится* (статальный пассив) плохо сочетается с явным, каноническим, именным подлежащим, выраженным существительным или количественной группой в именительном падеже. Сама возможность структуры с именным актантом, однако, усложняет ситуацию. Вероятно, следует считать, что статальный пассив действительно является безличным, однако и личные пассивные конструкции способны иметь статальное прочтение. Другой вариант состоит в том, чтобы рассматривать ИГ с общим значением типа *всякие глупости* как промежуточные между сентенциальными актантами и предметными именами и считать, что такие ИГ имеют свойства и именного, и сентенциального актанта.

Выше мы показали, что сентенциальные актанты часто выступают в статально-пассивной конструкции. Это различие в поведении коррелирует с другим, чисто статистическим. А именно, при СА существенно реже, чем при ИГ, выражается агенс (сравнивались конструкции в прошедшем времени, например, *было доказано, что преступник скрылся* vs. *следствием было доказано, что преступник скрылся*).

⁸ Исключением являются только очень продуктивный безличный модальный пассив (*Старухе не спалось, Мне не работается*) и ограниченный маленькой группой глаголов безличный пассив без модальной семантики (*В статье говорится о новых машинах, Тут намекается, что директор школы брал взятки*). Они образуются от непереходных глаголов.

**Процент конструкций с выраженным агенсом среди
всех пассивных конструкций⁹**

глагол	пассивов	пассивов с выраженным агенсом	процент от общего числа
было сказано, что	427	2	0,5%
были сказаны	171	16	9,4%
было решено	1575	8	0,5%
был создан	1081	39	3,6%
был разрушен	145	19	13%
было доказано	203	9	4,4%
было показано	611 (324 что)	43 (36 что)	7%
был задуман	118	10	8,5%
было выяснено	90	4	4,4%
был объяснен	7	2	28,6%
были объяснены	15	3	20%
было объяснено	9	1	11,11%
был рассказан	17	5	29,4%
было рассказано, что	4	0	0%
рассказывалось, что	17	0	0%
рассказывался	8	2	25%
рассказывались	54	1	1,85%
были рассказаны	13	5	38,5%
сообщалось, что	>200	0	0%
сообщались	120	1	0,7%
сообщался	34	0	0%
было сообщено, что	62	1	1,6%
был сообщен	17	4	23,5%
были сообщены	35	10	28,6%

Для некоторых случаев сознательно сравнивались между собой различные формы одних и тех же речеактных глаголов. В частности, для глагола *сказать* агенс при множественном числе *были сказаны* выражается реже, чем при *сказать + что* (множественное число показывает, что перед нами не сентенциальный актанта). Аналогичный вывод мы получаем для глагола *рассказывать*. При этом высокий процент выражения агенса дают и форма множественного числа, и форма единственного числа мужского рода – иначе говоря, разные формы, существенно, что актанта при них именной, а не сентенциальный.

Соотношение между глаголами менее показательно. Так, при глаголе *создать* агенс выступает гораздо реже, чем при *разрушить*. Важно, однако, что высокий процент вы-

⁹ Поиск проводился по Национальному корпусу русского языка. Для ряда глаголов (*сказать*, *рассказать*) были найдены примеры на пассивные конструкции с сентенциальным актанта (*Было сказано, что уехать он не может*) и с именной группой (*Эти слова были сказаны угрожающим тоном*). Для других глаголов проводился только поиск конструкций одного из типов. Для поиска конструкций с СА задавался запрос с пассивной формой в среднем роде (затем отсеивались примеры типа *слово было сказано*), для поиска конструкций с ИГ – с пассивной формой в мужском роде или во множественном числе. Данная методика имеет один недостаток: в число конструкций со средним родом попадают и те, где глагол имеет именной актанта (например, *Слово было сказано*). Однако высокий процент среди примеров со средним родом глагола конструкций с СА и редкость выражения агенса показывают, что это огрубление мало влияет на общие результаты. Как и в статье в целом, отглагольные имена мы относим к именным актантам, т. е. предложения типа *Отступление было задумано заранее* считаются содержащими именной актанта.

ражения агенса (13%, 8,5%) встречается только при глаголах, управляющих только или преимущественно именными актантами (*задумать* способен управлять и сентенциальным дополнением, но встречается это реже).

Конструкции с именными актантами (*был рассказан, рассказывался, был разрушен, был создан, были сказаны*) явно в среднем чаще встречаются с выраженным агенсом, чем глаголы с сентенциальным актантом (*было сказано, что; было рассказано, что; рассказывалось, что*). Это верно, независимо от того, имеем мы дело с глаголом, способным присоединять и именные, и сентенциальные актанты (*рассказать*) или только именные (*разрушить*). Тем самым наиболее полный (хотя и сравнительно редко встречающийся в русском) вариант пассивной конструкции для глаголов с сентенциальными актантами в целом характерен еще в меньшей мере, чем для предикатов с именными актантами¹⁰. Эта тенденция очевидна даже для глагола *сообщить*, который вообще редко управляет именными актантами:

(43) *Эти нездешние новости ему сообщались в свою пору по телефону теми удачливыми знакомцами, какие насиживали местечки в самом карагандинском полку* [О. Павлов. Казенная сказка (1993)].

Показательно, что при глаголе *решить* (в значении ‘принять решение’) агенс встречается единственный раз – и в этом случае глагол управляет именным актантом, что для него в целом нехарактерно:

(44) *Взрыв же в Леонтьевском переулке показывал, что в стране есть еще силы. Новое вскрытие вен народу Дзержинским было решено* [Р.Б. Гуль. Дзержинский (Начало террора) (1974)]¹¹.

Исключение составляют глаголы *показать* и *доказать*, у которых при употреблении с сентенциальным актантом очень высок процент конструкций с выраженным агенсом. Это связано с тем, что данные лексемы характерны прежде всего для научных текстов, где процент таких конструкций в целом резко повышается.

3. СЕНТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Проверить сентенциальный актант на статус подлежащего труднее, чем на статус прямого дополнения. В русском языке для подлежащего, безусловно, есть диагностические контексты и преобразования (см., в частности, [Козинский 1983; Тестелец 2001]). Однако к сентенциальным актантам они применимы ограниченно, и причины этих ограничений отнюдь не всегда ясны.

Напомним о некоторых свойствах канонического подлежащего. Так, подлежащее должно быть способно контролировать рефлексивы, деепричастие. Некоторые типы подлежащего также способны к употреблению в дистрибутивном контексте и преобразованию в генитив при отрицании (см., однако, ч. 2 о неприменимости этих двух текстов к сентенциальным актантам).

Применим некоторые из диагностик к сентенциальным актантам.

Прежде всего, не все типы сентенциальных актантов могут занимать позицию подлежащего при всех типах глаголов одинаково. Инфинитив редко бывает подлежащим переходного глагола, отсюда неграмматичность примера (47):

¹⁰ Несколько выделяется на общем фоне глагол *показать* в научном употреблении, поскольку он стандартно используется в научных статьях в полной пассивной конструкции – даже чаще, чем в активной. Встречаются и конструкции, где роль агенса выполняет личное местоимение (*Нами было показано, что это химическое соединение быстро разлагается*) – вне научной речи такого рода пассивы, безусловно, крайне редки.

¹¹ Впрочем, и в этом примере словоформа *Дзержинским* может зависеть не от глагола в пассиве (*было решено Дзержинским*), а от отглагольного существительного (*вскрытие вен Дзержинским*).

- (45) Я боялся ходить по переулку вечером;
(46) Мне было страшно ходить по переулку вечером;
(47) *Меня пугало ходить по переулку вечером.

Одним из исключений могут служить глаголы *задолбать*, *достать*, которые в значении 'надоест' употребляются только в разговорной речи (чаще всего у молодежи):

- (48) На костылях уже *задолбало* ходить [journal.ru/journals_comments.php?id=3306414].

Глаголы *затруднить*, *забавлять*, *интересовать* также способны выступать с подлежащим-инфинитивом, однако эти случаи редки по сравнению с *быть трудным*, *быть интересным*, *быть забавным*.

- (49) Меня забавляло удручать полицейских расспросами – кто и когда поедет, чего они никогда не смели сказать [О.Э. Мандельштам. Шум времени (1923)];
(50) – Вас не затруднит добратсья до плавбазы на вертолете? [А. Вайнер, Г. Вайнер. Я, следователь... (1968)];
(51) Тогда все это было у всех на глазах, и никого не интересовало писать о том, что все знают: ну кто будет читать о банях? [В.А. Гиляровский. Москва и москвичи (1934)].

Тем самым данный признак уже делает инфинитив «неполноценным» подлежащим: канонические подлежащие в русском языке способны выступать без ограничений при любом синтаксическом типе глаголов.

Перейдем к другим диагностическим свойствам подлежащего. Контролером рефлексива чаще всего является подлежащее (см. [Ross 1967], а также [Тестелец 2001] для русского языка):

- (52) *Полицейский*, подвел мужчину, к своей, машине ('к машине полицейского', ср. к его машине, если машина принадлежит мужчине);
(53) *Петя*, не должен обижать Васю, у себя, дома ('дома у Пети', ср. у него дома, если дом принадлежит Васе).

Употребление деепричастий в литературном языке ограничено случаями, когда нулевой субъект (PRO) деепричастия кореферентен подлежащему главной клаузы:

- (54) а. *Выезжая* из гаража, он увидел необычную картину;
б. **Выезжая* из гаража, ему преградили путь упавшие ветки.

В разговорной речи встречаются случаи, когда указанное требование нарушается, однако эти примеры скорее находятся вне литературной нормы:

- (55) Сегодня, *выходя* из дома, видно что весна идет [http://ilerros.livejournal.com/5145.html].

Впрочем, данные два критерия, как показано в [Тестелец 2001], дают разные результаты для конструкций с неканоническими «подлежащими» типа *Васю тошнит*, *Девушке стыдно*. Если контроль деепричастий для них очевидным образом невозможен или по крайней мере не полностью грамматичен (56), то рефлексивизация для некоторых из этих предикатов допустима (57), (58):

- (56) **Выходя* из дома, ему стало стыдно за брата;
(57) Мне стыдно за свое поведение;
(58) Меня тошнит от своих родственников.

Оба эти критерия дают отрицательный результат с сентенциальными актантами. Однако какими факторами это вызвано – семантическими или синтаксическими – не вполне ясно.

3.1. Контроль рефлексива

Казалось бы, контроль сентенциальным актантом рефлексива невозможен – ни в Корпусе, ни в поисковых системах в Интернете найти таких примеров не удалось. Однако объясняется это скорее семантическими, чем синтаксическими причинами. Есть немало глаголов, у которых два именных актанта могут быть кореферентными, однако для глаголов с сентенциальными актантами это нехарактерно. Ясно, что среди глаголов речи искать бесполезно – один из их актантов является сентенциальным, второй (и третий, если он есть) – именными: это говорящий и адресат. Точно так же в требуемом контексте не могут выступать глаголы эмоций, мысли и чувств. Единственный класс лексем, у которого может быть два сентенциальных актанта – глаголы логической зависимости: *зависеть от, быть связанным с, обусловить и быть обусловленным, привести к, вытекать из* и т. д.:

- (59) *То, какую оценку ты получишь, зависит от того, сколько ошибок ты сделаешь;*
(60) *То, что Людовик XIV прожил так долго, привело к тому, что после него на трон вошел его правнук.*

Безусловно, подобные примеры крайне редко встречаются в тексте, но грамматически они возможны. Однако актантный рефлексив при данных глаголах встретиться не может. Как правило, ситуация не может вытекать из себя самой, зависеть от себя самой¹² или быть связанной с собой самой.

При этом рефлексивные местоимения *себя* и *свой* с антецедентом-ситуацией (в том числе выраженной сентенциальным актантом) возможны:

- (61) *В итоге загрузка железных дорог снизилась, что повлекло за собой снижение доходов РЖД – более чем на 170 млн долларов в год [А. Виньков. Конец портовых привилегий (2004) // «Эксперт», 2004.12.13];*
(62) *То, что данному вопросу уделялось недостаточно внимания, повлекло за собой стремительный рост недовольства со стороны социальных масс [hrivna.info/novosti.../279-dohody-ukraincev-budut-vyrovneny.html];*
(63) *То, что его папа работает в том же институте, имеет свои недостатки и свои достоинства.*

Однако практически все эти употребления по классификации, предложенной в [Лютикова 2002], не являются собственно рефлексивами. Это либо интенсификаторы, как в *имеет свои недостатки*, либо части фиксированных сочетаний типа *повлечь за собой*. Это интенсификаторы или близкие к ним единицы. Рефлексив в данном случае скорее не обозначает синтаксическую кореферентность, а подчеркивает, что, например, недостатки и достоинства есть и у данной ситуации (63) (ср. близкие употребления типа *У всех свои маленькие слабости, Каждому свое*). Найти же примеры на бесспорно рефлексивные употребления снова оказывается затруднительным.

Заметим, что и группы с отглагольными существительными, обладающие, казалось бы, явно актантным статусом, мало встречаются в комбинации с рефлексивами. Это опять же связано со свойствами глаголов логической зависимости, с трудом допускающих кореферентность участников ситуации¹³.

¹² Заметим, что контексты типа *Вася хочет зависеть только от себя самого*, конечно, возможны, но это связано не со свойствами именного актанта, а с различием в значении глагола *зависеть*.

¹³ Если говорить шире, легко видеть, что рефлексивная кореферентность вообще нехарактерна для неодушевленных участников – что, конечно, неверно для реципрока. Неодушевленные предметы могут симметрично взаимодействовать друг с другом (*Деревья отнимают друг у друга солнечный свет*), но ситуации, где предмет воздействует сам на себя (*Дерево само себя сломало*) возникают в реальном мире крайне редко.

3.2. Контроль деепричастия

Несколько легче обстоит дело с контролем деепричастия. Все типы сентенциальных актантов практически неспособны к нему (ср. (66)), и здесь причина, видимо, синтаксическая, а не семантическая. Например, из следующих предложений, согласно нашей интуиции, нормальны только первые два, хотя во всех трех случаях актантом глагола является название ситуации. Предложения типа (66) не встречаются и в корпусе, хотя ряд опрошенных их допускают:

- (64) *Напугав, удивив его, эта мысль крепко в нем завязла* [В.Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];
(65) *<...> мы, к своему огорчению, почувствовали какое-то непонятное внутреннее отдаление. Потом, после возвращения Андрея из ссылки, оно все больше и больше увеличивалось и углублялось, в конце концов приведя к полной потере контакта* [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)];
(66) **То, что, оказывается, можно уехать, удивив его, все же его успокоило.*

В то же время нельзя сказать, является ли этот запрет чисто синтаксическим. Так, конструкция *тот факт, что* также статистически редко, по данным Корпуса и поисковых систем контролирует деепричастие. Хотя по смыслу и функции эта конструкция весьма близка к сентенциальным актантам, формально она, конечно, является именной группой (с релятивным оборотом с союзом *что*). Вполне возможно, что сверхобобщенные группы типа *то, что* или *тот факт, что* не контролируют деепричастие в силу низкого положения в иерархии одушевленности. Вспомним, что в целом неодушевленные участники контролируют деепричастия реже, чем одушевленные (см., например [Онипенко, Никитина 2012]).

Однако против семантической трактовки говорит неспособность групп с *то, что* контролировать даже деепричастие *будучи*. Эта форма в силу семантики глагола *быть* практически в чистом виде выражает параллельное существование двух ситуаций – и даже для неодушевленных непредметных ИГ контроль деепричастия *будучи* вполне возможен, ср., например, возможное (67а), в противоположность не полностью грамматичному и не встречающемуся в Корпусе и поисковых системах (67б):

- (67) а. *Это происшествие, будучи весьма знаковым для нынешней России, все равно не слишком значительно в мировом масштабе;*
б. *???То, что он приехал, будучи весьма знаковым для нынешней России...*

Сентенциальные актанты с *что* вряд ли могут встретиться в конструкциях с деепричастиями даже теоретически. Причина в их линейной позиции после глагола: варианты вида **Будучи знаковым, что он приехал, это не важно в мировом масштабе* аномальны для русского языка с точки зрения порядка слов (впрочем, другой порядок – **Что он приехал, будучи знаковым* – также невозможен...).

Напротив, инфинитиву никакие его общие свойства не мешают сочетаться с деепричастиями – и все же это невозможно, ср. безусловно неграмматичные предложения типа **Приехать туда, показавшись вначале невозможным, затем оказалось вполне реальным* (при возможном *Приехать туда сначала показалось невозможным, а затем оказалось вполне реальным*).

Вне деепричастной конструкции запретов такого типа не наблюдается. Другие типы зависимой предикации – придаточное предложение и инфинитивная конструкция – допускают совпадение субъекта с сентенциальным актантом в главном предложении:

- (68) *То, что он приехал, хотя и было поначалу для всех важно, быстро забылось;*
(69) *Уехать должно было стать невозможным.*

На сегодняшний день природа запрета на деепричастия, контролируемые сентенциальным актантом, не вполне понятна. Во всяком случае, он очевидным образом свя-

зан не только с наличием / отсутствием падежного маркирования у сентенциального актанта (по данному критерию СА с *то*, что ведут себя близко к остальным типам СА, практически никогда не контролируя деепричастия).

3.3. Конструкции с дативным актантом

В качестве дополнительного теста на подлежащий статус СА мы предлагаем использовать способность / неспособность выступать в составе ряда конструкций, например, *ему предстояло, надо же было* и т. д. Особенность этих конструкций состоит в том, что они образуются преимущественно от предложений, содержащих каноническое подлежащее в именительном падеже, контролирующее глагольное согласование. В рассматриваемых конструкциях это подлежащее становится дативным аргументом модального предиката или предиката с аспектуальной или таксисной семантикой. Так, конструкции (70)–(73) правильны, поскольку исходное предложение содержит актанта в номинативе. (74) и (75) неграмматичны в силу его отсутствия:

- (70) *Вовремя. Надо же было так всему сложиться* [А. Измайлов. Трюкач (2001)];
(71) *И надо же было произойти такому «роковому» совпадению, что именно в это время он созрел для самостоятельной режиссуры и пришел к Франко за «благословением»* [Продюсер удачи (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06];
(72) *Надо же было Джону Нэшу сбежать в самый неподходящий момент!*
(73) *Надо же было Джону Нэшу заболеть / испугаться в самый неподходящий момент!*
(74) **Надо же Васю было стошнить / было Васю стошнить в самый неподходящий момент!*
(75) **Надо же было Васе стать страшно / стыдно в самый неподходящий момент!*

Запреты здесь очевидным образом не семантические, а именно синтаксические. Конструкция с *надо же* допускает предикаты без агентивного участника, не случайно возможно предложение (73). Напротив, (74) и (75) невозможны, хотя в (75) используется квазисиноним глагола *испугаться* – *стать страшно*, тем самым о семантической мотивации речи быть не может¹⁴.

Применим тот же тест к сентенциальным актантам. Если они занимают синтаксическую позицию подлежащего, то должны быть совместимы с конструкцией *надо же*.

Тест дает весьма неожиданные результаты. Сентенциальные актанты действительно способны выступать в анализируемой конструкции, но избирательно – и запреты здесь гораздо менее тривиальны, чем для актантов именных:

- (76) *Надо же было случиться, чтобы именно тогда ехал по лесной тропинке прямехонько через означенную лужайку пацан из местных на отцовском дорожном велосипеде* [С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002];
(77) *И надо же было так случиться, что как раз в это мгновенье подул ветерок, с дерева сорвалась огромная айва и ударила его по голове* [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)];
(78) *И надо же было выясниться, что он тоже на меня запал в универе. Нефарт, или действовать надо было быстрее?* [pda.nefart.ru/other/?page=502];
(79) ?*Надо же было оказаться, что у Пети в этом городе куча знакомых!*
(80) **Надо же было ему захотеться выпить чаю!*
(81) *Надо же было Васе так испугаться из-за того, что в комнате было темно!*
(82) *Надо же было этой чепухе так напугать Васю!*
(83) **Надо же было Васю так напугать, что в комнате было темно!*
(84) ?*Надо же было Васе присниться, что он слон!*
(85) ?*Надо же было тому, что / тому факту, что в комнате было темно, так напугать Васю!*¹⁵

¹⁴ Нетрудно заметить, что этот тест дает другие результаты, нежели контроль рефлексива. См. [Тестелец 2001] с примерами типа *Мне стыдно за себя*, где дативный Экспериенцер при (*быть*) *стыдно* контролирует рефлексив.

¹⁵ Последнее предложение может быть сомнительно и в силу принадлежности конструкции *надо же (было)* к устной (преимущественно разговорной) речи, которая конфликтует с официально-деловой стилистической отнесенностью сочетания *тот факт, что*.

Первый очевидный факт состоит в том, что и данный тест в большей части случаев не проходит СА с союзом *что*, за исключением предложений (76) и (77), к которому мы вернемся ниже. При переходных глаголах с сентенциальным подлежащим с союзом *что* (83) *надо же* невозможно.

Менее очевидна неграмматичность (79) и особенно (78), где конструкция с *что* занимает позицию подлежащего непереходного глагола. Они возможны, хотя являются разговорными. В поисковых системах Google и Яндекс встречаются и другие примеры такого рода, однако они немногочисленны.

Некоторую загадку представляют конструкции вида (76) и (77), где предложение становится безусловно приемлемым при глаголе *случиться*. Если же, как в (77), во фразе наряду с СА имеется слово *так*, предложение выглядит еще лучше. В исходной конструкции:

(86) *Так случилось, что я сейчас не в Москве –*

так, конечно, не занимает позицию подлежащего в полном смысле слова, однако дублирует сентенциальное подлежащее *что я сейчас не в Москве*. Отметим, что вариант *случилось, что я сейчас не в Москве* гораздо менее приемлем. Но в целом в конструкции с *надо же* допустим не только вариант *надо же было так случиться*, но и *надо же было случиться*. Отметим, что близкая по синтаксическому устройству конструкция с глаголом *сложиться* не встречается в Корпусе с *надо же было* – единственный пример на этот глагол содержит именной (местоименный) актант *всему* (*надо же было всему так сложиться*).

Перейдем к конструкциям с *то, что* и инфинитивом. Предложения с *то, что* не встречаются в Корпусе, однако искусственно построенные примеры типа (85) можно считать шероховатыми, но в гораздо меньшей степени, чем пример (83) с *что* при переходном глаголе. Для *то, что* это означает промежуточное положение между именными группами в (70)–(73) и сентенциальным актантом с *что*.

С инфинитивом положение хуже – в роли подлежащего при переходных глаголах инфинитивные обороты практически не встречаются (см. вводные замечания части 3). Примеры типа (80) кажутся неграмматичными.

Тем самым для инфинитива конструкция с *надо же* не является тестом на статус прямого дополнения. Конструкции с *что* и переходными глаголами тест не проходят, а значит, сентенциальные актанты с *что* не являются по данному критерию прямыми дополнениями (однако сложнее ситуация с СА, занимающими позицию подлежащего). Сентенциальные актанты с *то, что* по этому критерию, напротив, должны считаться прямыми дополнениями.

Мы предполагаем, что в роли диагностических контекстов, проверяющих подлежащий статус СА, могут использоваться и другие конструкции, образуемые от конструкций с каноническим подлежащим, например конструкция с глаголом *предстоять* (*Он стал политиком – Ему еще только предстояло стать политиком*). Однако конструкция с *предстоять* – более сомнительная диагностика. Это связано с ограничениями на позицию дативного аргумента: ряд неодушевленных существительных с трудом попадают в нее:

(87) *Ему еще только предстояло стать звездой балета;*

(88) *Правде еще только предстояло выясниться.*

Однако в целом, если исходное предложение содержит каноническое подлежащее в именительном падеже, то конструкция возможна, пусть и с ограничениями.

Для сентенциальных актантов в составе конструкции с *предстоять* тоже действуют ограничения, однако степень их строгости ясна не до конца:

(89) *Еще только предстояло выясниться, что Советского Союза больше не существует;*

(90) *Тому, что Ельцину сделали операцию, еще только предстояло шокировать публику.*

В целом можно считать, что конструкции с дативным подлежащим показывают отличия сентенциальных актантов от именных (ни актанты с *то, что*, ни актанты с *что* не являются стопроцентно приемлемыми в данной конструкции). Также оказывается, что существенна переходность глагола, при котором подлежащим является сентенциальный актант. Впрочем необходимо учитывать, что неправильность примеров типа (83) может следовать не только из синтаксических свойств сентенциального актанта, но и из ограничений, связанных с линейным порядком. В стандартном случае непосредственно после *надо же (было)* следует дативный аргумент – подлежащее исходного глагола (ср. маргинальность предложений типа *???Надо же было попасть в такую ситуацию именно Васе*). Однако в (83) такой порядок (**Надо же было, что в комнате было темно, так напугать Васю*) невозможен в силу того, что сентенциальные актанты с *что* практически всегда располагаются за глаголом, от которого зависят.

Существенно, что актанты с *то, что* возможны в данной конструкции. Безусловно, такие контексты не являются частотными. Тем самым конструкции с *что* (за исключением особого варианта *так случиться, что*) явно не проходят данный тест на подлежащее, а с *то, что* – скорее проходят, хотя с значительно большим трудом, чем именные актанты.

4. СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ В КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДИКАТИВОМ/ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ

Выше мы уже упоминали о свойствах сентенциальных актантов при предикативах. Здесь мы более подробно анализируем их свойства. Имеется в виду сентенциальный актант в конструкциях типа:

- (91) *Что он покался, конечно, хорошо, но не снимает с него вины;*
(92) *Мне приятно, что Вася все-таки меня поздравил.*

Мы сознательно не называем эти актанты подлежащими или дополнениями. В начале статьи говорилось, что этот вопрос обходится большинством исследователей – несмотря на то, что авторы грамматики [Грамматика 1980: раздел 1653] без дополнительных аргументов называют конструкции с предикативами **однокомпонентными** (т. е. не усматривают в них подлежащего), не уточняя, что конкретно имеют в виду. Так, безусловно, возможна точка зрения, при которой *что он покался* – подлежащее в (91), а *хорошо* (вместе с нулевой связкой) – часть сказуемого. В этом случае *сентенциальный актант* (подлежащее) имеет связку или сказуемое в целом, а не собственно предикатив.

Еще один вопрос, который мы сознательно обходим, – вопрос о месте предикативов в системе русских частей речи. Часть исследователей называют основную группу предикативов «предикативные наречия» (см. [Грамматика 1980: раздел 1653], некоторые из них разделяют на группы, относящиеся к кратким прилагательным (*курить вредно*) и к собственно безличным предикативам (*мне скучно*) [Буланин 1976: 176–179] или делят конструкции на классы более сложным образом. Например, А.Н. Гвоздев [Гвоздев 1973: 60] и М. Гиро-Вебер [Guigaud-Weber 1984] считают, что конструкции типа *кататься весело* содержат краткие прилагательные, а их близкие аналоги типа *скучно сидеть на лекции* безличны и в них нужно усматривать предикатив. Из последних исследований отметим [Сай 2011], где весьма обоснованно утверждается, что для разных предикативов ответ на вопрос о соотношении с наречиями и/или прилагательными может быть разным. Как представляется, эта проблема тесно связана с более общей – проблемой определения части речи, которую было бы слишком долго здесь обсуждать.

Исходные положения таковы. Предикативы в большинстве своем совпадают с краткой формой среднего рода прилагательного – и, соответственно, существуют пары конструкций с предикативом и с прилагательным:

- (93) *Важно, что Вася все-таки приехал;*
 (94) *Этот поступок Васи очень важен;*
 (95) *Опасно так оскорблять чиновников;*
 (96) *Поведение Васи очень опасно*¹⁶.

Основная функция предикативов – использоваться в качестве сказуемого (точнее, компонента сложного сказуемого с нулевой или выраженной связкой). Однако они способны и подчиняться главному глаголу – а именно, глаголам *(по)казаться, оказаться, считаться, представляться* и т. д. Именно такого рода конструкции мы разберем ниже.

4.1. Конструкции с полувспомогательными глаголами

Итак, как сказано выше, предикативы способны выступать в конструкциях с глаголами типа *(по)казаться, оказаться, считаться, представляться* и т. д. – часть из этих глаголов традиционно называются полувспомогательными. С теми же глаголами сочетаются и стандартные прилагательные:

- (97) *Ходить туда опасно;*
 (98) *Такие путешествия опасны;*
 (99) *Ходить туда считалось опасным;*
 (100) *Эти работы считались опасными.*

Отметим, что разница между (97) и (98) – только в том, сентенциальное или именное подлежащее имеет конструкция. Поскольку априори ничто не говорит нам, отдельной частью речи является предикатив или нет, оказывается, что вся разница именно в природе подлежащего.

Однако при подчинении полувспомогательным глаголам типа *считаться, казаться, оказаться* разница между предикативами и прилагательными состоит в том, что предикативы (= прилагательные в конструкциях с сентенциальным подлежащим) обычно не переходят в форму полного прилагательного – напротив, прилагательные переходят в полную форму.

Для некоторых сочетаний «глагол + предикатив / прилагательное» контраст особенно заметен. Так, предикатив *опасно*, подчиняясь глаголу *считаться*, может сохранять форму, а для прилагательного это невозможно:

- (100') *Ходить туда считалось опасно;*
 (101) **Эти работы считались опасны / *Это путешествие считалось опасно.*

В то же время, для большинства комбинаций граница не столь резка. Так, предикатив *приятно* сохраняет форму существенно чаще, чем прилагательное, но все четыре теоретически мыслимых варианта (см. (102) и (103)) встречаются в поисковых системах:

- (102) *Мне казалось приятно / приятным, что...;*
 (103) *Эти комплименты казались ей приятными / приятны*¹⁷.

Отметим, что не только при полувспомогательном глаголе, но и при глаголе *быть* данное различие заметно. Так, словосочетание *было невозможно* появляется в Корпусе, если актант конструкции является сентенциальным (*исправить опечатки было невоз-*

¹⁶ См., однако, работу [Сай 2011], где показано, что этот параллелизм неполный – в частности, некоторые предикативы способны присоединять Экспериенцера в дательном падеже, а для соотносительных прилагательных это невозможно (ср. *Мне очень грустно vs. *грустные нам события, *эти события грусны всем людям*).

¹⁷ Здесь мы оставляем в стороне другие возможные факторы, влияющие на сохранение формы / замену на полное прилагательное.

можно). Более редкий вариант *было невозможным* преимущественно выступает при именном актанте (см. таблицу 2).

Существенно, что особенности поведения именных и сентенциальных актантов при исследуемых глаголах не слишком тесно связаны с общим распределением кратких прилагательных / предикативов и полных прилагательных. Так, и при сентенциальном, и при именном актанте прилагательное *невозможный* обычно не выступает в полной форме в сказуемом с невыраженной связкой: ср. *Такое название невозможно / *невозможное*.

В таблице 2 показаны различия между двумя предикативами и соответствующими по количеству конструкций без изменения vs. с изменением формы на полную в конструкциях с глаголом *оказаться*.

Показательно поведение конструкций с *это*, также представленное в данной таблице. Как правило, местоимение *это* в субстантивной функции отсылает к сентенциальным актантам, ср.:

(104) *Я хотел зайти попрощаться, но это оказалось невозможным.*

Однако в подавляющем большинстве случаев наличие подлежащего *это* влечет замену формы прилагательного на полную. Тем самым существенно не то, к чему отсылает местоимение, а природа самого местоимения. Поскольку *это* – именная группа, а не сентенциальный актант, прилагательное в конструкции с полувспомогательным глаголом принимает полную форму. Отметим, что в конструкции с нулевой связкой возможна только краткая форма:

(105) *Это невозможно / *невозможное.*

Таблица 2

Полные и краткие формы предикативов и прилагательных

	При актанте-СА (= предикатив)	При актанте-ИГ (= прилагательное)	доля ИГ ¹⁸
<i>было невозможно</i>	99	1	0,01
<i>было невозможным</i>	1	7	7
<i>оказалось невозможно</i>	50	1	0,02
<i>оказалось невозможным</i>	81	15	0,18
<i>это оказалось невозможно</i>		5	
<i>это оказалось невозможным</i>		45	
<i>оказалось приятно</i> (Google, первые 5 страниц выдачи)	43	12	0,28
<i>оказалось приятным</i> (Google, первые 5 страниц выдачи)	1	36	36

Отметим, что существенно именно сопоставление с предикативами форм прилагательных в среднем роде. В других родах (*оказался невозможным*) форма прилагательного не омонимична, не совпадает с предикативом, а значит, статистика говорит нам меньше о различии конструкций с именными vs. сентенциальными актантами. Отглагольные существительные мы при этом относим к именным актантам – в частности, в силу наличия категории падежа и отсутствия собственного выраженного именительным падежом подлежащего.

При обоих прилагательных наблюдается одна и та же тенденция: если они выступают в форме краткого прилагательного / предикатива, то доля контекстов с именными

¹⁸ Получено делением числа конструкций данного типа при именном актанте на количество конструкций при сентенциальном актанте.

актантами в этих конструкциях крайне низка. Напротив, для контекстов, где выступает полное прилагательное, доля конструкций с ИГ возрастает.

Отметим в этой связи, что статистическое различие наблюдается даже для пары *приятно* (предикатив) / *приятно* (прилагательное), для которой С.С. Сай [Сай 2011] предлагает постулировать единую словарную статью и считать предикатив просто употреблением прилагательного. Поскольку частеречный статус предикатива сомнителен, различие следует приписать именно различию между СА и ИГ.

Альтернативным анализом мог бы быть такой, при котором конструкция с предикативом типа *Мне приятно тут находиться* считалась бы безличной в строгом смысле слова (не имеющей никакого подлежащего). Если это и так, то не для всех предикативов. Сама возможность конструкций с глаголами *считаться* и *казаться* показывает, что в исходной конструкции присутствует подлежащее – эти глаголы практически неспособны подчинять безличные конструкции¹⁹. Возьмем, например, конструкцию *В комнате было тепло*, где нет ни сентенциального, ни именного подлежащего. Замена здесь глагола *быть* на *казаться* или *считаться* в большинстве случаев делает предложения типа (90) по меньшей мере полуграмматичными:

(106) [?]*В комнате казалось / считалось тепло*²⁰.

Если вариант с *казаться* многие носители считают грамматичным, то вариант с *считаться* кажется всем опрошенным сомнительным или вообще неграмматичным.

Важно также, что статистические данные таблицы 2 напрямую не связаны с запретом на атрибутивное употребление сентенциальных актанта с полными прилагательными (*опасное то, что он приехал*). Сочетания типа **интересное то, что он приехал*, **важное обсудить этот вопрос* абсолютно невозможны, однако напомним, что варианты вроде *ходить туда считалось опасным* – правильные русские предложения. Они лишь составляют меньшую долю в Корпусе, чем *эта дорога считалась опасной*.

Тем самым ситуация с актанта предикатива противоречива. С одной стороны, сама возможность употребления с глаголами *казаться*, *считаться*, *представляться* показывает, что предикативы с СА (в отличие от конструкций с локативной группой типа *в комнате было холодно*) в большинстве своем имеют сентенциальное подлежащее и не являются безличными.

С другой стороны, поведение конструкций с СА с данными глаголами отличается, хотя бы статистически, от поведения стандартных конструкций с прилагательными в предикативной позиции.

Иначе говоря, речь в данном случае не идет о неканоническом маркировании субъекта в терминах [Dixon et al. (eds.) 2001]. Неканонически маркированные подлежащие – будь то дативные ИГ типа *мне стыдно* в русском или исландские аккумулятивные субъекты конструкций типа ‘лодка перевернулась’ [Andrews 2001] – морфологически маркированы падежом, который обычно оформляет дополнения. Однако синтаксические свойства этих актанта и конструкции в целом (например, контроль рефлексива или зависимых

¹⁹ Впрочем, данное свойство глаголов (*по*)*казаться* и *считаться* требует дополнительного исследования. В частности, добавление дативной ИГ зачастую улучшает восприятие конструкции носителями (*В клубе мне казалось скучно* кажется лучше, чем *В клубе казалось скучно*). При этом в конструкциях с именными актантами нормальны и предложения с дативными группами, и без них: *Положение казалось (нам) ужасным*.

²⁰ Иначе ведет себя глагол *оказаться*: в подавляющем большинстве случаев он употребляется с личными предикатами (*Вася – дурак – Вася оказался дураком*, *Мы в ловушке – Мы оказались в ловушке*), однако и некоторые безличные также возможны (*В комнате тепло – В комнате оказалось тепло*), в то время как другие сомнительны (*Васе плохо / страшно – [?]*Васе оказалось страшно*). Отметим, что при сентенциальном актанте последние предложения становятся приемлемыми (*Оказалось страшно идти по темной дороге*), что все же подтверждает подлежащий статус СА.

форм глагола) показывают, что некоторые синтаксические подлежащие свойства у данных типов актантов есть.

Напротив, сентенциальные актанты не имеют морфологических признаков «другого актанта» – более того, кажется, что примеры типа *Я знаю Васю* и *Я знаю, что Вася – лингвист* полностью параллельны. Однако синтаксические свойства СА показывают, что они не являются каноническими актантами – во всяком случае, не проявляют стандартного набора свойств подлежащего или прямого дополнения.

4.2. Сравнительная степень

Еще одно различие между предикативами (или, по другой трактовке, прилагательными в конструкции с сентенциальным актантом) и «обычными» прилагательными заключается в образовании сравнительной степени. В главном предложении сравнительную степень могут иметь и предикативы, и прилагательные:

- (107) *Не может остановиться. Отдавать ему интереснее, чем брать* [Д. Гранин. Зубр (1987)] (предикатив);
(108) *«Простая» семья оказалась больше, крупнее, интереснее, чем можно было себе представить* [Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008] (прилагательное).

Однако при подчинении глаголу *считать* синтетическую сравнительную степень имеют только прилагательные [ср. возможность конструкции (111) и невозможность (109) и (110)]:

- (109) **Он считал интереснее отдавать, чем брать.* / **Он считал отдавать интереснее, чем брать;*
(110) **Он считал важнее, что начальник приехал, чем что-либо другое;*
(111) *Человека в очках (если это не двойные линзы с пластырем крест-накрест) обычно считают умнее, чем без очков* [А. Ставров. Тематические Страницы: Комплекс полноценности (2002) // «Автопилот», 2002.09.15].

Предикативы же стандартно образуют конструкцию с показателем *более*:

- (112) *Он считал более надежным отвлечь лучшие силы в архивную работу и в библиографию* [Г. Флоровский. Пути русского богословия (1936) // Библиотека «Вехи», 2003].

В данном примере замена на синтетическую форму *надежнее* дает неграмматичное предложение:

- (112') **Он считал надежнее отвлечь лучшие силы в архивную работу и в библиографию.*

При этом вне конструкции, подчиненной глаголу *считать*, предикатив *надежно*, конечно, имеет сравнительную степень, ср. возможное:

- (113) *Надежнее (будет) отвлечь лучшие силы в архивную работу.*

Впрочем, поиск в Интернете выявляет ряд исключений – очень немногочисленных. Как правило, при этом выражается только один партиципийный сравнительной конструкции (данный тип сравнительной конструкции описан в [Князев 2007]): стандарт сравнения выражен в предтексте и в сравнительной конструкции опускается:

- (114) *Михаил Горбачев знал о готовящемся путче, но считал важнее предотвратить кровопролитие* [www.novoteka.ru/event/24512574].

Тем самым в конструкции с глаголом *считать* прилагательные / предикативы, определяющие сентенциальные актанты, отличает от прилагательных с именным зависимым устройством категории степени – для первых синтетическая сравнительная степень нехарактерна²¹, а у вторых встречается часто.

5. ДРУГИЕ ТИПЫ ДОПОЛНЕНИЙ

Стопроцентно надежных тестов на не прямое дополнение, противопоставляющих его косвенному дополнению и/или сирконстанту, для русского языка, по-видимому, не существует. Именно поэтому в данном разделе мы рассматриваем вместе все дополнения, не являющиеся прямыми. По меньшей мере одним свойством некоторые сентенциальные «непрямые дополнения» отличаются от именных.

А именно для именных не прямых дополнений всегда возможны последовательности из вопроса и ответа, где в обеих частях присутствует не прямой объект:

(115) – *Кем учитель был больше всех доволен? – Петей.*

Для сентенциальных актантов с *то, что* возможны такие же последовательности:

(116) – *Чему ты так рад? – Тому, что наконец-то отсюда уеду;*

(117) – *Чем ты так расстроен? – Тем, что не получилось ни с кем встретиться.*

Однако сентенциальные актанты с *что* зачастую выглядят сомнительно в похожих контекстах:

(118) – *Чему ты так рад? – Что снег выпал;*

(119) – *Чем ты так расстроен? – Что не получилось ни с кем встретиться.*

Впрочем, предложения такого рода встречаются в поисковых системах Яндекс и Google. Разница в приемлемости между (116)–(117) и (118)–(119), вероятно, связана с отсутствием в составе СА с *что* единицы, изменяющейся по падежам. Отметим, однако, что для некоторых предикатов с косвенными объектами вопросно-ответные пары такого рода абсолютно нормальны:

(120) – *Чего ты так боишься? – Что меня выгонят из института.*

6. УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ГЛАГОЛОВ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРЕДИКАТИВОВ

Последним критерием различения сентенциальных и именных актантов, который мы рассмотрим, будет образование существительных от прилагательных / предикативов и от глаголов. В целом отглагольные существительные гораздо легче употребляются с именными актантами, чем с сентенциальными (даже в тех случаях, когда производящее слово такой разницы не показывает). Некоторым исключением, как и во многих других случаях, являются сентенциальные актанты с показателем *то, что*, которые сохраняются существительными легче прочих.

Приведем некоторые примеры:

²¹ Другая группа исключений, любезно подсказанная мне М.А. Холодиловой, – это примеры, где стандарт сравнения выражен родительным падежом, а не конструкцией с *чем*: *В тот момент, когда борьба еще не была закончена и исход ее еще полностью не определился, Бонапарт считал важнее всего сократить число противников.* Наконец, большая группа примеров включает фразу *считать ниже своего достоинства*: *Он считал ниже своего достоинства связываться с этим коротышкой* [А.И. Пантелеев. Ленка Пантелеев (1938–1952)].

- (121) *важные новости* – *эти новости важны* – *важно обсудить эти новости* – *важно (то), что эти новости пришли вовремя*;
- (122) *важность новостей* – **важность обсудить эти новости* – **важность, что эти новости пришли вовремя / ?того, что эти новости пришли вовремя*;
- (123) *выяснились новые факты* – *выяснилось, что Петров невиновен*;
- (124) *выяснение новых фактов* – **выяснение, что Петров невиновен / *выяснение того, что Петров невиновен*;
- (125) *раскрылись новые факты* – *раскрылось, что слитки изготовили в США*;
- (126) *раскрытие новых фактов* – **раскрытие, что слитки изготовили в США / *раскрытие того, что слитки изготовили в США*;
- (127) *он открыл новые методы анализа* – *он открыл, что возможны новые методы анализа*;
- (128) *открытие (в 2010 году) новых методов анализа* – *открытие (*в 2010 году), что возможны новые методы анализа*.

При некоторых прилагательных / предикативах, например, *важный / важно*, оппозиция именного vs. сентенциального актанта является определяющей для возможности конструкции с соотносительным существительным. Как видно из примеров (121)–(122), слово *важность* может соответствовать только собственно прилагательному, но не предикативу, то есть не может иметь сентенциальный актант. Частичная грамматичность варианта с *то, что* в (122) показывает, что этот тип зависимых является переходным между сентенциальными актантами и именными группами.

Примеры (123)–(124) и (125)–(126) аналогичны предыдущим, только представленные здесь имена образованы уже от глаголов. Эти существительные также не могут иметь сентенциальных актантов.

Данные оппозиции показывают, что актантный статус сентенциальных актантов [статус прямого дополнения в (123)–(126) и определяемого имени / подлежащего в конструкциях с прилагательными и предикативами типа (121)–(122)] сомнителен. Сентенциальные актанты в ряде случаев блокируют номинализацию, возможную при именных актантах.

Для ряда имен (например, *открыть*) существует еще одна оппозиция [см. примеры (127)–(128)]. Только при именном актанте имя может получать обстоятельство времени. Этот факт, очевидно, не случаен. ИГ *открытие, что возможны новые методы анализа* способно обозначать как событие ('ситуацию, в которой было открыто, что ...'), так и результат ('знание, что существуют новые методы'). Однако при наличии обстоятельства времени второе прочтение невозможно. Вероятно, надо считать, что для имен с сентенциальным актантом нерезультативные прочтения нехарактерны, однако эта идея требует дальнейшей проверки (подробнее об аспектуальных свойствах отлагательных имен см. [Пазельская 2005]).

7. ЗАМЕЧАНИЕ О ЧТО И ТО, ЧТО

Выше мы показали, что по многим свойствам сентенциальные актанты с показателем *то, что* демонстрируют больше свойств именных актантов, чем актанты без *что*. Безусловно, этот факт тесно связан с внутренним устройством двух показателей (*то, что* содержит компонент *то*, изменяющийся по падежам, как и прочие именные группы). Однако нужно сделать и замечание о семантике показателей, тем более что эта проблема не раз поднималась исследователями.

Анна А. Зализняк и И. Микаэлян [Анна Зализняк, Микаэлян 1988] отмечают, что *то, что* используется в случаях, когда речь идет о знании экспериенцером некоторой информации, а *что* маркирует не знание, а мнение. Иначе говоря, *то, что* обозначает факт, который можно воспринимать тем или иным способом, но его существование не подвергается сомнению (например, *Я знаю то, что меня обманули*), а в нефактивных контекстах невозможно (**Я думаю то, что меня обманули*). Сходный анализ, хотя и в других (более формальных) терминах предлагается и в работе [Кобозева 2011].

Стоит отметить и вывод, полученный в новейшей работе М.Ю. Князева [Князев 2009] (правда, в ней исследуются другие типы сентенциальных актантов, а именно, придаточные с *чтобы* и *то, чтобы*). Автор считает, что вариант *то, чтобы* (но не *чтобы*) обязательно использовать в том случае, когда семантика глагола однозначно не указывает на семантическую роль актанта, выраженного придаточным. При этом первостепенную важность приобретает выбор модели управления, который очевиден при употреблении *то, чтобы*, содержащего изменяемую по падежам единицу. Этот вывод, безусловно убедительный, достигнут исключительно на материале структур, где *то, чтобы* занимает позицию дополнения.

Мы не оспариваем выводы данных работ, но хотели бы сосредоточиться на противопоставлениях другого рода, где придаточные с *что* и *то, что* занимают позицию подлежащего переходного глагола. Ср., например:

- (129) *Меня удивило, что у него дома нет книг по лингвистике;*
(130) *Мне было известно, что у него дома нет книг по лингвистике;*
(131) **Работу затрудняло, что у него дома нет книг по лингвистике;*
(132) *Работу затрудняло то, что у него дома нет книг по лингвистике*²².

Очевидно, что предложенного И. Микаэлян и Анной А. Зализняк противопоставления фактивных и нефактивных контекстов для анализа этих примеров недостаточно. Во всех случаях сентенциальный актант обозначает именно факт: предложения (129) и (130), так же как и (132), обязательно требуют, чтобы ситуация 'у него дома нет книг по лингвистике' действительно имела место – иначе они становятся бессмысленными. Неочевидно и то, насколько действует для данных случаев параметр, предложенный М.Ю. Князевым. Семантическая роль подлежащего задана однозначно для всех предикатов в примерах (129)–(132), тем самым непонятно, почему именно при глаголе *затруднять* обязательно употребление *то, что*.

Более обоснованно считать, что ключевым признаком, отличающим (131)–(132) от (129) и (130), является семантическая роль подлежащего. В первых двух примерах подлежащее имеет, соответственно, роль Стимула эмоции и Содержания знания (прямое дополнение же имеет роль Экспериенцера). Напротив, в (131)–(132) роль подлежащего – Каузатор или Причина: ментального предиката в этом примере нет.

Хотя по классификации, предложенной Хаспельматом [Haspelmath 2001], русский язык относится к классу **reference-oriented** (способ выражения актанта лишь косвенно зависит от его семантической роли), противопоставление (129), (130) vs. (131), (132) не случайно. Каузатор является более прототипическим подлежащим, чем Стимул эмоции, – в частности, потому, что находится ближе к прототипу Агенса (Каузатор так или иначе меняет положение дел, а в [Dowty 1991] это считается одним из свойств прототипического Агенса). Стимул может не влиять на ситуацию напрямую, поскольку эмоции Экспериенцера в большой мере зависят от него самого, а не только от Стимула.

Этот весьма локальный факт показывает, тем не менее, одну важную вещь. Ранее мы видели, что по многим критериям (возможности номинализации, расположению в предложении и т. д.) сентенциальные актанты с *то, что* отличаются от аналогов с *что* и инфинитивом и похожи на именные группы. Предложения (129)–(132) доказывают, что эти синтаксические факты коррелируют с некоторыми семантическими особенностями сентенциальных зависимых. В тех случаях, когда их семантическая роль различается, более прототипическое подлежащее оформляется именно с помощью союза *то, что*.

²² Весьма важно замечание анонимного рецензента, который указывает, что для глагола *мешать* оформление СА. союзом *что* возможно (*Мне мешало, что Петя врубил громкую музыку*). Мы считаем, что данный глагол имеет два употребления: одно из них значит 'доставлять дискомфорт' – подлежащее является Стимулом, и оформление с помощью *что* возможно. Второе означает 'создавать помехи каким-л. действиям', подлежащее является Каузатором и не может выражаться с помощью *что* (*Рассматривать правление Медведева как успешное мешает то, что / *что он так и не победил коррупцию*).

8. НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

В языках мира синтаксические дополнения также ведут себя по-разному с точки зрения актантного статуса, причем варьирование наблюдается и между языками, и внутри одного языка. Приведем здесь только два примера.

В частности, в азербайджанском языке синтаксическое дополнение с союзом *ki* 'что' при каузативизации проявляет свойства прямого дополнения. Исходное подлежащее получает дативное маркирование:

Азербайджанский (тюркский), данные полевой работы:

- (133) O biza / *bizi bil-dir-ir ki sabah qedaǰǰ-k
 он.NOM мы.DAT мы.ACC знать-CAUS-PRS что завтра уезжать-FUT
 'Он дает нам знать, что завтра уезжает';
- (134) O menə / *mənı eşit-ir-ir ki yaxşı arar
 он.NOM я.DAT я.ACC слышать-CAUS-PRS что хорошо вести.IMV
 'Он мне говорит (заставляет слышать), мол, веди себя хорошо'.

Азербайджанский язык, как и все тюркские, в большинстве случаев соблюдает при маркировании актантов каузативной конструкции правило, сформулированное в [Comrie 1976: 223]: при образовании каузатива подлежащее исходного глагола занимает наивысшую свободную позицию в иерархии DO (прямое дополнение) > IO (непрямое дополнение) > Obl (косвенное дополнение). Следовательно, в (133) и (134) позиция прямого дополнения считается занятой, и занимать ее может только синтаксический актант, который, вероятно, в этом смысле рассматривается языком как прямое дополнение. Во всяком случае, тот факт, что глагол управляет синтаксическим актантом, не считается достаточно веским основанием для того, чтобы кодировать каузативом, как при переходном глаголе.

Ситуация в адыгейском языке абхазо-адыгской группы более сложная. В адыгейском, где наблюдается полиперсонное согласование, в нем участвуют и синтаксические актанты (см. детальное описание адыгейских конструкций с СА в [Сердобольская, Мотлохов 2009]). Иначе говоря, глаголы типа *ʔ^wep* 'сказать', дополнением при которых является синтаксический актант, ведут себя как переходные. В (135) префикс *ə*- обозначает агенс (Хаткоко), а синтаксический актант кодируется нулевым префиксом абсолютива.

Адыгейский (абхазо-адыгский):

- (135) ʔə hazərə-n faje Ø-ə-ʔ^w-av hatq^weq^we-m.
 мужчина готовится-POT надо 3SG.ABS-3SG.A-сказать-PST Хаткоко-ERG
 'Мужчине надо подготовиться, – сказал Хаткоко'.

Однако другая группа глаголов – например, *wəpǰən* 'спросить' – имеет синтаксические актанты, которые не учитываются при согласовании глагола:

- (136) baǰe-r Ø-je-wəpǰə-v səd-a p-ʔ^we-re-r
 лиса-ABS 3SG.ABS-DAT-спросить-PST что-FOC 3SG.A-говорить-DYN-ABS
 'Лиса (его) спросила: «Что ты говоришь?»'.

(См. анализ различных типов синтаксических актантов и их распределения в [Сердобольская, Мотлохов 2009].)

В примере (136) глагол 'спросить' выступает как переходный с подлежащим и прямым дополнением²³, а синтаксический актант вообще не отражается в согласовании. Тем самым в адыгейском участники ситуации, которые в других языках выражаются синтаксическими актантами, не всегда являются синтаксическими актантами.

²³ Это ясно из того, что слово *baǰe* 'лиса' маркировано абсолютивом. Агенс переходных глаголов должен получать показатель косвенного падежа (в традиционной терминологии – эргатива) *-m*, как в слове *hatq^weq^we-m* 'Хаткоко' в примере (120).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в статье были сопоставлены свойства именных и сентенциальных актантов. Мы ставили два основных вопроса: во-первых, можно ли говорить, что сентенциальные актанты являются актантами в полном смысле слова, во-вторых, и в главных, если да, то проявляют ли они те же свойства, что и конкретные типы именных членов предложения актантов (подлежащее, дополнение, актант предикатива).

На первый вопрос можно ответить утвердительно. Во всяком случае, по нашим данным, никакие актантные свойства не отличают сентенциальные актанты от именных. Например, критерий шлюзования ведет себя с сентенциальными зависимыми по-разному и делит их на актанты и сирконстанты. Различие проходит не по формальному типу актанта, а по типу глагола.

Второй вопрос, как оказывается, сложнее, и однозначно определить синтаксическую позицию сентенциального актанта, сопоставив СА с именными подлежащими и дополнениями, затруднительно. Оказывается, что многие свойства, которые считаются характерными для подлежащих, на самом деле есть только или преимущественно у именных подлежащих, и то же верно для именных прямых дополнений и актантов в конструкциях с прилагательными и связкой. Например, переход в актант номинализации в родительном падеже характерен, прежде всего, для именных подлежащих и актантов предикативов.

Часть различий может быть связана с отсутствием у сентенциальных актантов с показателем *что* падежного словоизменения. Например, именно поэтому, вероятно, не прямое дополнение такого типа с трудом может быть ответом на вопрос со словом *что*.

При этом актанты с *то, что*, в свою очередь (хотя и слабо) отличаются по свойствам от именных групп. Например, при некоторых отглагольных именах типа *раскрытие* (126) ни актанты с *что*, ни актанты с *то, что* не возможны.

Однако существенно, что не все различия между ИГ и сентенциальными актантами сводятся к противопоставлению аргументов, выражающих падеж и не выражающих его. В частности, поведение сентенциальных актантов при номинализации не сводится к особенностям категории падежа. Как было показано в части 6, некоторые номинализации (*необходимость, понимание*) способны присоединять СА с союзом *что*, а некоторые (*важность, выяснение*) к этому не способны. Поскольку в данном случае не наблюдается полного запрета на номинализацию, вряд ли причина в отсутствии категории падежа. Скорее, речь идет о том, что актанты с *что* в меньшей мере демонстрируют актантные свойства, чем актанты с *то, что* и тем более именные группы.

Аналогичный случай представляет собой пассивизация. Ни один из типов сентенциальных актантов ее не запрещает, однако все тяготеют к статальному пассиву или пассиву с невыраженным агенсом. Естественно предположить, что в основе этого различия между СА и ИГ лежит не отсутствие падежа у некоторых типов СА, а их отличия от прототипа подлежащего.

Наконец, пожалуй, наиболее показательна ситуация с актантами предикативов в конструкциях с полувспомогательными глаголами (см. части 2.2 и 3.1). И СА с *что*, и СА с инфинитивными формами и (хотя в меньшей мере) СА с *то, что* ведут себя в данном случае не так, как ИГ. Учитывая то, что в сфере предикативов надежных тестов на подлежащность не существует, неудивительно, что различия в поведении СА и ИГ заставляют многих исследователей считать предикативы отдельной частью речи.

Ответ на вопрос, поставленный в начале – «являются ли сентенциальные актанты подлежащими, дополнениями, в том же смысле, в котором ими являются именные группы», – положительным быть не может. Однако, как мы говорили выше, сентенциальные актанты не являются и неканоническими подлежащими, дополнениями и т. д., в том же смысле, как, например, группа *меня* в предложении *меня тошнит*. Скорее, следует

говорить о том, что СА – это заменители актантов, которые не демонстрируют в полной мере характерных для актантов синтаксических отношений (S, DO, IO).

И в этом смысле сентенциальные актанты не уникальны. Точно так же аналогами «настоящих» актантов в языках мира бывают, например, местоимения, часто демонстрирующие синтаксические отличия от актантов-ИГ (например, способность выступать в винительном падеже при глаголах, обычно не управляющих прямыми дополнениями) – в частности, К. Чвани [Chvany 1996] обсуждает класс глаголов типа *мочь* (slightly transitive verbs), при которых дополнениями могут быть только сентенциальные актанты и местоимения (*Он может приехать, Он это может*), но не именными группами (**Он может уроки, *Он может приезд*). Аналогичными свойствами, видимо, обладают дополнения с обозначениями меры типа *капля, немножко*, которые выступают в роли прямого дополнения при глаголах *капнуть, подлить* и т. д. (ср. *подлей мне немного вина*), при том что прямые объекты-ИГ для тех же глаголов нехарактерны (ср. **подлей мне вино*, в отличие от *подлей мне вина* с дополнением в родительном падеже).

Подводя итоги, нужно сказать, что теоретически может существовать два варианта – либо приписать всем сентенциальным актантам один и тот же промежуточный статус, либо считать, что актант предикатива, подлежащее и прямое дополнение, выраженные пропозицией, все же имеют различный синтаксический статус. И очевидно, что выбрать нужно второй вариант. Так, сентенциальное прямое дополнение способно к пассивизации (хотя иначе, чем именное), а сентенциальное подлежащее способно становиться компонентом конструкций с дативным участником. Сентенциальные актанты представляют собой своего рода «серую зону», внутри которой выделяются подлежащие, прямые дополнения и др., но все они отличаются от канонических представителей тех же классов. Дополнения типа *вина* (*Подлей мне (каплю) вина*) и местоимений при глаголе *мочь* также являются представителями этой зоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1969 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1969.
- Белошапкина 1977 – В.А. *Белошапкина*. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
- Бонч-Осмоловская 2003 – А.А. *Бонч-Осмоловская*. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Буланин 1976 – Л.Л. *Буланин*. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
- Валгина 2000 – Н.С. *Валгина*. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
- Гвоздев 1973 – А.Н. *Гвоздев*. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1973.
- Анна Зализняк, Микаэлян 1988 – Анна А. *Зализняк*, И.Л. *Микаэлян*. Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988.
- Князев 2007 – Ю.П. *Князев*. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Князев 2009 – М.Ю. *Князев*. Предикатные актанты с местоимением *то* в русском языке: грамматические особенности и особенности употребления. Дипломная работа. СПб., 2009.
- Кобозева 2011 – И.М. *Кобозева*. Условия употребления *то* перед придаточным изъяснительным. Материалы докл. на конф. «Диалог-2011». М., 2011.
- Козинский 1983 – И.Ш. *Козинский*. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
- КПА 1983 В.С. *Храковский* (ред.). Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
- Кузнецова 2011 – Ю.Л. *Кузнецова*. Русская конструкция с предлогом *по* и проблема неаккузативности // Е.В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2011.
- Лютикова 2002 – Е.А. *Лютикова*. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.

- Недялков 1979 – В.П. Недялков. Заметки по типологии двупредикатных конструкций. Опыт исчисления // Значение и смысл речевых образований (межвузовский тематический сборник). Калинин, 1979.
- Недялков 1981 – В.П. Недялков. О типологии конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Материалы Всесоюзной конф. «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л., 1981.
- Онипенко, Никитина 2012 – Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина. Одушевленность в русском языке. Рукопись, 2012.
- Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в науч. освещении. 2001. № 1.
- Пазельская 2005 – А.Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Плунгян, Рахилина 1998 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика 36. М., 1998.
- Сай 2011 – С.С. Сай. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции? // Материалы и тезисы докладов Международной конф., посвящ. 50-летию Санкт-петербургской типологической школы. СПб., 2011.
- Сердобольская 2005 – Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Сердобольская (в печати) – Н.А. Сердобольская. Оформление именных и сентенциальных актантов в адыгейском языке: семантический сдвиг в значении падежных показателей (в печати).
- Сердобольская, Мотлохов 2009 – Н.В. Сердобольская, А.В. Мотлохов. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Я.Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.
- Слюсарь 2008 – Н.А. Слюсарь. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М., 2008.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТКПА 1985 — В.С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Убрятова, Литвин (ред.) 1986 – Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин (ред.). Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках различных систем. Новосибирск, 1986.
- Циммерлинг 2003 – А.В. Циммерлинг. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
- Черемисина 1980 – М.И. Черемисина. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // М.И. Черемисина (ред.). Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков). Новосибирск, 1980.
- Русская грамматика 1980 – Н.Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М., 1980.
- Янко-Триницкая 1962 – Н.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Babyonyshev 1996 – М.А. Babyonyshev. Structural connections in syntax and processing: studies in Russian and Japanese. Ph.D. dissertation, MIT. Cambridge (MA), 1996.
- Dixon et al. 2001 – R.M.V. Dixon, A. Aikhenvald, M. Onishi. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Andrews 2001 – A.D. Andrews. Non-canonical A/S marking in Icelandic // A. Aikhenvald, R.M.V. Dixon, M. Onishi. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Chvany 1996 – C.V. Chvany. A continuum of lexical transitivity: slightly-transitive verbs? // C.V. Chvany. Selected essays. Columbus, 1996.
- Comrie 1976 – B. Comrie. The syntax of causative constructions: cross language similarities and divergences // M. Shibatani (ed.). Syntax and semantics. V. 6. The grammar of causative constructions. New York, 1976.
- Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. V. 67. № 3.
- Gerritsen 1990 – N. Gerritsen. Russian reflexive verbs: in search of unity in diversity. Amsterdam; Atlanta, 1990.
- Givón 1980 – T. Givón. The binding hierarchy and the typology of complements // Studies in language. 1980. V. 4. № 3.
- Glushan 2009 – Zh. Glushan. On the role of experiencer in the interaction of aspect and unaccusativity in Russian // FDSL 8. Potsdam, 2009.
- Guiraud-Weber 1984 – M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.

- Haspelmath 2001 – *M. Haspelmath*. Non-canonical marking of core arguments in european languages // A. Aikhenvald, R.M.V. Dixon, M. Onishi (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Hawkins 1990 – *J.A. Hawkins*. A parsing theory of word order universals // *LIn*. 1990. 21 (199).
- Li, Thompson 1976 – *Ch.N. Li, Ch. Thompson*. Subject and topic: a new typology of language // Ch.N. Li (ed.). Subject and topic. London; New York, 1976.
- Munro 1982 – *P. Munro*. On the transitivity of 'say' verbs // P. Hopper, S. Thompson (eds.). Syntax and semantics. V. 15. New York, 1982.
- Noonan 1985 – *M. Noonan*. Complementation // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. III. Complex constructions. Cambridge, 1985.
- Pesetsky 1992 – *D. Pesetsky*. Zero Syntax. V. 2 // <http://mit.edu/linguistics/www/bibliography/pesetsky.html>
- Ransom 1986 – *E.N. Ransom*. Complementation: Its meanings and forms. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Ross 1967 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax. PhD diss. Massachusetts, 1967.
- Stowell 1982 – *T. Stowell*. The tense of infinitives // *LIn*. 1982. 13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В АДЫГЕЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПРИМЕРАХ

3 – третье лицо	ERG – эргатив (падеж)
ABS – абсолютив (падеж), показатель абсолютивного актанта в глаголе	FOC – показатель фокуса
ACC – винительный падеж	FUT – будущее время
CAUS – каузатив	IMV – императив
DAT – показатель непрямого дополнения в глаголе (адыгейский), дательный падеж (азербайджанский)	POT – потенциальная форма
DYN – показатель динамического глагола	PRS – настоящее время
	PST – прошедшее время
	SG – единственное число

Сведения об авторе:

Александр Борисович Летучий
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
alexander.letuchiy@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2012 г. Е.В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

**РУКОПИСНЫЙ АРХИВ Е.Н. БАСКАКОВОЙ 1936 г.
(тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка)***

В статье представлена информация о хранящихся в «Кунсткамере» архивных материалах по самаргинскому диалекту удэгейского языка, собранных в 1936 г. Е.Н. Баскаковой. Дается описание этого архива, рассказывается о судьбе исследовательницы.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, удэгейский язык, самаргинский диалект, архивные материалы, Баскакова, репрессированные лингвисты.

The article provides information about the archival materials on the Samarga dialect of Udihe. These data were collected in the 1936 by E.N. Baskakova who was arrested during repressions of the 1930s. A description of the archive is given, the current state of the work on the archives is presented.

Keywords: Tungus-Manchurian languages, Udihe, Samarga dialect, archival materials, Baskakova, repressed linguists.

О том, что в архиве Музея антропологии и этнологии «Кунсткамера» хранится архив Е.Н. Баскаковой, содержащий материалы на удэгейском языке, было известно давно. Однако исследователи не спешили к ним обращаться, поскольку эти материалы представляли собой рукописные тетради, где тексты на удэгейском языке были записаны без дальнейшей обработки и без перевода на русский язык.

Судя по книге записей, этот архив запрашивался всего три раза, причем два запроса были сделаны М.Д. Симоновым¹.

Благодаря любезному разрешению дирекции «Кунсткамеры», мне удалось не только ознакомиться с архивом, но и скопировать его.

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» («Корпуса языков Дальнего Востока»).

¹ Михаил Дмитриевич Симонов, видный тунгусо-маньчжуровед, специалист по эвенкийскому и удэгейскому языкам, был учеником В.И. Аврорина. Он выпускник той уникальной группы Новосибирского университета, которая под руководством Аврорина специализировалась на изучении тунгусо-маньчжурских языков. Другими выпускниками этой группы были А. Певнов, М. Хасанова, Л. Горелова. М. Симонов работал в СО АН СССР в Новосибирске. Он был одним из основных составителей сборника удэгейского фольклора [Фольклор удэгейцев 1998], в соавторстве с В.Т. Кялундзюга написал Словарь удэгейского языка в 3 томах, чрезвычайно богатый по содержанию. Словарь удалось издать в Польше ([Симонов, Кялундзюга 1998] издатель А. Маевич, Стеншев). На титульном листе словарь обозначен как «препринт», по-видимому, авторы считали работу незавершенной. То, что словарь увидел свет, является большой удачей, поскольку М. Симонов внезапно скончался в 2000 г., не дожив до 53 лет.

Архив состоит из пяти тетрадей общим листажом более 600 страниц, содержащих 71 текст на удэгейском языке. Текст написан через строчку. По-видимому, предполагалась дальнейшая обработка материалов, и было оставлено место для перевода. В первых тетрадях заполнялась только правая сторона разворота, в двух последних тетрадях, как правило, заполнены обе стороны.

Писала Баскакова карандашом, что было совершенно правильно, поскольку чернила расплываются при попадании на рукопись воды. В тетрадях видно, как постепенно карандаш тупится, линия становится слишком толстой, затем карандаш затачивается, и начертание букв снова становится тонким и отчетливым.

Учитывая, что тексты записывались в полевых условиях под диктовку, почерк исследовательницы можно считать чрезвычайно аккуратным и разборчивым (см. Приложение 1). При этом комментарии, которые Баскакова делала для себя, написаны скорописью, которую не всегда легко разобрать. Такое внимание к почерку – характерная черта эпохи, когда не было не только компьютеров, но и широкого распространения машинописи.

Большинство текстов атрибутированы – во многих случаях указаны имена рассказчиков, а также дата записи. По этим датам можно установить, что тексты записывались с 24 августа по 6 октября 1936 г. Таким образом, Е.Н. Баскакова провела в экспедиции около двух месяцев.

Тексты были записаны у удэгейцев, живших по р. Самарга, главным образом в поселке Агзу. Этот поселок, относящийся сейчас к территории Тернейского района Приморского края, по сей день остается крайне труднодоступным. Туда по-прежнему нет автомобильной дороги из районного центра Терней, и единственным средством сообщения оказывается вертолет, который летает из Тернея один раз в неделю и только при наличии летной погоды. Можно представить, что в 1936 г. путешествие из Ленинграда в Агзу должно было занимать не одну неделю трудного пути – поезд на Дальний Восток шел около двух недель, дальше нужно было добраться до Тернея, видимо, по морю, затем до бывшего староверческого поселка Самарга, расположенного при впадении одноименной реки в Японское море. Последний этап – подъем на лодке вверх по Самарге, реке с довольно быстрым течением, который в те годы занимал несколько дней.

Поселок Агзу – место старого удэгейского стойбища – по названию речки Агза (совр. Агзинка), притока Самарги. Как и другие удэгейские постоянные стойбища, он расположен у впадения небольшого притока в большую реку. Таковы же стойбища по течению Бикина: Улунга, Тохоло, Олон, по течению Хора – поселок Гвасюги. Ко времени приезда Баскаковой большая часть самаргинских удэгейцев уже была сселена в Агзу, где была организована школа, имелся сельсовет. Самаргинские удэгейцы уже не были народом, ведущим традиционный образ жизни. В их жизни происходили социальные изменения, подобные описанным Джанси Кимонко для хорских удэгейцев [Кимонко 1972].

О личности Е.Н. Баскаковой нам неизвестно ничего. Мы даже не знаем, какое имя и отчество стоят за инициалами Е.Н.: Екатерина, Елена, Елизавета? Николаевна, Никитична? Пока поиски не дали результатов. Тем не менее кое-что о личности автора можно узнать, внимательно читая записи исследовательницы.

Во-первых, она отправилась в экспедицию, пройдя серьезную подготовку. Качество записей с точки зрения знания и понимания удэгейского языка можно оценить как очень высокое. Ясно, что исследовательница изучала удэгейский язык до начала экспедиции. Известно, что Е.Н. Баскакова была аспиранткой Е.Р. Шнейдера, создавшего первое грамматическое описание удэгейского языка, словарь и учебники. С 1932 г. Евгений Робертович преподавал удэгейский язык в Институте народов Севера, среди его студентов был и будущий удэгейский писатель Джанси Кимонко. Он помогал Шнейдеру в издании учебников и двух книг на удэгейском языке. Скорее всего, Баскакова изучала удэгейский язык под руководством Шней-

дера и при помощи студентов-удэгейцев. В противном случае она не могла бы записывать тексты на слух с тем высоким уровнем качества, который продемонстрирован в записях.

Е.Н. Баскакова была человеком образованным. По косвенным данным можно судить о том, что она знала по крайней мере два иностранных языка. На полях тетрадей, на оборотах листов попадаются сделанные ею комментарии. В одном случае употреблено слово *madame*, написанное в соответствии с французской орфографией с «E muet». Рядом с текстом № 9 во второй тетради стоит приписка на английском языке: *He was drunk* (текст, представляющий собой сказку, действительно очень сумбурный). Тут нужно учитывать, что знание английского языка для того времени было не совсем обычным. Эти данные говорят о том, что Баскакова получила хорошее филологическое образование.

Сама исследовательница не смогла обработать собранные ей материалы, поскольку сразу по возвращении из экспедиции она была арестована. По приведенному М.Д. Симоновым [Симонов, Кялундзюга 1998, 1] устному сообщению Е.И. Лебедевой, Е.Н. Баскакову арестовали прямо на вокзале. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Е.Р. Шнейдер же был арестован 2 ноября 1937 г., а 8 января 1938 г. расстрелян [Васильков, Сорокина 2003].

Установить личности информантов оказалось значительно проще, чем узнать что-то о самой исследовательнице. Жители поселка Агзу с легкостью определяли, кто скрывается за именами «рассказчиков»: Кампани, Пимка Аянка, Михаил Аянка, Сергей, мать Ивана Суляндзига и других. В поселке живут потомки этих людей, нам показывали дома, где жили некоторые из них. Сергей (Соги Самандига) впоследствии стал одним из основных информантов И.В. Кормушина. Некоторые тексты, опубликованные в [Кормушин 1998], почти дословно совпадают с текстами, записанными Е.Н. Баскаковой тридцатью годами ранее.

При записи удэгейских текстов Баскакова пользовалась орфографией на основе латинского алфавита, созданной Е.Р. Шнейдером. При создании письменности для удэгейского языка Шнейдер применил разработанный в конце 1920-х гг. унифицированный новый тюркский алфавит, который использовался для создания письменностей не только тюркских, но и иных языков народов СССР [Алпатов 2000]. Баскакова последовательно применяла алфавит Шнейдера и находилась под влиянием введенных им правил правописания для удэгейского языка. Это довольно очевидно при анализе разных вариантов написания одного и того же полнозначного слова или грамматического показателя. Некоторые из этих различий, как мне кажется, объясняются тем, что в одном случае Баскакова записывала словоформу на слух, а в других случаях ориентировалась на правописание, принятое в грамматическом очерке и словаре Шнейдера [Шнейдер 1936]. Так, например, формы претерита, по Шнейдеру, образуются при помощи суффикса $-hA^2-$: *olokto-* 'варить' – *olokto-ho-ni* 'варил, сварил'. В современных диалектах удэгейского языка формы претерита от основ на гласный образуются путем мены краткого гласного на долгий (бикинский, иманский, самаргинский диалекты) или долгий придыхательный (хорский диалект); подробнее см. [Перехвальская 2010]. В материалах Баскаковой мы находим два варианта записи форм претерита: *oloktoho-ni* и *olokto-ni*. Современные данные свидетельствуют в пользу второго варианта. Возможно, исследовательница записывала слова с оглядкой на принятое правописание, хотя могут быть и другие объяснения.

Е.Н. Баскакова записывала тексты, не разбивая их на предложения. Заглавные буквы используются редко, чаще при написании личных имен. В некоторых случаях имеются пометы: переводы слов или отдельных предложений, иногда общие замечания

² Здесь и далее заглавная А в записи морфем удэгейского языка обозначает гласный, подверженный изменению в соответствии с законами сингармонизма (по подъему).

по содержанию. Отсутствие деления текста на предложения значительно затрудняет его анализ. Возможно, именно поэтому М.Д. Симонов остановился на разборе двух первых текстов.

Тексты, собранные Е.Н. Баскаковой, не были лингвистически обработаны и переведены на русский язык: исследовательница не успела этого сделать. Поэтому данные тексты не были введены в научный оборот. Из архива Е.Н. Баскаковой опубликованы только два первых текста из первой тетради, которые, по всей видимости, были от руки переписаны М.Д. Симоновым и обработаны им совместно с В.Т. Кялундзюгой. Эти тексты вошли в состав сборника удэгейского фольклора, вышедшего в Новосибирске [Фольклор удэгейцев 1998: тексты 16 и 39]. Как оказалось, тексты из первой тетради наиболее сложны для обработки и интерпретации, поэтому М.Д. Симонов и В.Т. Кялундзюга, скорее всего, пришли к выводу, что разбор архива Е.Н. Баскаковой – дело весьма трудоемкое.

Собранные в 1936 г. тексты представляют огромный интерес для изучения истории тунгусо-маньчжурских языков и удэгейского языка в особенности.

Удэгейцы – один из самых малочисленных народов России. По данным переписи 2002 г. их насчитывалось 1 657 человек. В настоящее время по-удэгейски говорят несколько человек в трех поселках, местах компактного проживания этой этнической группы. Все компетентные носители этого языка принадлежат к самому старшему поколению (более 75 лет). Фактически собрать новые материалы по удэгейскому языку сейчас уже затруднительно, а скоро будет невозможно. Кроме того, отдельные диалекты удэгейского языка уже полностью утрачены, поскольку носителей этих диалектов не осталось.

Традиционно в удэгейском языке выделялись следующие диалектные группы: северная (хорский, анюйский, хунгарийский), южная (бикинский, иманский), самаргинско-коппинская и кур-урмийская. Диалекты изучены неравномерно. Со смертью в январе 2011 г. последнего компетентного носителя самаргинского диалекта Анатолия Ивановича Камандига (по прозвищу «Тарзан») этот диалект также оказался утраченным. Тем более важны «заново открытые» материалы Е.Н. Баскаковой: они представляют собой уникальные данные по плохо изученному самаргинскому диалекту, который приходится считать исчезнувшим.

Записанные Баскаковой тексты – это материалы, качество которых с лингвистической и культурологической точки зрения значительно превосходит качество материалов, которые могут быть собраны в настоящее время, поскольку информантами были полноценные носители родного языка, во взрослом возрасте заставшие традиционный уклад жизни удэгейцев.

Большую часть текстов составляют сказки, сюжеты многих из них известны по другим источникам [Шнейдер 1935; 1937; Кормушин 1998; Фольклор удэгейцев 1998; Nikolaeva et al. 2002; 2003; Kazama 2004]. Ряд текстов представляет собой предания о войнах (с гвасюгинскими удэгейцами, нанайцами, русскими, маньчжурами). Они в целом также являются традиционными нарративами, многие сюжеты которых известны [Шнейдер 1937: № 5, 6; Фольклор удэгейцев 1998]. Есть сказки с предположительно новыми сюжетами (№ 17, 23, 41). Некоторые длинные сказки, скорее всего, являются результатом совмещения нескольких сюжетов (№ 44, 51, 56) и отличаются внутренней нелогичностью. Тексты № 21 и 22 представляют собой записи песен. В текстах сказок попадаются также записи песенных вставок, хотя их удельный вес меньше, чем в записях других исследователей. В текстах № 31 и 50 рассказывается история удэгейских родов Камандига и Аянка соответственно; ср. [Шнейдер 1937: № 1–4]. По-видимому, Баскакова ориентировалась в первую очередь на запись прозаического материала. Текст № 61 оказался довольно точным пересказом сказки А.С. Пушкина о Царе Салтане. Это говорит о том, насколько быстрыми темпами шла «культурная революция» у удэгейцев, так как школа к осени 1936 г. работала не более нескольких лет, скорее всего года три-четыре.

В Приложении 2 приведен полный список текстов из тетрадей Е.Н. Баскаковой. Тексты расположены в том порядке, в котором были записаны. Некоторые были начаты в одной тетради, а закончены в другой. Судя по датам, записи в тетрадях велись хронологически. Однако третья тетрадь была начата раньше второй и, по-видимому, первоначально предназначалась для записи песен, но затем исследовательница начала записывать туда обычные тексты сказок. Пятая тетрадь также писалась одновременно с четвертой.

Работа над архивом Е.Н. Баскаковой началась летом 2011 г. после того, как тетради были ксерокопированы. В августе 2011 г. мы вместе с моей коллегой Марией Тольской, одним из авторов фундаментальной грамматики удэгейского языка [Nikolaeva, Tolskaya 2001] поехали в пос. Агзу, где когда-то записывала тексты Е.Н. Баскакова. В этом поселке сейчас проживает Татьяна Михайловна Двойнова, по-видимому, одна из самых компетентных носителей удэгейского языка. Сама Татьяна Михайловна родилась и выросла в Гвасюгах на реке Хор и не может считаться носителем самаргинского диалекта. Однако она много лет прожила в Агзу среди самаргинских удэгейцев, к тому же различия между диалектами удэгейского языка не столь велики и диалекты, безусловно, являются взаимопонятными.

Нашей целью было с помощью компетентного информанта по возможности разобрать и перевести тексты из архива Баскаковой. Эта работа происходила со 2 по 24 августа. Поскольку Т.М. Двойнова сама не могла читать записи Баскаковой, написанные латинскими буквами, мы читали тексты вслух – по фрагментам, которые нам казались соответствующими границам предложения. Перевод, замечания и другие пометы делались прямо на листах ксерокопии. Затем тексты набирались на компьютере по возможности с сохранением орфографии и особенностей записи рукописного оригинала. Затем эта запись перекодировалась в орфографию, принятую в грамматике удэгейского языка [Nikolaeva, Tolskaya 2001] с той лишь разницей, что долгие гласные обозначаются удвоенной буквой (в грамматике удэгейского языка они обозначаются знаком : после гласного <a:>; Баскакова вслед за Шнейдером обозначала их макроном <ā>).

В Приложении 3 приводится начало сказки «Летиге»; оригинал первой страницы этой сказки представлен в Приложении 1. Подобным образом пока обработана лишь небольшая часть текстов. Однако все тексты были прочитаны и разобраны с информантом. Это стало возможным, поскольку мы работали по очереди, в то время как Татьяна Михайловна стойко выносила по две долгие сессии работы ежедневно. Попутно у Т.М. Двойновой было сделано несколько аудио- и видеозаписей новых нарративов на удэгейском языке.

Работа над архивом Е.Н. Баскаковой будет продолжена.

Приложения

Приложение 1. Образец страницы из рукописного архива Е.Н. Баскаковой. Гетрадь I, стр. 11. Окончание сказки «Два молодца жили», начало сказки «Летиге».

zubom joxow gazim. Kanta mafa zultoni
 hezini gazim. Jazdiga yononi mamasafada
 man'asadu digalahani ebyow zgdims (15)
 wahan zuktigi yononi Kanta mafa
 sitoni Tinwani meawawani gazim
 hamundisji eucagim. Sagi joxow
 toxilosi nima bugimni. bugindagim
 bagalani pfandani agra tagim
 Anana. bisini bda osigimni qagazim
 yomudi. man'asalawogimni xingimni
 'aini man'asalatani. bisiti slotata.
 III 25/VIII aow man
 letige bagdihani aimula 'aini wacahani
 dogbo togo wacahanami ganchom dogbo omog
 ebyow wahan omagimni. pa kaisi timagan
 geawandu gubna waiktadu omag otoni. pa
 xari geawandu gulimni 'aini geawandu
 gulihisimni noda aziga omahoti letigawa
 fuktasihati dilibani zawasi juktarioti letige
 soxohoni bi agra omagimni uzohu
 kasalufi sozaho co amala co haxabot
 aziga omahoni slo letigawa jadu kasalimni
 'aini omagimni wuhu 'aini omagimni wuhu

Приложение 2. Список текстов из рукописного архива Е.Н. Баскаковой.

Тетрадь I

№	Рассказчик	Дата	Условное название	Комментарий	стр.
1.	Кампани Каза	24.08	Уза и брат: охота на лося	опубликован [Фольклор удэгейцев 1998: № 39]	2–4
2.	Сергей		Два молодца жили	опубликован [Фольклор удэгейцев 1998: № 16], ср. также 15 (вариант)	4–11
3.	мать Ивана Суляндзига	25.08	Летиге	ср. [Фольклор удэгейцев 1998: № 25; Nikolaeva et al. 2003: № 5; Kazama 2004: № 15]	11–19
4.	Кампани		Дангня кицо (сестра обманом выходит замуж за младшего брата)	см. [Кормушин 1998: № 32; Nikolaeva et al. 2003: № 9; Kazama 2004: № 28, 29]	19а–21 (4 стр.)
5.	Кампани		Девушка и сирота (отец не отпускает дочь замуж, она уплывает по реке)	ср.: «Боле и братья биату» [Фольклор удэгейцев 1998: № 7; Kazama 2004: № 14]	22–27
6.			Уза и пустой бат (Уза и его брат в плену)	ср. [Фольклор удэгейцев 1998: № 38]	25–27
7.	Кампани	27.08	Монголянго	ср. [Фольклор удэгейцев 1998: № 40]	28–38
8.	Дарья Камандига	30.08	В тайге гусеницы жили		39 (1 стр.)
9.	Кампани	30.08	Егдигэ с братишкой жили		40–46
10.		30.08	Две девушки жили	(начало, окончание тетр. II)	46–56

Тетрадь II

0.				Продолжение тетр. I	2–8
11.	Роман	05.09	Муж-невидимка (девушка живет одна)	ср.: «Болонго» [Фольклор удэгейцев 1998: № 21]	8–14
12.		08.09	Ворона и нерпа		14–19
13.	Роман	10.09	Уза мать убил, золу в штаны насыпал		19–32
14.	Сергей		Мышь и лягушка	см. [Кормушин 1998: № 16]	32–33
15.	Сергей		Мышь и лягушка-2	То же	33–34
16.	Сергей	10.09	Уза и киты	см. [Кормушин 1998: № 5]	35–45
17.	Сергей	17.09	Жена-лягушка (жена-лягушка все делает неправильно)	Варианты неизвестны	45–59

18.	Анна	18.09	Ворон и две девушки (ворон помогает девушкам, находит им мужей)	см. [Кормушин 1998: № 20; Фольклор удэгейцев 1998: № 23]	59–66
19.	Володька Каза	18.09	Кукушка		66–75
20.		18.09	Дзабдала (сын-уж)	Ср.: «Уж» [Фольклор удэгейцев 1998: № 24; Nikolaeva et al. 2002: № 12; 2003: № 12; Kazama 2004: № 26, 27]	75–93

Тетрадь III

21.	Михаил Аянка	31.08	Так жили (песня)		3–4
22.	Михаил Аянка		Жила птица (песня)		5–6
23.	Петр Иванович Кумандига	31.08	Братья-демиурги (двоюродные братья, сыновья медведя и тигра, создают вещи для людей)		7–13
24.	Марья		Дангня-кицо	вариант 4	13–38
25.	Кампани	04.09	Кукушка – младший брат	ср.: «Кукушка» [Фольклор удэгейцев 1998: № 8]	38–44
26.	Петр Иванович	05.09	Голова (у брата была одна голова – текст некачественный)		44–59
27.	Архип Камандига		Война с гвасюгинцами	предание	59–70
28.	Василий Самандига	15.09	Уза (Уза надевает одежду брата)		70–73
29.	Анна Самандига	16.09	Канда-мафа и мыши (старик питается мышами)		74–75
30.	Анна	16.09	Уза	вариант 6 (краткий)	75–77
31.	Семен Каминдига Косатый	17.09	История рода Каминдига	предание	78–78а
32.	Семен		Ссора с гвасюгинцами	предание	78а–83
33.			Дочь старика Канды	вариант 5	83–89
34.	Пимка Аянка		Младший брат и старшая сестра	Дангня-кицо, вариант, близкий к основному (начало, продолжение тетр. IV)	90–100

Тетрадь IV

35.	Михаил	19.09	Сэлэмэгэ	ср. [Шнейдер 1935]	7–14а (16 стр.)
36.	Михаил		Егдигэ и лиса	см. [Кормушин 1998: № 30]	14а–19 (10 стр.)
37.	Михаил	20.09	Муж-ворона	[Kazama 2004: № 6]	19–23 (9 стр.)
38.	Сэндзули	22.09	Как русские и удэ-гейцы воевали	предание	23–24 (2 стр.)
39.	Сэндзули		Как нанайцы и удэгейцы воевали	предание	24–28а (9 стр.)
40.	Сэндзули	22.09	Богатый и бедный	притча	28а–29 (2 стр.)
41.			Как медвежата стали людьми		29–30а (4 стр.)
42.			Война с нанайскими купцами	предание	30а–37 (14 стр.)
43.	Сэндзули	23.09	Про маньчжуров	предание	37–59 (5 стр.)
44.		23.09	Загадки птиц	см. [Kazama 2004: № 9]	39а–57 (36 стр.)
45.	Сэндзули		Волшебный огонь		57–60а (7 стр.)
46.	Коля Камандига	27.09	Чайка и царь		60а–65 (9 стр.)
47.	Сергей	27.09	Уза на том свете		65–71 (13 стр.)
48.	Сергей		Уза и «деревянные игрушки»	ср. [Nikolaeva et al. 2003: № 14]	71а–73а (4 стр.)
49.	Василий Самандига		Уза (Уза убивает мать)		73а–80а (15 стр.)
50.	Михаил Аянка		История рода Аянка	предание	80а–82 (3 стр.)
51.	Роман		Бабушка и птицы		82–93 (22 стр.)
52.	П. Аянка	06.10	Семь людоедов	см. [Кормушин 1998: № 7; Kazama 2004: № 3]	93–97 (9 стр.)
0	Василий Самандига		Сестры (идут искать мужа, старшая сестра убивает младшую)	(начало тетр. V) См. [Kazama 2004: № 22]	97а–99а (4 стр.)

Тетрадь V

53.	Василий Самандига	19.09	Медведь и заяц (заяц-трикстер)		2–7 (5 стр.)
54.	Сергей		Уза и старуха Уэй	см. [Шнейдер 1937: № 15]	7–9а (6 стр.)
55.	Савелий	24.09	Ворона и Выдра	см. [Кормушин 1998: № 17; Фольклор удэгейцев 1998]	10–10а (2 стр.)
56.	Савелий	24.09	В поисках мужа		10а–24 (26 стр.)
57.	П. Аянка	25.09	Сильный егдигэ	см. [Фольклор удэгейцев 1998: № 14; Nikolaeva et al. 2003: № 4]	24–31 (14 стр.)
58.	П. Аянка		Девушка и горбатый	см. [Кормушин 1998: № 34]	31–35 (9 стр.)
59.	П. Аянка		Лягушка и сохатый	ср. [Nikolaeva et al. 2003: № 15]	35–37 (5 стр.)
60.	П. Аянка		Кабарга (муж-кабарга)		37–40а (7 стр.)
61.			Царь-салтан	Пересказ сказки Пушкина	40а–43а (6 стр.)
62.	Савелий		Чудесный всадник (соединение нескольких сюжетов)	мотивы: «Палам Паду» [Фольклор удэгейцев 1998: № 36]	43а–53а (20 стр.)
63.	П. Аянка		Семь девушек за морем	см.: «Килае» [Фольклор удэгейцев 1998: № 29; Кормушин 1998: № 45]	54а–64
64.			Сын-рыба		64–70 (12 стр.)
65.	Сергей	28.09	Дзандалафу	см. [Кормушин 1998: № 1; Фольклор удэгейцев 1998: № 41]	70–74 (8 стр.)
66.	Сергей	28.09	Ворона и выдра	вариант (см. 55)	74–75 (2 стр.)
67.	П. Аянка	28.09	Биату (сестра выходит замуж за медведя)	см. [Кормушин 1998: № 19; Фольклор удэгейцев 1998: № 6]	75а–85 (19 стр.)
68.	Василий Самандига		Дурная жена		85–90а (12 стр.)
69.	Василий Самандига		Голова (девушки находят живую голову)		91–95а (10 стр.)
70.	Василий Самандига		Сестры	(окончание тетр. IV)	95а–97 (4 стр.)
71.			фрагмент		54 (1 стр.)

Приложение 3. Обработка текста № 3 из Тетради I. Сказка «Летиге».

Текст обработан при помощи программы Toolbox (автор удэгейского проекта в базе данных, вспомогательного словаря и глосс – Е.В. Перехвальская).

Первая строка: текст в записи Е.Н. Баскаковой;

Вторая строка: текст в современной орфографии, принятой в «Грамматике удэгейского языка» [Nikolaeva, Tolskaya 2001], модифицированной для программы Toolbox;

Третья строка: поморфемная разбивка;

Четвертая строка: глоссы на английском языке;

Пятая строка: глоссы на русском языке;

Шестая строка: частеречная принадлежность каждой из морфем;

Седьмая строка: перевод текста на русский и английский языки.

Baskakova I.3.001

lǝtigǝ bagdiheani aimulǝ

Leetige bagdiheni 'aimule.

Leetige	bagdi-hA-ni	ai-mula
Letige	live-PST-3SG	elder.brother-ASS
Летиге	жить-PST-3SG	старший.брат-ASS
n	v-TAM1-pers	n-pl

Жила Летиге со старшим братом. Letige lived with her elder brother.

Baskakova I.3.002

'aini wakcahani dogbo tǝgǝ wakcanami ŋǝnǝhǝni dogbo ǝmǝgǝ

'aini wakcahani: dogbo-tene wakcanami ŋeneheni dogbo emege.

ai-ni	wakca-hA-ni:	dogbo-tAnA	wakca-nA-mi
elder.brother-3SG	hunt-PST-3SG:	at.night-CONTR	hunt-GO-GER
старший.брат-3SG	охотиться-PST-3SG:	ночью-CONTR	охотиться-GO-GER
n-pers	v-TAM1-pers:	adv-part	v-Vmrph-conv
ŋene-hA-ni	dogbo	eme-gA	
go-PST-3SG	at.night	come-PRF	
идти-PST-3SG	ночью	прийти-PRF	
v-TAM1-pers	adv	v-TAM2	

Старший брат ее охотился: ночью на охоту уходил, ночью же возвращался. Her elder brother used to hunt: he went away to hunt in the night and returned in the day.

Baskakova I.3.003

ogbyǝwǝ wahasi ǝmǝgihǝni

Ogbüöwe wahasi emegiheni.

ogböö-wA	waahA-si	eme-gi-hA-ni
moose-ACC	kill-PP-PC.SS	come-REV-PST-3SG
лось-ACC	убить-PP-PC.SS	прийти-REV-PST-3SG
n-case1	v-pp-conv	v-Vpl-TAM1-pers

Лося добыв, возвращался. He returned having killed a moose.

Baskakova I.3.004

ña xaisi timañanini geawandu gulinə waiktadu əməgə ðhoni.
ña xaisi timana neñi geāwandu guline waiktadu emege oohoni.

ña	xaisi	timana	neñi	geāwa-du	guline	waiktadu
again	too	next.day	day	dawn-DAT	set.off	star-DAT
ещё	также	завтра	день	рассвет-DAT	отправляться	звезда-DAT
adv	adv	adv	n	n-case	v	n-case

eme-gA	oo-hA-ni
come-PRF	make-PST-3SG
прийти-PRF	делать-PST-3SG
v-Vmṛp	v-TAM1-pers

А на следующий день снова на рассвете отправлялся, со звездами только возвращался.
He set away again next day at dawn and returned only when stars appeared.

Baskakova I.3.005

Ña xaisi geawandu gulinəni
Ña xaisi geāwandu gulineni.

ña	xaisi	geāwa-du	guline-ni
again	too	dawn-DAT	set.off-3SG
ещё	также	рассвет-DAT	отправляться-3SG
adv	adv	n-case	v-pers

Снова на рассвете отправлялся. Then he set away at dawn.

Baskakova I.3.006

aini geawandu gulinijsini nada aziga əməhəti.
'aini geāwandu gulineisini nada aziga emeheti.

ai-ni	geāwa-du	guline-isi-ni	nada	aziga
elder.brother-3SG	dawn-DAT	set.off-PC.DS-3SG	seven	girl
старший.брат-3SG	рассвет-DAT	отправляться-PC.DS-3SG	семь	девочка
n-pers	n-case	v-conv-pers	num	n

eme-hA-ti
come-PST-3PL
прийти-PST-3PL
v-TAM1-pers

Когда старший брат на рассвете ушел, пришли семь девушек. After the brother went away at dawn seven girls came.

Baskakova I.3.007

lətigəwə guktasihati dilibani zaw'asi juktasiəti
Leetigewe juktasihati, diliwani zawa'asi juktasiəti.

Leetige-wA	juktasi-hA-ti	dili-wA-ni	zawa-'A-si	juktasi-hA-ti
Letige-ACC	carry-PST-3PL	head-ACC-3SG	take-PRF-PC.SS	carry-PST-3PL
Летиге-ACC	тащить-PST-3PL	голова-ACC-3SG	брать-PRF-PC.SS	тащить-PST-3PL
n-case1	v-TAM1-pers	n-case1-pers	v-Vmṛph1-conv	v-TAM1-pers

Летиге таскали, за волосы (голову) схватив, таскали. They pulled Letige by the hair.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2000 – *В.М. Алпатов*. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
- Васильков, Сорокина 2003 – *Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина*. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
- Кимонко 1972 – *Дж. Кимонко*. Там, где бежит Сукпай. Хабаровск, 1972.
- Кормушин 1998 – *И.В. Кормушин*. Удыхейский язык. М., 1998.
- Перехвальская 2010 – *Е.В. Перехвальская*. Аспирированные и глоттализированные гласные в диалектах удэгейского языка // ВЯ. 2010. № 6.
- Симонов 1988 – *М.Д. Симонов*. Фонологическая система удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988.
- Симонов, Кялундзюга 1998 – *М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга*. Словарь удэгейского языка: В 3 т. Стеншев, 1998.
- Фольклор удэгейцев 1998 – *Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, сэхэ*. Новосибирск, 1998.
- Шнейдер 1935 – *Е.Р. Шнейдер*. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л., 1935.
- Шнейдер 1936 – *Е.Р. Шнейдер*. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л., 1936.
- Шнейдер 1937 – *Е.Р. Шнейдер*. Материалы по языку анюйских удэ // Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смидовича. Вып. 11. М.; Л., 1937.
- Kazama 2004 – *Sh. Kazama*. Udihe texts // Publications on Tungus languages and cultures. 24. Hokkaido, 2004.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 – *I. Nikolaeva, M. Tolskaya*. A grammar of Udihe. Berlin; New York, 2001.
- Nikolaeva et al. 2002 – *I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya*. Udeghe (Udihe) folk tales // Tunguso-sibirica. 2002. 10.
- Nikolaeva et al. 2003 – *I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya*. Udeghe (Udihe) texts // Endangered languages of the Pacific Rim. Kyoto, 2003.

Сведения об авторе:

Елена Всеволодовна Перехвальская
Институт лингвистических исследований РАН
elenap96@yandex.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2012 г. А. БЕРДИЧЕВСКИЙ

ЯЗЫКОВАЯ СЛОЖНОСТЬ (LANGUAGE COMPLEXITY)

В обзоре рассматриваются зарубежные работы последних лет, посвященные описанию и теоретическому осмыслению параметра «языковой сложности» (language complexity). Несмотря на разнообразие подходов и результатов, можно выделить три основных вывода, которые подтверждаются большинством исследований. Во-первых, распространенное представление о том, что все языки одинаково сложны, неверно. Более того, можно не только ранжировать языки по сложности, но и пытаться измерить сложность языка – или, по крайней мере, фрагмента языка – количественно. Наконец, такие измерения, а также некоторые качественные исследования показывают, что сложность языка зависит от социальных параметров. Так, достаточно убедительно продемонстрирована и объяснена отрицательная корреляция сложности с размером общества и интенсивностью контактов с носителями других языков, а также положительная корреляция с теснотой социальных сетей.

Ключевые слова: сложность, социолингвистика, типология, изменение языка, языковые контакты, морфология

In this article, recent foreign studies that describe and discuss the parameter of «language complexity» are reviewed. Despite the diversity of approaches and results, three major conclusions that are supported by a substantial body of research can be named. First, the popular view that all the languages are equally complex is wrong. Second, it is possible not only to range languages according to their complexity, but also to try to measure a complexity of a language — or at least of its fragment — quantitatively. Third, such measures, as well as some qualitative studies, show that language complexity depends on social parameters. It is quite convincingly shown and explained that complexity negatively correlates with population size and intensity of contacts with speakers of other languages, and positively correlates with density of social networks.

Keywords: complexity, sociolinguistics, typology, language change, language contact, morphology

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы появилось много работ, посвященных такой общей характеристике языковых систем, как «сложность». Интерес к этой проблематике является относительно новым – по крайней мере, если рассматривать исследования, в которых предлагаются объективные критерии для определения сложности произвольного языка и ранжирования различных языков по сложности. Первой публикацией, положившей начало особенно заметному всплеску дискуссий на эту тему, иногда называют статью Джона Мак-Уортера [McWhorter 2001], в которой автор эксплицитно критикует распространенное представление о том, что все языки одинаково сложны, и доказывает, что креольские языки проще «старых» языков. Основной причиной, по мнению Мак-Уор-

тера, является юный возраст первых: не имея многотысячелетней истории, креольские языки, в отличие от обычных, не успели «обрасти» необязательной для коммуникации сложностью. Статья вызвала бурную дискуссию, см. многочисленные комментарии в том же номере «Linguistic typology» 5 (2–3) за 2001 г.

Многие идеи Мак-Уортера – как и сходные идеи других исследователей – продолжали развиваться и впоследствии. В первую очередь упомянем такие заметные публикации, как книги Ваутера Кюстера [Kusters 2003], Эстена Даля [Dahl 2004], Питера Традгила [Trudgill 2011]; статьи Райана Шостеда [Shosted 2006], Элисон Рэй и Джорджа Грейса [Wray, Grace 2007], Гэри Лупяна и Рика Дейла [Lupyan, Dale 2009]; а также два крупных сборника, один под редакцией Матти Миестамо и др. [Miestamo et al. 2008], другой – под редакцией Джеффри Сэмпсона и др. [Sampson et al. 2009].

Как будет показано ниже, исследователи по-разному определяют сложность и задаются совершенно разными вопросами по поводу этого феномена. Что же тогда позволяет отнести перечисленные выше работы (а также многие другие) к одному направлению? На мой взгляд, объединяющий их признак можно описать следующим образом. Во-первых, сложность рассматривается как отдельный, заслуживающий анализа параметр (языка в целом; подсистемы языка; конкретного языкового знака; данного идиолекта и т.п.). Во-вторых, этот параметр измеряется количественно или хотя бы оценивается интуитивно. В-третьих, результаты анализа этого параметра становятся частью некоей объяснительной теории: его значение либо объясняется действием некоторых факторов, либо, наоборот, участвует в объяснении иных языковых явлений. Самая известная и значительная из таких объяснительных теорий гласит, что сложность языка зависит от ряда социальных факторов: насколько велико общество, насколько тесны в нем связи между индивидами, насколько интенсивны и как устроены контакты с другими языками и т.п. (см. подраздел 2.2).

Разумеется, это направление зарождается раньше 2001 года. Работы, посвященные сравнению сложности разных языков, появлялись и в 1990-е гг., см., например, книги Ревира Перкинса [Perkins 1992] или Джоанны Николз [Nichols 1992]. Многие идеи, изложенные П. Традгилом в книге 2011 года, высказывались им самим значительно раньше (начиная с 1979 г., а на свою будущую книгу автор начал ссылаться с 1986 г.). Идею о связи между сложностью языка и устройством общества частично предвосхитил Бэзил Бернштейн, противопоставляя так называемые «ограниченный код» и «разработанный код» [Bernstein 1971]. Возраст же более общей идеи о том, что языковая и социальная структуры связаны, и вовсе измеряется столетиями.

Цель настоящего обзора – описать задачи, подходы и результаты, представленные именно в работах последних 10–15 лет. Эти результаты и их интерпретации нередко противоречивы: например, даже соавторы Гертрауд Фенк-Оцлон и Аугуст Фенк [Fenk-Oczlon, Fenk 2008] не смогли договориться, какой язык проще: с жестким порядком слов или со свободным (см. подраздел 2.1). Тем не менее накопленные данные уже позволяют пытаться выделить в разнообразии гипотез наиболее обоснованные.

Насколько мне известно, на русский язык из обозреваемой литературы переведена только монография Э. Даля [Даль 2009]. Поэтому основное внимание я, по понятным причинам, уделяю работам, опубликованным после нее.

Структура обзора такова. В разделе 1 описываются основные подходы к проблеме: в подразделе 1.1 – самые общие определения сложности и несколько фундаментальных противопоставлений; в подразделе 1.2 – различные аспекты рассмотрения языковой сложности и типы проведенных исследований; в подразделе 1.3 – конкретные методы определения и измерения сложности. В разделе 2 описываются результаты и выводы, к которым пришли современные исследователи сложности: в подразделе 2.1 – существующие представления о том, верна ли гипотеза о равенстве всех языков в отношении сложности; в подразделе 2.2 – теория о связи сложности и социальных параметров.

В заключении кратко обсуждается общее значение рассмотренного направления для гуманитарного знания.

Следует подчеркнуть, что обзор не является исчерпывающим. Из соображений экономики места в нем почти не отражены, например, сравнительные исследования сложности устной и письменной речи [Maas 2009], сложности социолектов [Chipege 2009], теория «эффективной коммуникации» Джона Хокинса [Hawkins 2004; 2009], вопросы происхождения языка (т.е. возникновения сложности *ex nihilo*) и многие другие заслуживающие внимания работы.

1. ЧТО ТАКОЕ СЛОЖНОСТЬ

1.1. Абсолютная и относительная сложность

Э. Даль вводит несколько важных противопоставлений, из которых наиболее существенно следующее: **сложность** (complexity) vs. **стоимость и трудность** (cost and difficulty) [Dahl 2004: 38–39]. Сложность – это некоторая абстрактная объективная мера, стоимость и трудность – меры относительные. Стоимость – это затраты, которые конкретному человеку необходимо совершить для достижения определенной цели, трудность – мера, показывающая, насколько трудной или легкой для него является задача. Понятия стоимости и трудности чаще всего применяются, когда речь идет об освоении или использовании языка, особенно неродного во взрослом возрасте.

Очень похожее противопоставление формулирует М. Миестамо [Miestamo 2008], в его терминах сложности соответствует **абсолютная (объективная) сложность**, а стоимости и трудности – **относительная (субъективная) сложность**¹.

Согласно Миестамо, абсолютная сложность во многом сводится к **количеству элементов, из которых состоит система**. Не следует понимать, что сложность всегда можно измерить, просто пересчитав элементы: иногда такой пересчет оказывается невозможен, иногда имеется в виду менее тривиальная мера, которая, однако, так или иначе связана с количеством элементов в системе. Абсолютная сложность зависит от выбранной теории, относительная сложность – от человека, для которого оцениваются трудность и стоимость.

Для определения абсолютной сложности многие исследователи [Dahl 2004; Juola 1998; 2008; Hammarström 2008] используют понятия теории информации, ключевым из которых является **колмогоровская сложность** (см., например [Li, Vitányi 1997], на русском – [Успенский и др.]). Идея колмогоровской сложности заключается в том, что чем сложнее объект, тем длиннее его описание. Иначе говоря, в качестве меры сложности можно рассматривать длину кратчайшего возможного описания данного объекта. Для языкового объекта – длину кратчайшего алгоритма, который породил бы данный объект. Так, для строки (1) подобный алгоритм может выглядеть как «30 раз по 10», для строки (2) – «20 раз по 110», а для случайно порожденной строки (3) подобного сжатия предложить не удастся, ее придется целиком записать в порождающий алгоритм. Таким образом, строка (1) проще, чем строка (2), и обе они заметно проще строки (3).

(1) 10

(2) 110

(3) 10100010110111100011111001001101000000010011110101101110111

Лингвисты обычно используют не формальное определение колмогоровской сложности, а саму идею: чем короче описание, тем проще объект. Ближе всех к измерению собственно колмогоровской сложности подходит Патрик Юола [Juola 1998; 2008], который рассматривает степень сжимаемости текстов на разных языках.

¹ Э. Даль тоже использует противопоставление абсолютная vs. относительная сложность, но в другом, более узком смысле [Dahl 2004: 25–26]; такое употребление в целом является менее распространенным. В дальнейшем я буду пользоваться терминологией Миестамо.

Колмогоровская сложность имеет два недостатка. Первый – общий: она невычислима, то есть не может существовать алгоритма, который для заданного объекта породил бы его максимально краткое описание. Иными словами, мы не можем быть всегда уверены, что действительно нашли минимально возможное значение колмогоровской сложности. Вторым является недостатком, с точки зрения лингвиста: как видно из примера, максимальную сложность имеет совершенно случайная строка. Это естественно для теории информации: такая строка обладает наименьшей предсказуемостью и нулевой избыточностью. Однако считать максимально сложными случайную строку или «случайный» язык (т. е. гипотетический язык с минимальной предсказуемостью) не всегда приемлемо для лингвистики.

Поэтому лингвисты часто опираются на меру, предложенную Мюрреем Гелл-Манном²: **эффективную сложность** [Gell-Mann 1994]. Эффективная сложность – это минимальная длина описания **закономерностей**, которые демонстрирует данная система (в нашем случае – язык) или данная строка.

В предыдущих абзацах уже несколько раз шла речь о «сложности языка» и «сложности строки». Действительно, можно пытаться измерить и то и другое: как сложность (колмогоровскую, эффективную или какую-нибудь еще) системы, так и сложность конкретного высказывания. Очевидно, что эти меры связаны, но необязательно идентичны. Даль называет первое **системной** сложностью, второе – **структурной** [Dahl 2004: 42–44].

Возвращаясь к абсолютной и относительной сложности, отметим теперь основную слабость относительной сложности, которая следует из самого определения: сложность (или трудность) **для кого?** Для говорящего, для слушателя, для ребенка, осваивающего первый язык, для взрослого, осваивающего неродной язык? Как уже упоминалось, в работах по языковой сложности больше всего внимания уделяется последнему случаю (*outsider complexity*), для которого также важно, каким языком человек пытается овладеть: близким к родному, далеким, совсем не родственным.

Относительная сложность имеет и другой недостаток, возможно, временный и преодолимый. Как отмечает Миестамо [Miestamo 2008], оценить стоимость или трудность освоения языка можно лишь на основании психолингвистических исследований, а их пока довольно мало. С другой стороны, некоторый массив данных, на которые можно опираться, уже накоплен: см., например, обзор в [Kusters 2003: 45–62]. Бенедикт Смречаньи и Бернд Кортман уверенно выделяют 24 параметра, которые позволяют оценить, насколько тот или иной идиом английского легок для усвоения неносителями [Szmrecsányi, Kortmann 2008: 69–71]. Смречаньи и Кортман опираются на данные о том, что возможно и что невозможно в «интеръязыках» (или «промежуточных языках») – языковых системах, возникающих при неполном освоении языка (в данном случае английского) неносителями. Элизабет Риддл [Riddle 2008: 145–146] ссылается на данные Института зарубежной службы США о трудности освоения разных языков.

Эксплицитное противопоставление абсолютной и относительной сложности соблюдается не всегда (и не всегда возможно). Необходимость относительного подхода отстаивает, например, Кюстерс [Kusters 2008]. В качестве возможного ответа на вопрос «трудно кому?» Кюстерс предлагает концепт «обобщенного чужеземца» (*generalized outsider*): человека, который уже владеет некоторым языком, но не знает языка, который собирается освоить в качестве иностранного (то есть языка, относительная сложность которого обсуждается), а также не обладает культурными и прочими фоновыми знаниями о соответствующем языковом сообществе.

² М. Гелл-Манн – Нобелевский лауреат по физике (1969), один из основателей Института Санта-Фе, занимающегося междисциплинарным изучением сложных систем, в том числе и языка. Российским лингвистам Гелл-Манн, вероятно, известен в первую очередь благодаря своему интересу к проблеме дальнего родства языков и сотрудничеству с С.А. Старостиным и его последователями.

Сторонниками абсолютного подхода являются, в частности, Даль и Миестамо. В работе [Miestamo 2009] последний также формулирует способ объективного измерения относительной сложности. Опираясь на идеи Мак-Уортера [McWhorter 2001], Миестамо предлагает для измерения сложности использовать имплицативные иерархии гринберговского типа, такие как, например, иерархия числа:

(4) Иерархия числа: (единственное) < множественное < двойственное < тройственное.

Как известно, иерархия сообщает следующую информацию: если в языке категория числа имеет данное значение, то она имеет и все значения, стоящие ниже (левее) данного. Если в языке есть двойственное число, то в нем обязательно есть и множественное (и единственное), но тройственного может и не быть. Чем выше язык поднимается по такой шкале, тем он сложнее.

Миестамо полагает, что явления, которые часто встречаются в языках мира, можно считать легкими для всех: говорящих, слушающих, носителей разных языков. Утверждение, что редкие явления обязательно являются трудными, представляется ему сомнительным, но тем не менее он полагает, что имплицативные иерархии более или менее отражают относительную сложность и, что особенно ценно, позволяют (частично) обойти вопрос «трудно кому?».

1.2. Подходы к изучению сложности

Большая часть рассматриваемых работ может быть распределена по четырем (не исключаящим друг друга) классам: теоретические, типологические, диахронические и анализ конкретных случаев.

Типологические работы обычно посвящены проверке гипотез о том, что сложность в языках мира коррелирует с какими-либо еще параметрами (или что разные составляющие сложности коррелируют друг с другом). Так, Микаэль Парквалл [Parkvall 2008] сравнивает обычные и креольские языки, проверяя гипотезу Мак-Уортера о том, что креольские языки проще. Потенциальным фактором влияния в данном случае является возраст (и происхождение) языка (креольский – не креольский). Сравнив 153 «старых» языка и 32 «молодых» (пиджины, креольские языки, промежуточные стадии) по 53 параметрам, Парквалл получает среднее значение сложности 0,24 для «молодых» языков и 0,41 для старых, различие статистически значимо. Наглядный пример: самый сложный креольский язык имеет ранг 123 (из 185), а большинство располагается в упорядоченном списке значительно ниже. Парквалл уделяет особое внимание доказательству того, что сложность зависит именно от возраста, а не от какого-нибудь другого фактора. В частности, его данные противоречат распространенному мнению, что простота креольских языков обуславливается их аналитичностью, т. е. что фактором на самом деле является не креольское происхождение, а синтетичность–аналитичность.

Лупян и Дейл [Lupyan, Dale 2009] на материале 2 236 языков показывают, что морфологическая сложность хорошо предсказывается значениями трех факторов: численность населения, занимаемая этим населением площадь и количество языков-соседей (чем выше эти значения, тем меньше сложность).

Размер выборки в таких работах обычно примерно равен тому, что представлено у Парквалла (нередко ниже), выборку Лупяна и Дейла можно считать гигантской (другой пример гигантской выборки – [Hammarström 2008]). В некоторых случаях исследователи и не пытаются сделать выборку, которая была бы репрезентативна относительно всех языков мира, сознательно ограничиваясь небольшой группой родственных языков. Так, например, Антье Даммель и Себастьян Кюршнер [Dammel, Kürschner 2008] сосредотачиваются на десяти германских языках и только одном параметре: сложности выражения множественного числа у имен. Это значительно упрощает им задачу сравнения, но даже, несмотря на это, авторы избегают количественных оценок, ограничиваясь

приблизительной ранговой оценкой по девяти различным шкалам. Близкого подхода придерживаются уже упоминавшиеся Смречаньи и Кортман, а также Кюстерс [Kusters 2003], который рассматривает скандинавские языки, а также различные варианты арабского, суахили и кечуа.

Работы с еще более узким предметом исследования представляют собой анализ конкретных случаев: изучение свойств одного или нескольких языков. Яркий пример – это статья Даля [Dahl 2009a], где тот поуровнево сравнивает сложность шведского и эльвдальского³ языков, достаточно убедительно показывая, что эльвдальский **в целом сложнее**. В этом случае количественных измерений тоже обычно не проводится.

Отказ от точных мер значительно сокращает возможность использования статистического аппарата: как простой проверки значимости, так и менее тривиальных методов поиска закономерностей. С другой стороны, количественные измерения почти всегда вызывают некоторые сомнения: насколько удачно данный метод подсчета выражает такое не вполне очевидное и трудно уловимое свойство, как сложность? Насколько можно доверять этим числам? Не лучше ли отказаться от них совсем, чтобы не создавать иллюзию точных измерений в заведомо не точной области?

Многие авторы почти ничего не измеряют, опираясь на качественные и интуитивные данные (такова, например, книга Традгила). Правда, сами авторы обычно объясняют это не принципиальной позицией, а начальным этапом работы. Действительно, без масштабных количественных измерений многие важные предположения, к которым приходят авторы теоретических работ, трудно или невозможно убедительно подтвердить или опровергнуть. В следующем подразделе читатель сможет сам оценить, насколько адекватные методы используют разные авторы для того, чтобы представить свое понимание сложности количественно.

Отдельного обсуждения заслуживают диахронические исследования. Как уже упоминалось, сложность в основном изучают не ради самой сложности, а ради того, чтобы лучше понимать устройство языка, и в первую очередь – природу диахронических процессов, приводящих к увеличению или уменьшению сложности. Описанные выше исследования позволяют восстанавливать эти процессы на основании синхронных срезов, но эта картина должна быть дополнена эмпирическими исследованиями собственно диахронии.

Мак-Уортер [McWhorter 2009] анализирует эволюцию одного «удивительно многофункционального» слова в сармакканском языке, демонстрируя, как в креольском языке возникает сложность. Фред Карлссон [Karlsson 2009] рассматривает историю использования придаточных предложений в нескольких европейских языках и ограничения на глубину вложения, действовавшие в разные периоды. Лиляна Проговац [Progovac 2009] доказывает, что малые клаузы (*John a doctor?! Me first! Case closed*) последовательно и систематично демонстрируют более простое синтаксическое поведение, чем другие типы клауз, и предполагает, что эти конструкции – сохранившийся след древнего синтаксиса протоязыка, уступавшего современному по сложности (так называемые живые ископаемые). Рэй и Грэйс [Wray, Grace 2007] высказывают ряд глубоких мыслей о том, что многие свойства, которые принято считать широко распространенными и неотъемлемо присущими языкам, на самом деле являются продуктом позднего культурного и технического прогресса: глобализации, распространения письменности, всеобщего образования. До влияния этих факторов языки, вероятно, существенно отличались от современных, в частности, были по многим параметрам сложнее. О диахронии также много пишут Традгил [Trudgill 2011] и Кюстерс [Kusters 2003].

К диахроническим исследованиям сложности можно отнести и работу Гая Дойчера [Deutscher 2000] об эволюции сентенциальных дополнений в аккадском, а также Кристиана Бенца и Мортена Кристиансена [Bentzen, Christiansen 2010] о коррелятивных изменениях порядка слов и падежной системы при переходе от латыни к романским

³ Скандинавский идиом, обычно рассматриваемый как диалект шведского языка.

языкам, хотя эти авторы не говорят о сложности эксплицитно, т. е. не вполне попадают под данное во введении определение.

1.3. Определение и измерение сложности

Рассмотрим, как именно определяют и оценивают или измеряют сложность авторы некоторых работ.

Мак-Уортер [McWhorter 2001] опирается на следующее определение: данная область некоторой грамматики сложнее этой же области другой грамматики в той степени, в которой она содержит больше выражаемых поверхностно (*overt*) различий и/или правил. Мак-Уортер предлагает четыре критерия для оценки определенной таким образом сложности. Во-первых, фонемный инвентарь тем сложнее, чем больше в нем маркированных фонем. Имеются в виду фонемы, маркированные в типологическом смысле, т. е. редко встречающиеся в языках мира. Маркированные фонемы Мак-Уортер выбирает потому, что их наличие подразумевает наличие немаркированных членов оппозиций, а значит, более сложную систему фонологических различий.

Во-вторых, синтаксис тем сложнее, чем больше в нем правил. Например, порядок слов (позиция глагола) в большинстве германских языков различается для главного и для придаточного предложения (правило *verb-second*). Синтаксис английского языка, в котором такое различие утрачено, оказывается в этом месте проще, чем, например, синтаксис немецкого или шведского. В-третьих, грамматика тем сложнее, чем больше в ней реализуются (т. е. выражаются поверхностно и грамматикализуются) тонкие семантические и прагматические различия. Так, в индейском языке коасати выбор глагола существования зависит от формы предмета, о котором идет речь (*береза стоит, город лежит* и т.п., всего насчитывается пять классов). Таким образом, грамматика коасати учитывает более тонкие различия, чем, например, английская.

В-четвертых, флективная морфология обычно сложнее других. Мак-Уортер подчеркивает, что он не считает флективное выражение само по себе более сложным, чем, например, аналитическое. Однако наличие флективной морфологии обычно приводит к возникновению явлений, которые очевидно являются усложняющими: морфонологические нерегулярности, супплетивизм, алломорфия, словоизменительные классы, согласование (род) и т.п. Вообще, морфология чаще всего становится центром внимания исследователей сложности.

Мак-Уортер не использует свое определение для количественных оценок и вообще не считает его пригодным для адекватного ранжирования всех языков мира по сложности (впрочем, саму задачу он тоже считает бессмысленной). Его целью является лишь обоснование гипотезы, что креольские языки проще «старых».

В более поздней работе [McWhorter 2007] эти четыре критерия преобразуются в три более общих: 1) сверхдифференциация (*overspecification*): обязательное поверхностное маркирование семантических различий; 2) структурная детализация (*structural elaboration*): количество правил (например, в синтаксисе) и элементов (например, фонем), необходимых для порождения поверхностных форм; 3) нерегулярность.

Кюстерс [Kusters 2003] в основном сосредотачивается на глагольной морфологии. Объясняя, почему именно флективная морфология удобна для исследований языковой сложности, он приводит, в частности, следующие аргументы. Во-первых, эти данные сравнительно легко доступны: почти все грамматики так или иначе описывают словоизменение. Во-вторых, словоизменение на синхронном уровне достаточно стабильно, т.е. мало зависит от параметров коммуникативной ситуации: регистра, прагматических характеристик, идиолектов конкретных носителей (впрочем, последнее спорно, см., например, [Chipere 2009: 181]). В-третьих, морфология «вездесуща» в языке: если, скажем, определенные синтаксические конструкции можно просто не употреблять, то

от трудностей словоизменения «уйти» значительно сложнее. В-четвертых, устройство морфологии заметно различается в разных языках. В-пятых, результат описания сравнительно мало зависит от выбранной теории.

Кюстерс формулирует три принципа словоизменения (встречающиеся в разных теориях под разными именами). Принцип **экономии** гласит, что морфологически должно выражаться как можно меньше семантических категорий. Принцип **прозрачности** требует, чтобы связь между формой и значением была максимально прозрачна, т. е. чтобы существовало одно-однозначное соответствие. Принцип **изоморфизма** диктует, что порядок аффиксов должен соответствовать сфере действия элементов значения (т. е. он близок к принципу релевантности Дж. Байби [Bybee 1985]).

Возможные отклонения от первых двух принципов приведены в таблице 1. Ценно, что в данном случае Кюстерс как сторонник относительной сложности эксплицитно отвечает на вопрос «трудно кому?»: говорящему, слушающему, человеку, который осваивает первый язык (L1 learner) или же человеку, который осваивает не первый язык (L2 learner).

Случайная омонимия возникает нерегулярным (с точки зрения морфологии) образом (обычно в результате фонетических изменений), структурная – в результате аналогического выравнивания; расщепление (fission) – явление, обратное фузии: одно значение выражается более чем одним аффиксом.

Таблица 1

Относительная сложность морфологических явлений для различных видов когнитивной деятельности

		Говорящий	Осваивающий родной язык	Слушающий	Осваивающий чужой язык
Экономия	Избыточное согласование	--	+	+	--
	Неизбыточное согласование	--	+	-	--
	Время / вид / наклонение	-	+	0	-
	Залог	0	+	+	-
Прозрачность	Алломорфия (морфологически обусловленная)	-	--	-	---
	Случайная омонимия	0	--	--	---
	Расщепление	-	-	+	--
	Фузия	+	0	0	-
	Алломорфия (фонологически обусловленная)	+	-	0	--
Структурная омонимия	+	+	0	+	

«+» – явление облегчает обработку языковой информации; «0» – явление на нее не влияет; «-», «--», «---» – явление усложняет обработку в различной степени.

Адаптировано из [Kusters 2003: 60].

Кюстерс использует перечисленные параметры (и другие), чтобы оценить сложность рассматриваемых языков по шкале от 0 до 10 (с шагом в 0,5), однако в целом больше опирается на качественные наблюдения, чем на количественные измерения (описание результатов см. в подразделе 2.2).

Джоанна Николз [Nichols 2009] подходит к вопросу более прямолинейно. Исходя из того, что грамматическая сложность в конечном итоге сводится к количеству элементов в системе, количеству их степеней свободы и объема информации, который нужен для их описания, Николз предлагает измерять сложность следующим образом:

- количество элементов (фонем, тонов, родов, падежей, способов построить придаточное предложение времени и т. п.) в каждой подсистеме;
- количество парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента: аллофоны, алломорфы, словоизменительные классы;
- количество синтагматических явлений: случаи согласования, валентности и т. п.
- ограничения на сочетания элементов или сами элементы. Тут наблюдается конфликт между стремлением измерить сложность как количество элементов и стремлением измерить сложность как длину описания (колмогоровскую сложность). Ограничения (например, на структуру слога) уменьшают сложность в первом смысле (возможных слогов меньше), но увеличивают во втором (описание возможных слогов становится дольше). Ср. в связи с этим рассуждения Даля о том, как усложнение интенционала может приводить к уменьшению и, соответственно, упрощению экстенционала⁴ [Dahl 2004:45]. Николз принимает решение придерживаться колмогоровской сложности, хотя и отмечает, что не может это решение обосновать.

Для конкретного исследования Николз использует следующую выборку параметров (параметры отбирались во многом по принципу доступности данных):

Фонология:

- количество контрастивных способов артикуляции взрывных согласных;
- количество различий в качестве гласных;
- система тонов (отсутствует / простая / сложная);
- структура слога;

Синтетическая морфология:

- количество разных словоизменительных категорий, выражаемых максимально сложной глагольной формой;
- множественное согласование: маркирование двух аргументов в глаголе;
- маркирование множественного числа существительных;
- маркирование двойственного числа существительных;

Классификаторы и согласование:

- числительные-классификаторы;
- посессивные классы (выражающиеся поверхностно);
- род как согласовательный класс;
- род, маркируемый в самом слове (как в языках банту);

Синтаксис:

- количество используемых стратегий кодирования именных и местоименных актантов;
- количество базовых порядков слов;

Лексика:

- наличие оппозиции инклюзивности–эксклюзивности у личных местоимений;

⁴ Другой нетривиальный пример того, как уменьшение количества элементов может быть связано с увеличением сложности, рассматривает Традгил, который приводит список из 45 трехсложных маорийских слов [Trudgill 2011: 124–125], имеющих совершенно разные значения, но чрезвычайно похожих друг на друга внешне (*pakoke*, *pakoki*, *pakoko* и т. п.). Логично предположить, что выучивание и использование (а особенно восприятие) таких слов представляет немалую трудность. Возможным же такой набор слов становится из-за того, что в маори мало фонем и мало возможных структур слога.

- количество случаев супплетивизма в наборе из девяти пар глаголов типа X–Caus(X) (*бояться–пугать*);
- количество возможных производных в тех же девяти парах.

Похожие «списочные» подходы применяют и многие другие исследователи, в том числе и те, кто занимается исключительно морфологией: **Лупян и Дейл** [Luryan, Dale 2009], **Даммель и Кюршнер** [Dammel, Kürschner 2008] и др. Рассмотрим решение иного типа, вернувшись к работе **Смречаньи и Кортмана** [Szmrecsányi, Kortmann 2008]. Помимо измерения относительной сложности списочным подходом (см. 1.1), авторы анализируют и другие параметры разновидностей английского языка. В частности, они измеряют степень грамматикализованности, полагая ее в данном случае адекватной мерой общей сложности. Используя существующие корпуса устной речи, авторы извлекают из них случайным образом по 1000 словоформ для каждой из 15 разновидностей английского. Для каждой словоформы отмечается, содержит ли она грамматическую морфему (например, *sings* содержит, *sang* – тоже) и является ли она служебным словом: артиклем, союзом, местоимением (*sic!*) и т. п. На основании этих данных составляется индекс синтетичности (отношение количества грамматических морфем к количеству токенов), индекс аналитичности (отношение количества служебных слов к количеству токенов) и индекс грамматикализованности (сумма вышеупомянутых индексов). Кроме того, Смречаньи и Кортман измеряют индекс прозрачности этих же разновидностей, отмечая для всех найденных грамматических морфем, являются ли они регулярными алломорфами (обусловленными фонологически) или же нерегулярными (описание результатов см. в подразделе 2.2).

Все вышеперечисленные подходы обладают недостатком, существенно понижающим надежность измерений. Они требуют кропотливого ручного подсчета и, в некоторых случаях, выбора описательной теории, от которой может зависеть конечный результат. **Патрик Юола** [Juola 1998; 2008] предлагает способ обойти обе эти проблемы.

Юола измеряет колмогоровскую сложность, выбирая в качестве описываемого объекта файл с текстом на данном языке, а в качестве описания – тот же файл, сжатый **программой-архиватором** при помощи алгоритма Лемпеля–Зива [Ziv, Lempel 1977]. Упрощенно говоря, алгоритм Лемпеля–Зива строит «словарь» из обнаруженных сочетаний символов и потом использует его, чтобы сокращенно записать те же сочетания, когда они встречаются повторно. Сжимаемость файла будет зависеть от избыточности его содержимого: известно, например, что архиватор ZIP, в котором используется алгоритм Лемпеля–Зива, хорошо сжимает тексты на естественном языке, в которых всегда много повторов, и плохо – картинки. В общем и целом алгоритм Лемпеля–Зива является хорошим приближением к колмогоровской сложности.

Юола проводит несколько исследований, из которых наиболее интересно измерение сложности морфологии с **искажением**. Автор исходит из того, что в тексте на языке с регулярной (простой) флективной морфологией следующую конкретную словоформу (token) предсказать проще, чем в тексте на языке с непрозрачной (сложной) морфологией. Соответственно, морфологический уровень в языке первого типа избыточен и способствует общей сжимаемости текста. Если морфологическую регулярность **уничтожить**⁵, то сжимаемость текста на таком языке ухудшится. В языке же второго типа на этом уровне мало избыточности, так что уничтожение морфологической регулярности сжимаемость текста ухудшит несильно (или не ухудшит вовсе, см. ниже).

⁵ Юола называет этот процесс «уничтожением информации». Это, однако, создаст путаницу: такое определение верно при интуитивном понимании информации, но неверно с точки зрения теории информации. В ее терминах, наоборот, в тексте на языке первого типа морфологический уровень содержит мало информации (высокая предсказуемость → высокая избыточность → мало информации), а в тексте на языке второго типа – много. Уничтожение закономерностей повышает количество информации до максимума (см. подраздел 1.1: случайная строка содержит больше всего информации), что на языке первого типа сказывается сильно, а на языке второго типа – слабо.

Таблица 2

Уничтожение морфологической регулярности

jump	walk	touch	8634	139	5543
jumped	walked	touched	15	4597	1641
jumping	walking	touching	3978	102	6

Уничтожение морфологической регулярности: абстрактные словоформы (слева) последовательно заменяются на случайно выбранные натуральные числа (справа).

Воспроизведено по [Juola 2008: 98].

Чтобы уничтожить морфологические закономерности, Юола заменяет в одном и том же тексте (Библия) на разных языках каждую абстрактную словоформу (type) на случайное натуральное число (см. табл. 2). Лексические закономерности при этом не теряются, поскольку словоформа всегда заменяется на одно и то же число; синтаксические – тоже, поскольку порядок слов никак не изменяется. Фонологическая структура, однако, исчезает, заменяясь на последовательности цифр, причем это может привести к тому, что общая сжимаемость текста **улучшается**. Поэтому гипотеза Юолы формулируется так: чем меньше отношение объема сжатого оригинального текста к объему сжатого искаженного текста, тем регулярнее и проще морфология данного языка. То есть чем сильнее уничтожение морфологической структуры ухудшило сжимаемость, тем стройнее и проще была эта структура (и было что уничтожать). Результаты представлены в таблице 3.

Как можно видеть, самым сложным оказывается финский, за ним следуют русский и французский, а в «простой» половине списка располагаются нидерландский, английский и маори. Это более или менее согласуется с интуитивными представлениям, а для трех первых языков, как отмечает Юола, также и с измерениями Николз [Nichols 1992].

Таблица 3

Сжимаемость текста до и после уничтожения регулярности

Язык	R/C
Маори	0,895
Английский	0,972
Нидерландский	0,994
Французский	1,01
Русский	1,04
Финский	1,12

R – объем сжатого оригинала, C – объем сжатого искаженного текста (для шести языков).

Адаптировано из [Juola 2008: 99].

Разумеется, такой подход тоже имеет свои ограничения. В частности, неясно, насколько его допустимо использовать для сравнения языков с разными типами морфологии (например, флективности индоевропейского и семитского типов).

В ряде других экспериментов Юола [Juola 2008] искажает тексты более прямолинейно: удаляя 10 % знаков соответствующего уровня: букв (морфологический уровень), слов (синтаксический уровень) или целых стихов⁶ (прагматический уровень) – и сравнивая, как изменяется сжимаемость текста.

Как можно заметить, перечисленные меры сложности связаны в основном с морфологией, в меньшей степени с фонологией, синтаксисом, лексикой. Рассмотрим исследование, где предпринимается попытка измерить сложность семантики языка. Дэвид Гил [Gil 2008] утверждает, что изолирующие языки проще неизолирующих не только морфологически, но и семантически. Конкретнее, в изолирующих языках проще устроено объединение смыслов слов в смысл предложения, т. е. композициональная семантика.

Простейший способ объединения смыслов – это **многоместный оператор объединения (МОО)**. МОО устроен следующим образом: получив на вход смыслы M_1, M_2, \dots, M_n , на выходе он выдает ‘нечто, некоторым образом связанное с M_1, M_2, \dots, M_n ’. Действие МОО в естественном языке Гил демонстрирует на примере разновидности индонезийского, употребляющейся в провинции Риау⁷:

(5) *Ayat* *takan*
Цыпленок есть⁸

Помимо того, что в высказывании (5) для слова *ayat* не выражается категория числа, а для *takan* – времени и вида, не определена и семантическая роль цыпленка: он может быть агенсом, пациенсом (‘Кто-то ест цыпленка’), бенефициантом (‘Кто-то ест для цыпленка’), соагеном (‘Кто-то ест с цыпленком’). Более того, не определен и «онтологический статус» высказывания: оно может обозначать процесс, предмет (‘Тот цыпленок, что ест’), место (‘Где цыпленок ест’), время (‘Когда цыпленок ест’) и т. п. Хотя вероятность этих интерпретаций неодинакова и многие возможны только в особых контекстах, общий смысл высказывания (5) лучше всего описывается именно как ‘нечто, некоторым образом связанное с поглощением пищи и цыпленком’.

При попытке построить высказывание, в котором использовались бы понятия ‘цыпленок’ и ‘есть’, на русском, мы вынуждены специфицировать большую часть вышеупомянутых категорий. Статус высказывания будет определен, роль цыпленка – тоже, мы должны будем также выразить как минимум число и падеж (возможно, род) существительного и время, вид и число (возможно, лицо) глагола. Эти категории, не выразить которые нельзя, сузят число возможных объединений смыслов и, следовательно, интерпретаций высказывания. Таким образом, в Риау индонезийском объединение смыслов почти исчерпывающе описывается МОО, а в русском обязательно действуют многочисленные дополнительные правила. Чем больше в языке таких правил, тем сложнее устроена композициональная семантика.

Чтобы показать, что изолирующие языки расположены ближе к нижнему полюсу шкалы, Гил проводит эксперимент, который в очень общих чертах может быть описан следующим образом. Берется ряд **стимулов**, абстрактных сочетаний нескольких понятий: КЛОУН ПИТЬ КНИГА; СТОЛ ТАНЦЕВАТЬ; МЫШЬ КУСАТЬ ЗМЕЯ и т. д. Каждому символу сопоставлена **картинка**, например: «клоун пьет, читая книгу»; «люди танцуют на столах»; «змея кусает мышь». Для каждого стимула также составляется **тестовое предложение** на каждом изучаемом языке: максимально простое, естественно звучащее, грамматически правильное, стилистически нейтральное. Так, для стимула КЛОУН ПИТЬ КНИГА английским предложением было *The clown is drinking the book*; предложением на минангкабау – *Badut minum buku*, русское предложение звучало бы как *Клоун пьет книгу*. Переход от предложения к стимулу требует усложнения для русского и английского (добавляются морфологические показатели, артикли, вспомогательный

⁶ Тексты также были взяты из Библии.

⁷ Гил много писал об этом языке, доказывая его удивительную простоту.

⁸ ‘Питаться’, а не ‘существует’.

глагол), но не для минангкабау (достаточно перевести три слова из стимула без добавления грамматических показателей).

Далее носителям разных языков предъявляется **тестовое предложение** на их родном языке и соответствующая **картинка**. Носители отвечают на вопрос, правильно ли предложение описывает картинку. Логика примерно следующая: если в языке сложные композиционные правила, то выше вероятность, что предложение будет иметь узкое значение, под которое картинка не подпадет и будет отвергнуто. Чем ближе правила к чистому МОО, тем выше вероятность, что возможно будет построить интерпретацию, под которую подпадет и картинка. Очевидно, что носитель русского языка вряд ли признает *Клоун пьёт книгу* адекватным описанием картинки «клоун пьет, читая книгу». Можно, однако, ожидать, что носитель минангкабау сделает это для предложения *Badut tinut buku*. Иными словами, простые правила объединения смыслов ведут к недоспецификации, поэтому для сложных языков процент отказов будет выше, чем для простых.

Таблица 4

Результаты эксперимента Дэвида Гила для неизолирующих (английский и иврит) и изолирующих (все остальные) языков

Класс языков	Язык	Число испытуемых	Процент ответов, которые позволяют предположить действие чистого МОО
неизолирующие	Английский	32	5,5
	Иврит	30	7
креольские	Папьяменто	25	9,5
	Бислама	17	33
Западной Африки	Акан (тви-фанти)	21	17
	Йоруба	31	47
Юго-восточной Азии	Кантонский	30	27
	Вьетнамский	38	41
Западной Индонезии	Минангкабау	30	66,5
	Сунданский	35	62,5

Адаптировано из [Gil 2008: 121].

Эксперимент – многолетний проект, к 2006 г. в нем приняли участие 1500 носителей более чем 20 языков. В таблице 4 приведена часть результатов. Как можно видеть, они хорошо согласуются с гипотезой: для изолирующих языков число отказов в среднем ниже, соответственно, в них чаще встречаются предложения, для которых можно предположить действие чистого МОО, не осложненного дополнительными правилами⁹.

Гил подчеркивает, что недоспецификация в той или иной степени характерна для всех языков, являясь неизбежным следствием «разрыва между огромным количеством вещей, которые мы концептуализуем, и ограниченных языковых средств, которыми мы располагаем для разговора о них» [Gil 2008: 127].

⁹ Мнение Гила о простоте изолирующих языков оспаривают, например, Вальтер Бисанг [Bisang 2009], который доказывает, что они обладают так называемой скрытой сложностью, а также Элизабет Риддл (см. подраздел 2.1).

2. ЧТО СТАЛО ИЗВЕСТНО О СЛОЖНОСТИ

2.1. Все ли языки одинаково сложны

Джеффри Сэмпсон [Sampson 2009a] обозревает историю взглядов на «лингвистическую аксиому», что все языки одинаково сложны, утверждая, что она обычно присутствует в сознании и трудах лингвистов в качестве презумпции и редко формулируется эксплицитно. Эксплицитные формулировки, которые Сэмпсону удалось найти (например, [Hockett 1958: 180–181]), не сопровождаются доказательствами. Стремление принять «аксиому» на веру во многом объясняется желанием побороть распространенный миф, что низкий уровень культуры означает и примитивный язык; см. об этом также в [Trudgill 2011: 16].

Краткий обзор взглядов на гипотезу о равной сложности можно также найти в [Parkvall 2008]. Парквалл называет и еще одну «догму современной лингвистики»: все языки одинаково выразительны. Парквалл не оспаривает эту догму, возражая лишь против убеждения, что равная выразительность обязательно влечет за собой равную сложность.

Вообще говоря, истинность догмы о равной выразительности тоже по меньшей мере неочевидна. Уже такое простое явление, как заимствование¹⁰ лексических единиц в язык А из языка Б, во многих случаях объясняется отсутствием названия для соответствующего понятия в языке А. Соответственно, до заимствования язык А уступал языку Б в выразительности. Чтобы достичь необходимого обществу уровня выразительности, языку пришлось измениться. Некоторые диахронические исследования показывают, что и синтаксическую сложность: сентенциальные дополнения [Deutscher 2000], подчинение в целом [Kalmár 1985], сочинение [Dahl 2008] – язык может приобретать постепенно. В качестве факторов, способствующих этому, исследователи называют влияние других языков, распространение письменности и просто возросшую потребность в более эффективном способе выражения мыслей.

Другая гипотеза, которая практически неразрывно связана с гипотезой о равной сложности, – это **гипотеза об обязательной компенсаторности**. Как может сложность всех языков быть равна некоторой константе, если очевидно, что язык А и язык Б могут различаться сложностью некоторой подсистемы (фонологии, морфологии, синтаксиса)? Гипотеза о компенсаторности предполагает, что если вклад каких-то подсистем языка А (скажем, морфологии) в общую сложность отличается от «условного среднего», то вклад каких-то других подсистем языка А (скажем, синтаксиса) в общую сложность обязательно будет настолько же отличаться от «условного среднего» в другую сторону, так что общая сложность языка постоянна. Существенно наличие условий «обязательно» и «так что общая сложность языка постоянна».

Большинство исследователей сложности, чьи работы рассматриваются в данном обзоре, решительно отвергают гипотезу о равной сложности (и об обязательной компенсаторности). Ей противоречат результаты работ, рассматриваемых в подразделе 2.2, а также работ Николз, Мак-Уортера (см. 1.3), Парквалла (см. 1.1), Даля [Dahl 2009a], Дэниела Эверетта [Sampson 2009b] и др. Райан Шостед [Shosted 2006] одним из первых предпринял попытку проверить гипотезу об обязательной компенсаторности на типологическом материале и никаких значимых корреляций между фонологической и морфологической сложностью не обнаружил.

Проще назвать тех, кто эксплицитно поддерживает эти гипотезы или хотя бы одну из них. Юола (см. 1.3) полагает, что его измерения сложности с помощью архиватора подтверждают и гипотезу о равной сложности (отклонение от среднего объема значительно меньше для сжатого текста, чем для несжатого, т.е. колмогоровская сложность у всех текстов примерно одинакова, хотя формальные способы кодирования информа-

¹⁰ В самом широком смысле, включая калькирование, создание аналогичного термина внутренними средствами языка и т. п.

ции в разных языках могут отличаться), и гипотезу о компенсаторности (наблюдается отрицательная корреляция между морфологической и синтаксической сложностью). Элизабет Риддл [Riddle 2008] защищает гипотезу о равной сложности, приводя в ее пользу как общие доводы, так и частные примеры. Так, она опровергает представление, что изолирующие языки проще синтетических, демонстрируя многочисленные примеры проявления сложности в тайском, мандаринском китайском и языке хмонг: изощренные системы классификаторов, глагольная сериализация, сложные комплексы (*elaborate expressions*: особые лексикализованные сочетания четырех односложных морфем) и т. д.

Критикуя представление о том, что языки с флективной морфологией – сложные, а без нее – простые, Риддл тем не менее признает, что при контакте в первую очередь действительно упрощается словоизменение (см. об этом в подразделе 2.2). Она объясняет это тем, что словоизменение **особенно трудно для начального освоения языка**, так как предполагает бóльшую нагрузку на память.

Гипотезу об обязательной компенсаторности можно ослабить, получив **гипотезу о возможной компенсаторности**: между сложностями некоторых подсистем языка может наблюдаться отрицательная корреляция. Подтверждения этому тезису действительно существуют. Кайус Синнемяки [Sinnemäki 2008] определяет сложность маркирования ядерных аргументов в терминах функциональной нагрузки и на материале 50 языков показывает, что между функциональной нагрузкой, приходящейся на порядок слов, и функциональной нагрузкой, приходящейся на морфологическое маркирование, существует значимая отрицательная корреляция.

Это согласуется с распространенным интуитивным представлением о том, что количество падежей в языке обратно пропорционально жесткости порядка слов. Следует, однако, отметить, что Даль, например, не считает бóльшую нагрузку на порядок слов неоспоримым свидетельством бóльшей сложности: по его мнению, в таких случаях речь идет о **разделении труда**, а не о сложности [Dahl 2009a: 62].

Корреляции между другими переменными Синнемяки не обнаруживает и поэтому отвергает гипотезу об **обязательной** компенсаторности. Компенсаторность, по его мнению, может (но не должна) проявляться только между функционально связанными переменными, поэтому ее и не обнаруживает, например, Шостед.

Фенк-Оцлон и Фенк [Fenk-Oczlon, Fenk 2008] (там же ссылки на более ранние работы) обнаруживают корреляцию **сложности слога** с целым рядом переменных. Чем сложнее слог, тем:

- больше в языке типов слогов;
- больше односложных слов;
- меньше слогов в слове;
- больше слов в клаузе;
- более вероятен порядок VO, а не OV.

Авторы также делают ряд предположений о связи сложности слога и типа морфологии, количества падежей, склонности к предлогам или послелогам и т. п., которые частично подтверждаются. Более того, авторы обнаруживают связь сложности слога и семантических свойств языка: высокая сложность слога > много типов слогов > много односложных слов > простая морфология, много омонимов > жесткий порядок слов и высокая идиоматичность речи, необходимые, чтобы контекст позволял различать омонимы. Это предположение также частично подтверждается, в частности, сопоставлением английского и русского.

Как уже упоминалось во введении, авторы не смогли прийти к согласию, является ли жесткий порядок слов (и высокая идиоматичность) свидетельством сложности или простоты. Первый автор полагает, что это свидетельство сложности: в языке явно больше правил (описывающих порядок слов, коллокации, идиомы и т. п.). Второй автор, опираясь на теорию информации, считает это свидетельством простоты: при жестком порядке слов и клишированности речи тексты более **предсказуемы**, а значит, проще. В связи с этой дискуссией уместно вспомнить наблюдение А.А. Зализняка [Зализняк

2005] о том, что правила, описывающие порядок слов, в русском (где он «свободный») несравненно сложнее, чем в английском или французском (где он «жесткий»). На это, правда, можно возразить, что в русском правила описывают тонкие различия смысла, в то время как в английском – грань между приемлемым и неприемлемым высказыванием. Это возвращает нас к замечанию Риддл: можно предположить, что **на начальном этапе** для освоения проще русский порядок слов, в котором менее вероятна грубая ошибка, а в дальнейшем, вероятно, наоборот.

В любом случае Фенк-Оцлон и Фенк также не считают свои результаты подтверждением гипотезы об обязательной компенсаторности в приведенной выше формулировке: отрицательные корреляции присутствуют, но это не означает, что общая сложность языка – константа.

В качестве недостатка перечисленных выше работ иногда называют то, что авторы не учитывают прагматический уровень, где, возможно, тоже проявляются компенсаторные механизмы. Даль, защищая от этой критики свое сравнение шведского и эльвдальского [Dahl 2009a: 62], утверждает, что здесь опять же смешиваются понятия сложности и «разделения труда»: действительно, на прагматику может приходиться повышенная нагрузка, но это вряд ли означает, что сами прагматические правила устроены принципиально сложнее. Гил [Gil 2008: 125] полагает, что прагматика, во-первых, не является частью грамматики, во-вторых, сравнивать ее сложность в разных языках можно только при условии, что существует универсальная для всех языков система представления смыслов и интерпретации высказываний, что сомнительно.

Отвечая на более общее замечание о том, что компенсаторность может проявляться «где-то» еще, в какой-то неучтенной подсистеме, Гил утверждает, что в этом случае бремя доказательства (т. е. поиск такой подсистемы) ложится на плечи критикующего. Кюстерс же [Kusters 2008: 12] полагает, что при подобном подходе гипотеза об обязательной компенсаторности оказывается нефальсифицируемой: всегда можно заявить, что какое-то проявление сложности где-то не учтено.

Синнемяки отмечает, что для проверки гипотез о компенсаторности необходимо продемонстрировать работу компенсаторных механизмов как в синхронии, так и в диахронии. Так, Парквалл [Parkvall 2008: 267] упоминает исчезновение рода в английском: это несомненное упрощение, но, насколько известно, никаким компенсирующим усложнением этот процесс не сопровождался. Некоторые примеры компенсаторности в диахронии рассматривают Фенк-Оцлон и Фенк, а также Бенц и Кристиансен [Bentz, Christiansen 2010], но речь опять же не идет о пронизывающей весь язык обязательной компенсаторности.

2.2. Сложность и социальные параметры

Как уже упоминалось выше, один из самых интересных и важных результатов исследований сложности – теория о зависимости сложности языка от социальных параметров. Рассмотрим основные ее положения, опираясь главным образом на изложение Питера Традгила [Trudgill 2011], одно из самых подробных и глубоких, а затем перечислим работы, в которых приводятся эмпирические подтверждения высказанных гипотез.

Традгил выделяет пять основных социальных параметров. Ниже приведены те их значения, которые будут благоприятствовать **возрастанию** сложности (противоположные значения, соответственно, будут благоприятствовать ее **уменьшению**):

- низкая интенсивность контактов со **взрослыми** носителями других языков;
- высокая социальная стабильность;
- малая численность населения;
- тесные социальные связи в обществе;
- большое количество общих для всех носителей фоновых знаний (культурных, бытовых и т. п.).

Как легко видеть, эти параметры не являются независимыми, некоторые из них достаточно тесно связаны. Существенно подчеркнуть, что параметры лишь **благоприятствуют** изменению сложности в ту или иную сторону: речь, разумеется, не идет о полной детерминированности. Рассмотрим первые четыре параметра подробнее.

Как отмечает Традгил [Trudgill 2011: 32–33], типологам очевидно, что **языковые контакты** ведут к усложнению, а социолингвистам – что к упрощению, при этом каждое из представлений подкрепляется разными группами фактов. Противоречие разрешается, если принять во внимание **тип** контакта, в первую очередь **возраст** носителей, осваивающих чужой язык, во вторую – длительность контакта (эти параметры опять же связаны). Если язык усваивают взрослые, а контакт краткосрочный, то ситуация располагает к упрощению (крайний случай – возникновение пиджина). Если же язык усваивают дети, а контакт долгосрочный, то ситуация располагает к усложнению (крайний случай – языковые союзы типа балканского, где языки «делятся» своей сложностью).

Усложнение в таком случае объясняется **аддитивным заимствованием** сложности: некоторое явление (например, морфологические категории) заимствуется из другого языка, причем не заменяя уже существующих языковых явлений, а дополняя их. Каспер де Гроот [De Groot 2008] приводит ряд примеров для зарубежных разновидностей венгерского языка, которые, по его мнению, во многом сложнее стандартного венгерского. Даль [Dahl 2009b] отмечает, что один из таких механизмов возникновения сложности – это неполное вытеснение одного языкового паттерна другим. Например, шведский заимствовал глагол «стать» из нижненемецкого, однако в некоторых диалектах сохранилась часть форм исконного шведского глагола. В итоге в этих диалектах парадигма глагола «стать» супплетивна, что является несомненным увеличением сложности.

Представление, что язык может упрощаться при неполном его освоении многочисленными неносителями, а также при интенсивном общении с неносителями, уже неявно фигурировало выше и в целом хорошо известно. При этом типе контакта¹¹ языку выгодно меняться так, чтобы взрослому неносителю было как можно легче его усвоить и как можно легче понимать.

Идея о том, что **теснота социальных сетей** (каждый знаком с каждым) и **прочность социальных связей** (знакомые друг с другом люди много и регулярно общаются) влияет на изменение языка, получила распространение после публикации труда Джеймса и Лесли Милроев [Milroy, Milroy 1985]. Из работы Милроев следует, что в обществе, где все люди хорошо знакомы и много общаются, строже соблюдаются языковые нормы. Поэтому в таком обществе менее вероятно возникновение инноваций, для инноваций нужны **слабые связи**.

Инновации менее вероятны и для общества с высокой **социальной стабильностью**. Периоды нестабильности, как хорошо известно, нередко сопровождаются расшатыванием нормы и повышенной скоростью языковых изменений.

Очевидно, что тесных сетей не бывает в обществе с большой **численностью населения**. Кроме того, можно предполагать некоторую корреляцию численности населения и интенсивности контактов. Возможно, для контактов с другими языками более важна площадь, занимаемая носителями данного языка (поэтому ее учитывают Лупян и Дейл как один из факторов, см. ниже), но этот параметр ведь тоже коррелирует с численностью населения.

Еще одну важную роль фактора численности отмечает Дэниел Неттл [Nettle 1999]. В популяционной генетике хорошо известно, что случайные изменения на малое сообщество оказывают значительно большее воздействие, чем на крупное. Неттл предполагает, что это верно и для лингвистики: малые сообщества более уязвимы для случайных изменений, выше вероятность, что некоторая флуктуация уведет их от оптимального состояния [Ibid.: 139].

¹¹ Далее в обзоре под «контактом» по умолчанию будет иметься в виду именно такой тип контакта.

Здесь нужно немного отвлечься от социальных параметров и обсудить оценочные термины вроде «оптимальное состояние». Неттл имеет в виду порядок слов OVS, который встречается чрезвычайно редко (и только в малых языках) и действительно по ряду причин считается «неоптимальным» [Trudgill 2011: 101 и ссылки там]. Естественно будет причислить к неоптимальным такие явления, которые существуют в некоторых языках и притом несомненно увеличивают сложность этих языков, но без которых другие языки свободно обходятся. Даль называет такие явления «типологически необязательными» (cross-linguistically dispensable). Классическим примером типологически необязательной категории, создающей дополнительную сложность в языке, является грамматический род, особенно в том случае, если ясной семантической мотивации у него не прослеживается. Традгил [Ibid.: 154–167] пытается найти какую-либо полезную функцию, которую род мог бы выполнять в языке (разрешение омонимии, поддержание связности текста, повышение помехоустойчивости за счет избыточности), но приходит к выводу, что если род и приносит какую-то пользу, то очень небольшую и, главное, такую, без которой явно можно обойтись. Семантически немотивированный род языка А не может даже быть передан средствами языка Б без эксплицитной отсылки к языку А (тогда как, например, категория определенности может, хотя бы частично).

Откуда же в языках берется эта необязательная сложность? Традгил полагает, что малая численность населения, тесные социальные сети, высокая стабильность и низкая интенсивность контактов не только **сохраняют** уже существующую сложность, но и благоприятствуют **спонтанному возникновению сложности** (напомним, что другой потенциальный источник сложности – аддитивное заимствование). Во всех языках постоянно возникают какие-нибудь инновации¹², некоторые упрощающие, некоторые усложняющие. При тесной социальной сети инноваций в целом меньше, но зато если уж усложняющая инновация возникнет и – за счет малой численности населения – распространится, у нее есть шанс закрепиться: носители будут соблюдать норму, какой бы она ни была, сложной или простой. При большой численности населения вероятность закрепиться будет меньше, при непрочных социальных связях меньше будет приверженность норме: естественно ожидать, что сложная норма будет соблюдаться хуже, чем естественная. Контакт же делает усложняющие изменения еще менее вероятными.

Теперь, чтобы окончательно объяснить, почему языкам свойственно не только терять, но и наращивать сложность, а языкам малых изолированных тесных сообществ в особенности, остается сделать последний шаг и предположить, что усложняющие изменения в общем и целом более вероятны. К этой идее приходят и Традгил [Trudgill 2011: 103–104], и Даль [Dahl 2004: 276–280].

Таким образом, в условиях, которые были естественными для языков бóльшую (но плохо известную нам) часть истории человечества: малые группы, живущие на очень небольшой территории, тесные связи – доминирующим направлением изменения было, видимо, **усложнение**. Существовая в таких условиях многие тысячелетия, языки успели накопить изрядный груз «украшений» (по Мак-Уортеру), или «зрелых явлений» (по Далю).

Не будучи оправданной со строго лингвистической точки зрения, спонтанно возникающая сложность может тем не менее приносить обществу некоторую пользу. Делл Хаймз [Hymes 1971: 73] задается вопросом, не может ли усложнение языков быть средством «укрепления границ», подобно тому как упрощение при пиджинизации является средством «преодоления границ»? Такой эффект, по мнению Хаймза, может приветствоваться и культивироваться, особенно если язык воспринимается как хранилище знаний или как маркер культурной идентичности (пользуясь современными терминами). Эту гипотезу косвенно подтверждает недавний эксперимент Гарета Робертса [Roberts 2010],

¹² В социолингвистике термин «инновация» может иметь разные значения, здесь я его использую максимально вольно: любое изменение языка, затрагивающее хотя бы одного носителя.

который демонстрирует, что необходимость маркировать принадлежность к определенной группе способствует росту языкового разнообразия.

В современную эпоху, однако, более ожидаемым направлением изменения нам представляется **упрощение** языка. Основная причина, вероятно, заключается в том, что с развитием цивилизации роль этого процесса действительно возросла. Интенсивность контактов между языками все время увеличивается; размеры многих языковых общностей измеряются не десятками, а сотнями миллионов; прочность социальных связей (даже родственных) ослабевает: иными словами, значение практических всех параметров Традгила сдвигается в сторону упрощающего полюса.

Мак-Уортер [McWhorter 2011: 208] отмечает, что процесс упрощения кажется нам естественным еще и в силу следующего «эпифеномена»: языки, служащие основными инструментами лингвистической науки (т. е. крупные индоевропейские, в первую очередь английский), сами пережили значительное упрощение за счет контактов, массовых миграций, переселений и т. п.

Итак, мы рассмотрели социальные параметры, которые могут способствовать сохранению, возникновению или исчезновению языковой сложности, опираясь в основном на изложение Традгила, с которым, однако, хорошо согласуется большинство других подобных описаний. Кюстерс, например, говорит о трехмерном континууме, полюсами которого являются языковые сообщества «типа I» и «типа II». В сообществе типа II основное внимание уделяется успешности восприятия, т. е. **адресату**, а в сообществе типа I выше стоят интересы **говорящего**. В сообществе типа I доля тех, для кого данный язык неродной, мала, а в сообществе типа II – велика. Наконец, в сообществе типа I большую роль играет символическая функция языка, в частности, выражение групповой идентичности. В сообществе типа II коммуникативная функция доминирует над остальными, язык служит для передачи информации. Как легко видеть, эти противопоставления хорошо согласуются с традгиловскими. Кюстерс обзревает ряд других сходных противопоставлений [Kusters 2003: 42–43], необходимо упомянуть также обсуждавшуюся выше работу [Wray, Grace 2007], где противопоставляются **эзотерические** и **экзотерические** сообщества.

Последние годы принесли ряд эмпирических подтверждений рассмотренной теории. Синнемяки [Sinnemäki 2009] на материале 50 языков анализирует сложность маркирования ядерных аргументов. Измеряя сложность как отклонения от принципа «одно значение – одна форма» (почти то же самое, что рассмотренный выше принцип прозрачности), Синнемяки обнаруживает значимую и достаточную сильную отрицательную корреляцию сложности и численности популяции (т. е. в малых языках принцип прозрачности нарушается **чаще**).

Как уже упоминалось выше, исследователи германских языков Даммель и Кюршнер [Dammel, Kürschner 2008] избегают количественных оценок, ограничиваясь ранжированием десяти языков по девяти шкалам. Английский на всех шкалах располагается в самом низу списка, а фарерский и исландский почти на всех – в самом верху. Следующим по сложности в большинстве шкал оказывается люксембургский, а остальные языки ведут себя менее однозначно. Даммель и Кюршнер не измеряют социальные параметры, но очевидно, что на шкале интенсивности контактов английский, люксембургский, исландский и фарерский располагались бы в обратном порядке.

В разделе 1.3 упоминалась работа [Szmrecsányi, Kortmann 2008], где авторы измеряли индексы аналитичности, синтетичности, грамматикализованности и индекс прозрачности для 15 разновидностей английского языка. Выборка включала так называемые традиционные диалекты, для которых характерна малая интенсивность контактов с носителями других языков (например, мидлендский английский); разновидности, для которых характерна большая интенсивность контактов (новозеландский английский); и разновидности «английского неносителей» (L2 varieties): гонконгский английский, филиппинский английский и т. п. Результаты суммированы в таблице 5. Опять же очевидна отрицательная корреляция сложности (измеренной разными способами) и интенсивности контактов.

Измерения сложности для 15 разновидностей английского

Тип разновидности	Индексы			
	синтетичности	аналитичности	грамматикализованности	прозрачности
Традиционные диалекты	0,13	0,48	0,61	0,65
Высококонтактные	0,11	0,46	0,57	0,71
Английский как второй язык	0,09	0,45	0,54	0,82

Различия между ячейками во всех столбцах статистически значимы, за исключением индекса аналитичности ($p = 0,07$). Адаптировано из [Szmrecsányi, Kortmann 2008: 72–75].

Кюстерс [Kusters 2003], опираясь на примеры скандинавских языков, а также различных вариантов арабского, суахили и кечуа, доказывает, что сообществам типа I (ориентированным на говорящего) свойственны более сложные языки, чем сообществам типа II (ориентированным на адресата). Помимо синхронных состояний, Кюстерс рассматривает и диахронические процессы.

Лупян и Дейл [Lupyan, Dale 2009], как уже упоминалось, работают с гигантской выборкой из 2 236 языков, рассматривая 28 параметров флективной морфологии. Изогранный статистический анализ показывает, что значения 26 параметров хорошо предсказываются значениями численности населения (в первую очередь), занимаемой этим населением площадью и количеством языков-соседей. В частности, языки **экзотерической ниши** (население больше, площадь больше, соседей больше) по сравнению с языками **эзотерической ниши** чаще оказываются изолирующими, содержат меньше падежей, меньше глагольных грамматических категорий, не требуют согласования имени и глагола, не выражают эвиденциальность, не выражают будущее время морфологически, не различают степень удаленности в прошедшем времени, не имеют определенных и неопределенных артиклей (а если имеют, то они чаще выражаются отдельными словами, а не аффиксами) и т. п.

Кристиан Бенц и Бодо Винтер [Bentz, Winter 2012] сосредотачиваются на роли одного фактора: доли говорящих, для которых язык является неродным. На материале 66 языков они показывают, что этот параметр хорошо предсказывает количество падежей: чем выше доля усваивающих язык во взрослом возрасте, тем вероятнее, чем падежей будет мало.

Завершая обзор результатов, отмечу, что, на мой взгляд, перспективным методом верификации изложенной теории могут оказаться популярные в последнее время эксперименты с изучением и передачей от поколения к поколению искусственных мини-языков (выше уже упоминалась работа [Roberts 2010]). Хотя проведенные на данный момент эксперименты посвящены другим вопросам, в них затрагиваются смежные явления: регуляризация, изменение выучиваемости языка, возникновение и сохранение композициональности и т. п. (см., например [Smith, Wonnacott 2010; Cornish 2010; Berdicevskis 2012]). Интересно, что результаты эксперимента Карлы Хадсон-Кам и Элисы Ньюпорт [Hudson Kam, Newport 2005] показывают, что нерегулярности в изучаемом языке регуляризуют дети, а не взрослые. Это не вполне согласуется с представлением, что упрощение происходит в первую очередь при усвоении языка взрослыми, т. е. при аномальной передаче от поколения к поколению.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как легко заметить, рассмотренное направление исследований во многом является возвратом к проблематике деструктуралистской лингвистики: различная сложность языков, связь языка и социума, влияние культуры на язык. Существенно, однако, что теперь за этим стоит мощный объяснительный аппарат и достаточно строгие методы верификации. Противоречивые результаты, выдаваемые разными исследованиями, нормальны для развивающейся области, где (пока?) нет всеобъемлющей теории и универсальных методов верификации.

Тем не менее уже та теория, что есть, позволяет в некоторых случаях говорить о **направлении** языковых изменений (в сторону усложнения или упрощения), то есть **объяснять** имеющиеся данные и **предсказывать** на их основе вероятные изменения языка в будущем.

Из этого следует ряд важных соображений. Как отмечает Традгил [Trudgill 2011: 167–169], изложенные выше гипотезы ставят под сомнение принцип **языкового униформизма** (uniformitarian principle) – предположение, что законы и механизмы языка в прошлом были такими же, как сейчас. Как уже утверждалось, если раньше человеческие сообщества были устроены по-другому, то не исключено, что и языки употреблялись и изменялись совсем по-другому. Убедительные рассуждения на эту тему приводятся в [Wray, Grace 2007].

Традгил предлагает взглянуть и в другую сторону и задуматься о будущем лингвистической сложности [Trudgill 2011: 185–189]. Глобализация (и, добавлю от себя, не в последнюю очередь развитие коммуникационных технологий) изменяет мир, благоприятствуя упрощению языков. Это, разумеется, не значит, что вся существующая сложность обязательно исчезнет, но, скажем, спонтанное возникновение новой сложности и ее устойчивое сохранение представляется маловероятным.

Хочется подчеркнуть, что исследования сложности – это не «вещь в себе», их результаты релевантны и для других областей лингвистики. Так, вопросы сложности косвенно затрагивает нашумевшая статья Квентина Аткинсона о том, что разнообразие фонологических систем подтверждает гипотезу об африканском происхождении человеческого языка [Atkinson 2011]. Статья вызвала много критических ответов, причем некоторые из них оперируют понятием сложности эксплицитно [Ross, Donohue 2011; Berdicevskis, Piperski 2011].

Эва Линдстрём [Lindström 2008] на основании полевых исследований предполагает, что относительно высокая сложность папуасского языка куот может быть одним из факторов, способствующих тому, что дети перестают его учить. Вопросы сложности и смерти языка (в другом аспекте) рассматриваются также в работе [Dorian 1978].

Есть два общепринятых способа завершить статью о языковой сложности: либо заявить, что проблематика сложности – дело непростое, либо взять какую-нибудь цитату из классиков (обычно Сепира) и наполнить ее новым смыслом. Я предпочел бы подчеркнуть, что внимание к сложности характерно не только для лингвистики, но и для других наук. В первую очередь, наверное, надо назвать биологию: в каком-то смысле и эволюция, и онтогенез – это история возникновения и развития сложности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даль 2009 – Э. Даль. Возникновение и развитие языковой сложности. М., 2009.
Зализняк 2005 – А.А. Зализняк. Некоторые проблемы порядка слов в истории русского языка // <http://www.elementy.ru/lib/431049>.
Успенский и др. – В.А. Успенский, Н.К. Верецагин, А. Шень. Колмогоровская сложность. Рукопись.
Atkinson 2011 – Q. Atkinson. Phonemic diversity supports a serial founder effect model of language expansion from Africa // Science. 2011. 332 (6027).

- Bentz, Christiansen 2010 – *C. Bentz, M. Christiansen*. Linguistic adaptation at work? The change of word order and case system from Latin to the Romance languages // *The evolution of language: Proceedings of the 8th International conference on the evolution of language*. Singapore, 2010.
- Bentz, Winter 2012 – *C. Bentz, B. Winter*. The impact of L2 speakers on the evolution of case marking // *The evolution of language: Proceedings of the 9th International conference on the evolution of language*. Singapore, 2012.
- Berdicevskis 2012 – *A. Berdicevskis*. Introducing pressure for expressivity into language evolution experiments // *The evolution of language: Proceedings of the 9th International conference on the evolution of language*. Singapore, 2012.
- Berdicevskis, Piperski 2011 – *A. Berdicevskis, A. Piperski*. Doubts about a serial founder-effect model of language expansion // *Science (E-letters 08.12.2011)*.
- Bernstein 1971 – *B. Bernstein*. *Class, codes and control. Theoretical studies towards a sociology of language*. London, 1971.
- Bisang 2009 – *W. Bisang*. On the evolution of complexity: sometimes less is more in East and mainland Southeast Asia // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Bybee 1985 – *J. Bybee*. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Chipere 2009 – *N. Chipere*. Individual differences in processing complex grammatical structures // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Cornish 2010 – *H. Cornish*. Investigating how cultural transmission leads to the appearance of design without a designer in human communication systems // *Interaction studies*. 2010. 11(1).
- Dahl 2004 – *Ö. Dahl*. *The growth and maintenance of linguistic complexity*. Amsterdam, 2004.
- Dahl 2008 – *Ö. Dahl*. Grammatical resources and linguistic complexity. Sirionó as a language without NP coordination // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Dahl 2009a – *Ö. Dahl*. Testing the assumption of complexity invariance: the case of Elfdalian and Swedish // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Dahl 2009b – *Ö. Dahl*. Increases in complexity as a result of language contact // *Convergence and divergence in language contact situations*. Amsterdam, 2009.
- Dammel, Kürschner 2008 – *A. Dammel, S. Kürschner*. Complexity in nominal plural allomorphy: a contrastive survey of ten Germanic languages // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- De Groot 2008 – *C. de Groot*. Morphological complexity as a parameter of linguistic typology: Hungarian as a contact language // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Deutscher 2000 – *G. Deutscher*. *Syntactic change in Akkadian: the evolution of sentential complementation*. Oxford, 2000.
- Dorian 1978 – *N. Dorian*. The fate of morphological complexity in language death: evidence from East Sutherland Gaelic // *Language*. 1978. 54(3).
- Fenk-Oczlon, Fenk 2008 – *G. Fenk-Oczlon, A. Fenk*. Complexity trade-offs between the subsystems of language // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Gell-Mann 1994 – *M. Gell-Mann*. *The quark and the jaguar: adventures in the simple and the complex*. New York, 1994.
- Gil 2008 – *D. Gil*. How complex are isolating languages? // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Hammarström 2008 – *H. Hammarström*. Complexity in numeral systems with an investigation into pidgins and creoles // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Hawkins 2004 – *J. Hawkins*. *Efficiency and complexity in grammars*. Oxford, 2004.
- Hawkins 2009 – *J. Hawkins*. An efficiency theory of complexity and related phenomena // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Hockett 1958 – *Ch. Hockett*. *A course in modern linguistics*. New York, 1958.
- Hudson Kam, Newport 2005 – *C. Hudson Kam, E. Newport*. Regularizing unpredictable variation: The roles of adult and child learners in language formation and change // *Language learning and development*. 2005. 1.
- Hymes 1971 – *D. Hymes*. *Pidginization and creolization of languages*. Cambridge, 1971.
- Juola 1998 – *P. Juola*. Measuring linguistic complexity: The morphological tier // *Journal of quantitative linguistics*. 1998. 5(3).
- Juola 2008 – *P. Juola*. Assessing linguistic complexity // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Kalmár 1985 – *I. Kalmár*. *Are there really no primitive languages? // Literacy, language and learning*. Cambridge, 1985.

- Karlsson 2009 – *F. Karlsson*. Origin and maintenance of clausal embedding complexity // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Kusters 2003 – *W. Kusters*. Linguistic complexity: the influence of social change on verbal inflection. Utrecht, 2003.
- Kusters 2008 – *W. Kusters*. Complexity in linguistic theory, language learning and language change // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Li, Vitányi 1997 – *M. Li, P. Vitányi*. An introduction to Kolmogorov complexity and its applications. New York, 1997.
- Lindström 2008 – *E. Lindström*. Language complexity and interlinguistic difficulty // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Lupyan, Dale 2009 – *G. Lupyan, R. Dale*. Language structure is partly determined by social structure // *PLoS ONE*. 2009. 5(1).
- Maas 2009 – *U. Maas*. Orality versus literacy as a dimension of complexity // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- McWhorter 2001 – *J. McWhorter*. The world's simplest grammars are creole grammars // *Linguistic typology*. 2001. 5(2–3).
- McWhorter 2007 – *J. McWhorter*. *Language interrupted: signs of non-native acquisition in standard language grammars*. Oxford, 2007.
- McWhorter 2009 – *J. McWhorter*. Oh nóo!: a bewilderingly multifunctional Saramaccan word teaches us how a creole language develops complexity // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- McWhorter 2011 – *J. McWhorter*. *Linguistic simplicity and complexity: why do languages undress?* Berlin, 2011.
- Miestamo 2008 – *M. Miestamo*. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective // *Language complexity: Typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Miestamo 2009 – *M. Miestamo*. Implicational hierarchies and grammatical complexity // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Miestamo et al. 2008 – *M. Miestamo, K. Sinnemäki, F. Karlsson* (eds.). *Language complexity: Typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Milroy, Milroy 1985 – *J. Milroy, L. Milroy*. Linguistic change, social network and speaker innovation // *Journal of linguistics*. 1985. 21.
- Nettle 1999 – *D. Nettle*. *Linguistic diversity*. Oxford, 1999.
- Nichols 1992 – *J. Nichols*. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago, 1992.
- Nichols 2009 – *J. Nichols*. Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Parkvall 2008 – *M. Parkvall*. The simplicity of creoles in a cross-linguistic perspective // *Language complexity: Typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Perkins 1992 – *R. Perkins*. *Deixis, grammar, and culture*. Amsterdam, 1992.
- Progovac 2009 – *L. Progovac*. Layering of grammar: vestiges of protosyntax in present-day languages // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Riddle 2008 – *E. Riddle*. Complexity in isolating languages: Lexical elaboration versus grammatical economy // *Language complexity: Typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Roberts 2010 – *G. Roberts*. An experimental study of social selection and frequency of interaction in linguistic diversity // *Interaction studies*. 2010. 11(1).
- Ross, Donohue 2011 – *B. Ross, M. Donohue*. The many origins of diversity and complexity in phonology // *Linguistic typology*. 2011. 15(2).
- Sampson 2009a – *G. Sampson*. A linguistic axiom challenged // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Sampson 2009b – *G. Sampson*. An interview with Dan Everett // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Sampson et al. 2009 – *G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill* (eds.). *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Shosted 2006 – *R. Shosted*. Correlating complexity: a typological approach // *Linguistic typology*. 2006. 10.
- Sinnemäki 2008 – *K. Sinnemäki*. Complexity trade-offs in core argument marking // *Language complexity: typology, contact, change*. Amsterdam, 2008.
- Sinnemäki 2009 – *K. Sinnemäki*. Complexity in core argument marking and population size // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.

- Smith, Wonnacott 2010 – *K. Smith, E. Wonnacott*. Eliminating unpredictable variation through iterated learning // *Cognition*. 2010. 116.
- Szmrecsányi, Kortmann 2008 – *B. Szmrecsányi, B. Kortmann*. Between simplification and complexification: non-standard varieties of English around the world // *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Trudgill 2011 – *P. Trudgill*. Sociolinguistic typology: social determinants of linguistic complexity. Oxford, 2011.
- Wray, Grace 2007 – *A. Wray, G. Grace*. The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-linguistic influences on linguistic form // *Lingua*. 2007. 117(3).
- Ziv, Lempel 1977 – *J. Ziv, A. Lempel*. A universal algorithm for sequential data compression // *IEEE Transactions on information theory*. 1977. 23(3).

Сведения об авторе:

Александр Бердичевский
Университет Бергена, Берген
alexberd@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с. (Studia philologica)

Посвящение рецензируемой книги – «<...> Елене Андреевне Земской и всем коллегам-разговорникам» – указывает на исследовательскую родословную авторов. Первые совместные публикации М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой о русской разговорной речи и устном общении относятся к середине 1980-х гг. На XI Международном фонетическом конгрессе (1987) авторы вместе с Е.А. Земской представили доклад об особенностях мужской и женской речи. В 1995 г. выходит книга М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет. Фонохрестоматия» с приложением звучащих записей неофициальной речи, с печатной транскрипцией звучания и исследованием. В монографии «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова 1999/2005] авторы исследуют семейные разговоры, включая такой жанр домашнего, часто межпоколенческого, общения, как устные рассказы. В рецензируемой новой книге внимание авторов сосредоточено на городском общении вне дома и работы – на улице, в общественном транспорте, в магазине, на рынке, в аптеке. В опубликованных в эти же годы статьях о повседневной коммуникации горожан авторы, наряду с вопросами о принципах изучения проблемы (прежде всего о жанрах речи), рассматривали разные конкретные аспекты языковой жизни города: язык вывесок и рыночных зазывов, речевое поведение людей на митингах, языковые игры взрослых, современные эпитафии на московских кладбищах, внутренне конфликтный символизм такого значимого продукта народного питания, как колбаса, и др. Несколько выделяется работа, в которой сопоставлены два отображения русской разговорной речи – у лингвистов и у Высоцкого [Китайгородская, Розанова 1993].

Исследования М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, беря начало в «цехе разговорников», в последних двух книгах вышли за

пределы языкознания. Если проблема разговорной речи состоит в определении ее места в нормативно-стилистическом укладе общенародного языка (и это задачи лингвистики и социолингвистики), то повседневное общение стало предметом внимания разных дисциплин. Кроме лингвистов и исследователей городского фольклора, о повседневном общении пишут в философии, теории коммуникации (в ее гуманитарно-социальном сегменте), в социологии и социальной психологии, семиотике, антропологии и культурологии. Истоки и стимулы такого широкого интереса различны: это идеи Витгенштейна (его философии «обыденного языка» и «языковых игр» как конвенций общения); феноменология повседневности «позднего» Гуссерля; исследования массового сознания, причем не только в социологии или антропологии текущего (наблюдаемого) дня¹, но и в историографии².

Исследование М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой по своему демократическому интересу к повседневной и социальной жизни языка, по свободе от нормализаторства и открытости широкому читателю продолжает традиции лингвистической школы М.В. Панова и Е.А. Земской. Вместе с тем книга отвечает новым познавательным запросам постсоветского общества, в котором обострился интерес к отечественной истории, особенно когда не стало цензуры. Возродился испытанный гуманитарный метод – искать в языке данные, способные пролить больше света на историю народа. Распространились книги о языке (прежде

¹ Как в книге Нэнси Рис о горбачевской перестройке [Рис 2005].

² Как во французской школе «Анналов» с ее интересом к истории ментальности, в том числе сознания «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич) – средневекового крестьянства.

всего словаря), которые показывают ход истории через лексико-фразеологические и отчасти фольклорные перемены. Таковы, в частности, «Толковый словарь языка Совдепии» (1998, 2-е изд. 2005) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной; «Жаргон-энциклопедия современной тусовки» (1998) А. Щуплова (при участии Т. Макловски и М. Кляйн); «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма» (2002, 2-е изд. 2005) Б.М. Сарнова; «Система: тексты и традиции субкультуры» Т.Б. Щепанской (2004); «Словарь модных слов» (2005) и «Новый словарь модных слов» (2008) В.И. Новикова; «Телесный код русской культуры: Материалы к словарю» (2007) Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой; «Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений» (2008, 2-е изд. 2011) О.П. Ермаковой, а также близкие по замыслу полупрофессиональные издания. Книга М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, в которой «языковое существование» – это и предмет исследования, и источник знаний о людях в мегаполисе, естественным образом принадлежит литературе «о жизни», увиденной сквозь призму повседневной коммуникации.

Подзаголовок «На материале языка Москвы» вызывает понятный прилив интереса у широкого читателя по тем же причинам, по каким раскупают книги об архитектуре, истории, театрах Москвы... – обо всем московском. В сочетании язык *Москвы* есть, однако, двойная притягательность: не только магнит столицы, но и доверие к правде языка, наблюдаемой и запечатленной в вербальных документах и фактах. Не случайно в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой так органичны фотографии, воспроизводящие письменные факты «языкового существования» Москвы: вывески, ценники и указатели, объявления (серьезные и «с приколом»), плакаты, рекламные щиты и перетяжки³, надпись на ветровом стекле иномарки «Спасибо деду за победу!» (в последние годы ставшая популярной в майские дни праздника Победы); таблички нищих с просьбой о милостыне, надписи и изображения на надгробиях и просто люди в ситуациях, с которыми связаны те или иные «речевые стереотипы» города: посадка в маршрутное такси, магазины (советского образца и современные), рынки – продуктовые, вещевые, уличные «стихийные» – с ящиком рыбы у метро... Есть фо-

тографии двадцатилетней давности, причем это прямые документы времен «пустых прилавков» (товарного дефицита в конце 1991 и начале 1992 г.). И читатель видит то, что уже отошло в прошлое и не повторится (во всяком случае, в знакомых формах): пропуск с фотографией в магазины конкретного райторга Москвы (пропуск назывался *визитной карточкой покупателя*; на фотографии – «визитная карточка» М.В. Китайгородской); рядом – фотографии помесечных карточек (они назывались *картой талонов*) на товары отдельных групп; на снимке это талоны на «табачные изделия», на три месяца, разноцветные, как денежные купюры, и даже с защитой от подделки. Ценность документов, которым время добавляет аромата «ретро», растет как у давней кинохроники или коллекционных вин – чем старше, тем выше.

В монографии М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой четыре главы: «I. Горожанин и его речевая среда» (с. 40–145); «II. Языковое существование и проблемы ситуативно-жанровой стратификации городской речи» (с. 146–277); «III. Языковое существование современного горожанина в ситуациях и жанрах» (с. 278–380); «IV. Языковое существование горожанина в социокультурном аспекте» (с. 381–473). Затем следует недлинное Заключение (с. 474–476). Как можно видеть, названия глав лексически схожи (в трех заглавиях из четырех есть слова *горожанин* и *языковое существование*, в названии еще одной главы – созвучные слова *городской* и *речевая среда*). Близость заглавий создает впечатление недостаточной раздельности глав; это впечатление сохраняется и при чтении книги.

Логика композиции книги может быть представлена так: в I главе авторы показывают разнообразие неофициальной городской речи современной Москвы, от 1990-х гг. до наших дней; во II главе, самой большой в книге и центральной в отношении метода и терминологии, обсуждаются способы исследования городского общения; представлены единицы анализа, выделяются коммуникативные страты, системы «речевых жанров» и «городских стереотипов»; в III главе, центральной в аспекте исследуемого материала, внимание сосредоточено на общении горожан вне дома и работы в современной Москве; в IV главе хронологические рамки книги раздвигаются – от начала XX в. до современности, поскольку интерес авторов переключается на такие особые сферы коммуникации, как сбор милостыни и кладбища. Здесь традиции общения более устойчивы, чем в остальных сферах повседневности, поэтому, чтобы увидеть перемены в речевом поведении нищих или в стили-

³ В том числе, например, военно-церковно-славянский анонс праздника десантников (совпадающий с днем памяти пророка Ильи): *День ВДВ РФ. Ильин День. Пророке Божий Илие, моли Бога о нас!*

стике эпитафий, требуется более длительное наблюдение.

В этой же главе показаны московские очереди (и именно советского времени), в том числе очереди, связанные с обменом денег («павловская реформа» и другие сходные экономические потрясения). Десятилетия советских очередей выработали свою терминологию: бывали очереди *живые* и *по записи*; *писались* в них *с утра* или *с ночи*, люди знали неписанные *правила* очереди: как *занимать*, когда можно *отойти*, кого *держаться*, как *не потерять очередь* и т. д. Особенно драматичны разговоры, записанные в очередях времен товарного дефицита, на исходе советской власти, когда люди днями простаивали в очередях, толкаясь, скандаля и шутя, и при этом в постоянной тревоге: не кончится ли товар, прежде чем очередь подойдет... Помимо собственных записей, авторы привлекают значимые свидетельства из воспоминаний о до- и послевоенной жизни Москвы⁴. По достоверности речей и нравов, представленных в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, особенно на страницах об очередях и рынках (точнее бы сказать, в сценах), – это своего рода «физиологические очерки» нашего времени.

Интерес к практикам общения и их языковой материи в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой доминирует; для авторов факты ценнее, чем теория или разбор «точек зрения»⁵. Записи речи в изобилии представлены во всех главах; это десятки микродиалогов в самых разных ситуациях: как узнают дорогу; о чем говорят на улице, на остановке автобуса, в автобусе, в том числе и возвращаясь с кладбища; о чем и как спрашивают и как отвечают в аптеках; о чем говорили в советских очередях и как коммуницируют в условиях товарного изобилия. Авторы выявляют и в деталях демонстрируют коммуникативные «сценарии» рыночной купли-продажи, ее этапы, стратегии

⁴ Ср. одно из таких наблюдений: известный джазовый музыкант Алексей Козлов, размышляя о феномене московского послевоенного двора, приводит сочетания со словом *двор*, сейчас уже забытые, но обычные в то время: «Пошли в кино всем двором», «Сыграем дворна-двор» (с. 128).

⁵ Показателен мотив, которым предваряется трехстраничная коллекция шуточных объявлений в маршрутных такси: «В последнее время в Москве мода на такие речевые произведения проходит. Ниже приведены примеры в достаточно большом количестве с целью “запечатлеть”, возможно, уходящую натуру» (с. 112).

и тактики: как зазывают покупателя, как «приглашают к торгу», как «оказывают покупателю знаки внимания», как торговцы хвалят свой товар, как шутят, как апеллируют к патриотизму (*Берите укропчик / наш / подмосковный*), как «подчеркивают интересы покупателя»... И так же методично и с таким же интересом к жизни авторы разбирают далее тактики и реплики покупателей.

То обстоятельство, что коммуникативная реальность для авторов приоритетна по отношению к теории и методу исследования, отнюдь не означает, что в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой теоретический компонент недостаточен. Судя по всему, он для авторов менее интересен, чем пестрая, почти как сама жизнь, практика общения. Тем не менее теория в рецензируемой книге представляется определенной и результативной. Развивая российские исследования разговорной речи (работы Е.А. Земской, О.Б. Сиротининой, Л.А. Капаназе, О.А. Лаптевой, Т.В. Шмелевой и др.), авторы перешли в область коммуникативистики, где потребовались иные, лингвистические, категории и методы анализа, и эта новизна оказалась исследователям вполне под силу. Самостоятельность авторских решений основана на хорошем знании литературы вопроса (правда, в основном на русском языке). В книге относительно немного страниц с обсуждением работ, близких по теме, но при анализе материала авторы регулярно сопоставляют свои результаты с выводами и характеристиками феноменов коммуникации у других исследователей. Это, как правило, проницательные и уместные (всегда «по делу») цитаты из значимых работ, всегда с точными ссылками.

Теоретическая ценность книги М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой мне видится в ряде аспектов, из которых я остановлюсь на трех: 1) понятие «языковое существование», конкретизированное применительно к исследованию городской повседневной коммуникации; 2) онтологический и семиотический статус коммуникативных практик горожан, очерченный по отношению к базовым лингвистическим категориям; 3) детерминированность форм общения (речевых жанров, стереотипных микродиалогов, коммуникативных клише) социально-психологическими факторами (общность городского пространства и быта; виды ситуаций общения; константы ролевого поведения коммуникантов и др.).

Понятие «языковое существование», известное у нас из работ советских японистов 1950-х гг., получило в книге М.В. Китайгородской и

Н.Н. Розановой новое осмысление⁶. В теоретическом определении понятия авторы близки к японским источникам, видя в языковом существовании «цепочку речевых действий и взаимодействий, которые человек совершает в течение дня» (с. 33), но стремятся представить языковое существование «дискретно и систематизировать в виде определенных единиц – речевых жанров, соотносимых с типовыми ситуациями городского общения» (с. 34). Однако это принципиально иная задача, нежели в японской лингвистике. Если японские исследования, как и анализ коммуникативного уклада у Кастельса [Кастельс 2000], – это коммуникативная социология (т. е. сбор и интерпретация данных, позволяющих судить о социуме или его стратах по тому, как коммуницируют люди), то в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой общение горожан исследуется в качестве реальности, которая интересна и самодостаточна сама по себе, «в себе и для себя», как о языке сказано у Соссюра. Это естественное для филологов стремление: увидеть в своем предмете (языке или литературе) систему средств, предназначенных для передачи того или иного содержания, исследовать структуру и функциональную иерархию этих возможно-

⁶ В исследованиях языкового существования японского общества изучалось, наряду с другими вопросами, количественное соотношение (в течение суток) разных видов речевой деятельности, включая чтение и письмо, у представителей разных социальных и половозрастных групп. В конце XX в. аналогичные измерения в США показали пропорции основных видов общения (семейное, потребление теле- и радиопродукции, прессы, книг) в суточном распределении времени среднего американца [Кастельс 2000: 320]. В ходе исследований русской разговорной речи в 1960–70-х гг. были записаны на магнитофон все разговоры, которые велись в течение полного дня, с утра до отхода ко сну, в одной семье (муж, жена, 2-летний сын и мать мужа); записанное (кроме речи ребенка) опубликовано в разделе «Языковое существование» в [Русская разговорная речь 1978: 218–230]; здесь же напечатаны записи ряда других эпизодов «языкового существования» – «Купание ребенка», «В гостях у сестры» и т. п. Однако эти тексты остались без лингвистических комментариев исследователей. В силу семантической широты слова «существование», термин «языковое существование» допускает различные модификации – сужающие, психологизирующие, абстрагирующие, в том числе и в аспекте экзистенциальной философии индивидуального бытия личности в языке-речи и памяти (как в [Гаспаров 1996]).

стей, их элементарные и производные единицы и т. д.

Сложность, однако, в том, что названный сегмент «языкового существования» представляет собой феномен не языка, а коммуникации, и здесь категории лингвистики («разговорная речь», «кодифицированный язык» и т. д.) или лингвистики текста («сверхфразовое единство», «средства связности реплик в диалоге» и т. п.) не могут составить теоретическую основу исследования. С другой стороны, существенно, что М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова изучают не вообще всю речевую коммуникацию города, но только повседневное общение горожан вне дома и работы; иначе говоря, ряд важных сфер общения (образование, официальное служебное общение, вещательные и печатные СМИ, книги) в рецензируемой работе не затрагивается.

Как показывают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, коммуникативная реальность устроена иначе, чем языковая. Языковую ситуацию города (этнически одноязычного) можно характеризовать с учетом нормативно-стилистического уклада языка, указывая, кто и когда использует разговорную речь, кто и когда – публичную устную речь, язык СМИ, кодифицированный язык, городские (полу)диалекты, просторечие, профессиональные сленги и т. п.). Однако характеристику коммуникации в городе естественно начать с указания на ее семиотическую неоднородность, т. е. с перечня ее разносемиотических компонентов: речь устная и речь письменная (в основном печатная); паралингвистическое сопровождение устной речи (жестово-мимическое); визуальные неязыковые сообщения (визуальный компонент вывесок, рекламы, объявлений и т. п.); будничное vs. праздничное vs. траурное убранство улиц; аудиальные неязыковые сообщения (музыкальные и немзыкальные – бой городских часов, гудки, сирены, зуммеры, метрономы). В лингвистическом (нормативно-стилистическом) отношении уличная городская коммуникация также неоднородна: количественно в ней преобладает повседневная речь горожан, т. е. разговорная речь (нижний регистр литературного языка) и субстандартные варианты языка, однако в городской коммуникации важен и ее официальный речевой компонент (записанные на пленку или диск объявления в городском транспорте, которые нередко выходят за пределы транспортной темы; ср. объявления о возможностях трудоустройства или учебы, о предприятиях сферы обслуживания или торговли и т. п.). Если шуточные надписи-объявления в маршрутных такси – это полуприватное общение водителя с пассажирами, то в воспроизводимых голосовых объявлениях в метро,

тем более в печатных «Правилах пользования метрополитеном» и подобных жанрах представлено официальное информирование-инструктирование сверху. Легко видеть, однако, что лингвостилистический анализ позволяет характеризовать те или иные виды городской коммуникации, но его недостаточно для их различения.

В теории городской коммуникации в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой центральное место занимает система собственно коммуникативных понятий, предназначенных для дифференциации и характеристики нескольких десятков видов коммуникативных фактов или событий. Называть ли эти виды «жанрами»? По-моему, вопрос остается открытым. Бахтинская генерализация любых речевых произведений в понятие «речевой жанр» здесь не помогает делу⁷. Речевой жанр понимается как мысленный инвариант определенной группы текстов со своим (характерным для жанра) набором дифференциальных признаков – таких, как стереотип ситуации общения, ролевой состав партнеров, тема разговора и иллокуции партнеров. Авторский термин «ситуативно-жанровая стратификация городской речи» и близкий к нему «ситуативно-жанровая структура городской речи» ставят жанр в зависимость от ситуации. Однако от ситуации зависят не только жанровые, но и лексические различия текстов. Так, говоря о «коммуникативных типах городского пространства», авторы показывают, как лексически по-разному люди говорят о «локусах» для отдыха и развлечения (туда *хочется* пойти, там *гуляют*, *проводят время*, часто – *с удовольствием*), а с

⁷ Бахтин, вводя общее понятие «речевой жанр», сразу же предлагает различать «маленькие жизненные жанры» – «законченный вопрос, восклицание, приказание, просьбу» (он их называет «первичными» и «простыми» «житейскими жанрами»), а с другой стороны, – «вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п.» [Бахтин 1979: 239], не настаивая далее на единой иерархии всех «речевых жанров». В терминах теории речевых актов, «первичные» речевые жанры Бахтина – это те минимальные единицы общения, которые логики назвали «речевыми актами». Сейчас стали хорошо видны едва ли преодолимые процедурные трудности при переходе от речевых актов к идентификации и характеристике более сложных относительно законченных текстовых фрагментов, не говоря уже о произведениях в целом (если только не обратиться к литературоведческой и журналистской терминологии жанров).

другой стороны, – о локусах «утилитарного» назначения (магазин, аптека, банк, городской транспорт): туда *нужно/надо* сходить, там *тратят/теряют время*, часто – *зря*. «Если адресант говорит: *Мне надо сходить в театр*, то наиболее вероятно, что он либо работает в театре, либо у него там какие-то дела» (с. 187)⁸.

Жанры повседневной коммуникации предлагается дифференцировать на основе следующих противопоставлений: 1) «практическая коммуникация» vs. «фатическая»; 2) в названных двух группах различаются жанры «монологические» и «диалогические»; 3) в каждой из полученных четырех подгрупп выделено по три разновидности: жанры «информативные», «прескриптивные» и «апеллятивные». Однако в список релевантных признаков не вошли две оппозиции, введенные авторами в I главе (в разделе «Разновидности коммуникации в зеркале противопоставлений»): «вежливая коммуникация» vs. «грубая», «нейтральная» vs. «игровая». Возможно, эти противопоставления и не могли войти. Задача классификации речевых жанров или их матричной идентификации мне представляется преждевременной. С другой стороны, в целях практической презентации повседневных диалогов и клише, кажется, что удобнее всего следовать композиции разговорников, в которых материал располагается по темам и ситуациям (т. е. вполне органично для коммуникативной практики), что допускает любую детализацию в подаче материала, при этом для пользователя удобство разговорника зависит прежде всего от устройства его оглавления.

Ставя вопрос о том, «Что дает изучение стереотипов, речевых клише?» (в конце II главы), М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова связывают дальнейшие перспективы жанровой стратификации повседневной речи с выявлением синтагматических и парадигматических связей каждого отдельного жанра. «Синтагматический аспект описания жанра связан с определением типов коммуникативно совместимых ситуаций. <...> При этом синтагматическая позиция жанра определяется через возможность

⁸ Цитируя эти полезные наблюдения, приходится с сожалением заметить, что в исследовании коммуникации лингвистические характеристики, скорее всего, будут вытесняться коммуникативными (просто из-за нехватки места). Вот еще одно проявление этой тенденции в рассматриваемой книге: в разделе «Некоторые особенности лексического оформления нищенских текстов» (с. 400–404) говорится не столько о лексике, сколько о вербальной организации «действенного» имиджа просящих милостыню.

сочетаемости с соседями «слева» и «справа»» (с. 276). Парадигматика жанра – это его взаимоотношения с близкими «синонимичными» жанрами, когда различия связаны с одним-двумя жанровыми признаками. Например, продавец говорит покупателю, что нужного товара нет. Далее возможны два-три «кооперативных» развития «партии» продавца (в зависимости от реального положения дел): а) продавец добавляет, что этот товар продают не в данном отделе, а в соседнем, и говорит (и показывает), как туда пройти; б) продавец добавляет, что сейчас этот товар распродан, но завтра с утра поступит его новая партия и т. п. Варианты реализации стереотипа зависят также от «исполнения партитуры» жанра: возможны как его полная (вербализованная) реализация, так и «разные типы эллипсиса (ситуативного, синтаксического), замена вербальных средств выражения жестомимическими и др., прямые и косвенные формы выражения коммуникативных намерений адресанта» (с. 276). В целом жанр мыслится авторами в духе Соссюра – как инвариантная модель со своим рядом возможных текстовых реализаций (с. 276). В третьей главе книги предложенный метод анализа жанра продемонстрирован в действии – применительно к жанру «требование остановки» в ситуации «Маршрутное такси».

Лингвисты, исследуя свои проблемы, приходят к изучению коммуникации и поневоле становятся «коммуникативистами», оказываясь в другом, еще не возведенном гуманитарном цехе – почти без терминологии, без адекватных методов, без хотя бы начальных систематизаций коммуникативного материала. Однако у меня чувство, что лингвисты лучше, чем психологи, подготовлены к тому, чтобы открыть нетривиальное и практически полезное знание о «коммуникативном существовании». Весомое подтверждение этому чувству я нахожу в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Преимущества лингвистов не только в профессиональной чуткости к слову, но и в прирожденном (или привитом с младых ногтей) даре систематизации и структурирования – не только изучаемой материи, но и собственных текстов.

Вынуждена сказать, однако, что в рассматриваемой книге мне не доставало авторской заботы о структурировании своего текста. Читатель легко заметит неполноту оглавления: в нем не отражены десятки рубрик, имеющих в книге, т. е. логика развертывания текста не проверена ее компрессией в оглавлении. Более того, в тексте постоянно встречаются нестандартно широкие (двукратные) пробелы между абзацами – так авторы зрительно, полиграфически, но не вербально, отмечали новый

поворот мысли, новую тему, необходимое отступление от основной (для данного раздела) мысли. Убеждена, что на месте «молчаливых» пробелов должны были стоять слова – продуманные терминологические заглавия разделов и подразделов (лучше бы – нумерованные). Книге – и авторам и читателям – не достает вербальных, терминологических ключей к содержанию. Для читателей это были бы дополнительные ступени вглубь авторской логики, для авторов – инструмент самоконтроля и рефлексии над собственным текстом.

Отмечу еще один «редакторский» недостаток авторов: в тексте книги встречаются ссылки, которые приводят к лакунам в списке литературы, т. е. соответствующие источники пропущены⁹. Подобные огрехи, конечно, нежелательны. Однако не в них суть дела.

Важно подчеркнуть гуманитарную значимость исследования М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Наряду с ценностью языкового материала и его коммуникативно-лингвистической систематизации и характеристики поучителен исследовательский опыт авторов. Это важно для методологии, именно для феноменологии гуманитарного знания: осознать тот подход и те основания, которые позволяют за наблюдаемой повседневностью – «самоочевидной и стереотипной» (Альфред Шюц), «тусклой и банальной» (Бернхард Вальденфельс), «летучей и преходящей» (М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова) – увидеть ее социально-психологический и философский смысл. Б. Вальденфельс видел в повседневности главный источник общих и основных норм социальной жизни, ее «лигирующее» начало, «плавильный тигль рациональности». «Культура повседневности», писал он, «исходит из требований простого выживания» [Вальденфельс 1991: 47]. В книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой показаны коммуникативные механизмы этой всех и все упрощающей переплавки: обусловленность повседневного общения социально-биологическим ритмом жизни в условиях про-

⁹ Такие ссылки, в частности, есть на с. 30–32; приведу названия тех пропущенных книг, к которым они отсылают: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н.А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004; Современный городской фольклор / Под ред. С.Ю. Неклюдова. М., 2003. (на с. 30 дана ссылка [Городской постфольклор 2003]); Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Под ред. Н.А. Купиной, М.Б. Хомякова. М., 2005; Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006.

странственно-временной и бытовой общности и похожести жизни миллионов людей; характерные для больших городов обезличенность и анонимность общения, взаимное невнимание горожан, автоматизм городского общения незнакомых людей и его содержательная поверхностность; приоритетная зависимость, даже производность, речевого стереотипа от стереотипа ситуации при нечувствительности адресата к аграмматизму (*У вас колбасу / можно к вам пробивать?*) и равнодушии к субстандартности речевых клише: просторечное *Не подскажите скоко время?* приемлемо в той же мере, как и *Не подскажите / который час?*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1979 – М.М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Вальденфельс 1991 – Б. Вальденфельс. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М., 1991.

Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Кастельс 2000 – М. Кастельс. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.

Китайгородская, Розанова 1993 – М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи // ВЯ. 1993. № 1.

Китайгородская, Розанова 1999/2005 – М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999; 2-е изд. М., 2005.

Рис 2005 – Н. Рис. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.

Русская разговорная речь 1978 – Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М., 1978.

Сведения об авторе:

Нина Борисовна Мечковская,
Белорусский государственный университет
nina.mechkovskaya@gmail.com

Ю.А. Клейнер. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Изд-во факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 240 с. (Лингвистические исследования.) ISBN 978-5-8465-1035-7г

Новая книга известного германиста, профессора кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского университета Юрия Александровича Клейнера, которая подводит итог многолетним исследованиям автора в этой области языкознания, называется «Очерки по общей и германской просодике», однако по сути это не отдельные очерки, а монография, охватывающая практически все актуальные для заявленной темы вопросы и объединенная общей идеей. Для того чтобы быть действительно монографией, книге не хватает, пожалуй, только общего заключения.

Открывается книга не традиционным предисловием, а имеющим не только теоретическую, но и историческую ценность очерком «Семинар (Вместо предисловия)» (с. 3–14), который содержит удивительно яркое описание того замечательного времени, когда, по словам Ю.К. Клейнера, «слово “фонема” звучало почти так же часто, как сейчас “концепт”, а занятия фонологией, особенно исторической, были делом престижным...» (с. 3). До сих пор об этом замечательном периоде в истории отечественной фонологии можно было узнать только из книги «След на песке» [Найдич 1995],

написанной другой участницей этих семинаров, Ларисой Эриковной Найдич. Ю.А. Клейнер рассказывает о Фонологическом семинаре, который был организован в начале 1970-х гг. Анатолием Симоновичем Либерманом как продолжение аспирантского семинара Михаила Ивановича Стеблин-Каменского¹ и проходил в Ленинградском отделении Института языкознания², об обстановке в период после знаменитой «Дискуссии о фонеме», о составленной А.С. Либерманом «Программе по фонологии», которая не утратила своей ценности и сегодня (и которую автор рецензируемой книги опубликовал в качестве Приложения к своему очерку на с. 15–19).

¹ Не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть другой замечательный аспирантский семинар, который примерно в то же время вел на кафедре фонетики Ленинградского университета Лев Рафаилович Зиндер.

² В 1992 г. был восстановлен статус этого старейшего лингвистического института как самостоятельного учреждения Академии наук и он был преобразован в Институт лингвистических исследований РАН.

Мне представляется, что публикация этого очерка – подарок молодым лингвистам, особенно ценный в наше время, когда интерес к чистой фонологии в значительной мере ослабел, уступив место прикладным исследованиям.

В следующем за очерком Введении (с. 20–47) содержится критическое рассмотрение таких, казалось бы, хорошо известных базисных понятий и терминов, как просодика, слогаделение, ударение, сегментация. При этом дается изложение теорий Дж.Р. Фирта, П. Гарда и А.С. Либермана, оказавших важное влияние на фонологическую концепцию Ю.А. Клейнера.

Необходимо особо остановиться на термине «просодика». В рецензируемой книге речь идет преимущественно о той области фонологии, которая занимается структурой слога и взаимоотношением двух его основных частей (гласного и согласных, или ядра и периферии), типом их соединения и членения, и которую поэтому можно назвать «внутрислоговой» или «сегментной» просодикой, в отличие от просодики супрасегментной, занимающейся проблемами слогового тона, словесного ударения и фразовой интонации, но и эти явления, особенно словесное ударение, находят отражение в книге в силу их тесной связи со слогом.

Серия очерков, составляющая основную часть книги, охватывает важнейшие проблемы фонологии германских языков, связанные с просодикой. Это следующие очерки: I. Корреляция усечения слога (с. 48–86), II. Изохрония (слоговое равновесие) (с. 87–113), III. Ритмическое членение в древнегерманских языках (закон Сиверса) (с. 114–133), IV. Дистантная ассимиляция (преломление и умлаут) (с. 134–148), V. Компенсаторные процессы (с. 149–187), VI. Моросчитание (с. 188–209), VII. Синхрония и диахрония: изменение и вариативность (с. 210–223).

Проблемы германской просодики решаются в книге на материале большинства языков германской группы, как современных, так и древних: английского, шведского (и норвежского), датского, исландского, готского, немецкого, что свидетельствует об огромной эрудиции автора. При этом в некоторых очерках в центре внимания естественным образом оказывается один из языков, в то время как данные других приводятся для сравнения.

Обсуждая фонологические проблемы, Клейнер не декларирует своей принадлежности к какой-либо из фонологических школ. В его книге можно найти рассмотрение взглядов и позиций представителей разных течений и направлений. При этом в центре внимания большинства очерков лежит главная, по мнению автора, процедура фонологического анализа – проблема сегментации речевого потока. Именно после-

довательное проведение принципа морфемного и слогового членения, которое в русском языке дает возможность доказывать фонемную самостоятельность всех гласных, не позволяет сделать это в большинстве германских языков, в частности в английском. В нем после усеченных (напряженных, по иной терминологии) гласных с сильными примыкающими к ним согласными никакая граница, ни межсловная, ни межморфемная, ни межсловная, ни слоговая, невозможна, а значит, по мнению Клейнера, оставаясь в рамках данного подхода, нельзя говорить и о границе между фонемами.

Одно из важнейших положений книги – это мысль об особом характере германских языков, занимающих в фонологической типологии место между фонемными и нефонемными языками. Эта мысль неоднократно проводилась Клейнером и в других его работах. Наиболее детально она анализируется в первом очерке «Корреляция усечения слога». В параграфе «Просодика и фонематика: просодические варианты» (с. 70–71) первые гласные английских слов *pity* и *peaty* предлагается определить как просодические варианты с, соответственно, плотным и свободным (по другой терминологии, сильным и слабым) контактом. Такое решение кажется автору более привлекательным, чем традиционное «фонематическое», согласно которому эти гласные являются разными фонемами и противопоставлены друг другу как краткие долгим, либо как ненапряженные напряженным, либо даже как монофтонги дифтонгам. Однако принять описание всей вокалической системы английского языка в терминах просодических вариантов (корреляции усечения) мешает тот факт, что не все гласные образуют в английском языке пары по признаку «усеченный-неусеченный»³. Фонематика здесь, по мнению исследователя, вступает в противоречие с просодикой (с. 71). Альтернативное, фонематическое решение тоже не может быть принято, поскольку при этом «обходится вопрос о лингвистических процедурах, о характере границ, иначе говоря, “пропускается этап сегментации”». И с этим трудно не согласиться. В следующем параграфе («Сегменты и их границы. Корреляция усечения слога как “промежуточное состояние”», с. 71–73) автор рассматривает «компромиссное» решение, предложенное Ю.К. Кузьменко в книге [Кузьменко 1991: 85], которое основано на поэтапном анализе структуры слога и слогоносителя, на установлении сначала типа

³ Вызывает удивление, что Клейнер не обращается здесь к фактам немецкого языка, в котором ситуация близка к упомянутой, поскольку в его вокалической системе практически все гласные (по традиции они называются долгими и краткими, однако противопоставлены и по характеру примыкания согласного) образуют пары.

примыкания, а лишь затем – различительных признаков гласного. Необходимость такой процедуры и Ю.К. Кузьменко, и Ю.А. Клейнер видят в «промежуточном положении» языков с корреляцией контакта между языками фонемного и слогового типа. И с этим тоже следует согласиться. Вслед за этим Ю.А. Клейнер ставит вопрос: «Можно ли говорить о фонемах применительно к одним элементам фонологической системы в том случае, если другие элементы, выполняющие ту же функцию (слогоносителя), таковыми не являются?» (с. 74). Для ясности здесь следовало бы добавить, что под «одними» понимаются традиционные неусеченные гласные, которые отделяются от следующего согласного как слоговой границей (ресиллабация), так и морфемной или словесной, а под «другими» – усеченные, следующие за которыми согласные никогда не отделяются ни слоговой, ни морфемной границей.

Поиски адекватной и непротиворечивой процедуры для решения вопроса о статусе корреляции усечения приводят Ю.А. Клейнера к абсолютно оригинальной идее о существовании «минимально привилегированной позиции», своего рода противочлена «максимально привилегированной позиции» А.С. Либермана, в которой функциональная нагрузка равна просодической (слоγοобразованию). Реализация в этой позиции двух видов примыкания позволяет, по теории Клейнера, экстраполировать их на иные позиции (см. очерк I, особенно с. 50–55). Не высказывая своей оценки, хотелось бы привлечь внимание специалистов к этому

R. Watson, W. Horosowitz. Writing science before the Greeks. A naturalistic analysis of the Babylonian astronomical treatise MUL.APIN. Leiden: Brill, 2011. 222 + XVII p. (Culture and history of the Ancient Near East. V. 48.)

Рецензируемая книга представляет собой исследование проблемы связи письменного языка научного текста с отражаемыми в нем особенностями познания на материале древнейшего известного вавилонского трактата (или учебника) астрономии. Монография имеет двоякую цель и носит поэтому двойственный характер – одновременно общетеоретический, ориентированный на раскрытие значения письменности в становлении человеческого понимания природы, и конкретный историко-научный, предлагающий новый подход к аккадскому каноническому тексту. Этому отвечает и разница научных биографий двух авторов – Р. Уотсон, представительницы Торонтской школы коммуникативного подхода к познанию (основанной Маклюэном), и известного историка вавилонской астрономии У. Горосовица.

неординарному решению одной из «вечных» проблем германской фонологии. Мы остановились на ней как на одной из многих проблем общей и германской фонологии, обсуждаемых в рецензируемой книге, чтобы продемонстрировать глубину и сложность рассматриваемых в ней вопросов и оригинальность предлагаемых фонологических решений, многие из которых еще предстоит осмыслить.

Новая книга известного петербургского фонолога не столько закрывает заявленную в ее названии тему, сколько вновь открывает ее и, несомненно, послужит стимулом для дальнейших теоретических исследований. Я уверена, что она вызовет большой интерес не только германистов, но и специалистов по общему языкознанию, типологии и фонологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Найдич 1995 – Л.Э. Найдич. След на песке. Очерки о русском языковом узусе. СПб., 1995.
Кузьменко 1991 – Ю.К. Кузьменко. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.

Н.Д. Светозарова

Сведения об авторе:

Наталья Дмитриевна Светозарова
Санкт-Петербургский государственный университет
ndsvetozar@gmail.com

Соответственно, работа строится на соположении первой вступительной (с. 1–14) и трех основных глав, посвященных анализу разбираемого трактата (с. 61–175), и двух вводных (с. 15–60), изучающих роль письменности в развитии познания и принципы предлагаемого подхода, который авторы называют «естественно-научным». Они изучают не столько текст как таковой, сколько его содержание, представляемое в основном по новейшему переводу Хангера и Пингри, воспроизведенному в первом приложении (с. 189–205). Хотя в теоретической части книги, как и в конкретном разборе трактата, видная роль отведена клинописи, которой записан текст, анализируемые проблемы часто поясняются цитатами из этого перевода [особо оговариваются отступления от оригинала, вызванные различиями в структуре языка, в частности, вве-

дение в английском соответствии копулы-связки, в аккадском передаваемой нулевой формой, как и в других семитских языках (с. 73, 135)]. Поэтому представляется, что при подчеркиваемом в книге значении языка науки в ней изучается не только аккадский письменный язык трактата, но и метаязык английского (достаточно точного) перевода, что отчасти объяснено авторами как удобное упрощение при избранном ими обращении к широкому читателю, для которого и часть общих семиотических положений (в том числе нейросемиотических, касающихся соотношения разных типов письма, языка и мозга, с. 19–20) в теоретических главах изложена в духе, близком к популяризации. Подчеркивая, согласно идеям Маклюэна, роль письменности для познания [Маклюэн 2005], авторы ссылаются на результаты исследования А.Р. Лурия, который показал значимость когнитивных различий между грамотными и неграмотными информантами в узбекских кишлаках [Лурия 1974: 30–32]¹. Упо-

¹ В книге верно замечено, что, хотя первое сообщение об этой замечательной работе появилось в 1934 г., она оказалась доступной английским читателям лишь в 1976 г. Я был у Лурия дома в самом конце 1950 гг., когда он несколькими молодым логикам и лингвистам рассказывал о проведенной им более чем за 20 лет до того работе, которую тогда он еще не надеялся напечатать при жизни. Он нам говорил об участии все еще долго преследовавшейся школы Выготского и показывал сохраненные им папки материалов как завещание следующему поколению. Его пессимизм в этом случае не оправдался: результаты работы, опережавшей многие труды, на которые ссылаются авторы рецензируемой монографии, ему потом удалось опубликовать в книге [Лурия 1974]. Проведенные Лурия во время войны исследования поражений мозга и их нейросемиотических последствий заложили основу, в частности, для изучения мозговых зон, управляющих разными типами письма (алфавитного и несвязанного прямо с фонемным сегментным составом слова, что характерно и для такого логографического письма, принципиально отличного от алфавитного, как клинопись). Подробный анализ соответствующих достижений современной когнитивной нейропсихологии, основанной 80 лет назад Выготским и Лурия, содержится в книге [Ardila 2012]; ср. [Cagigas, Bilder 2009: 23–29]. Эта новая область знания, пограничная с нейросемиотикой, становится одной из важнейших в науке наступившего столетия, что безусловно скажется и на основном направлении лингвистических исследований, связанных прямо с этими открывающимися перспективами.

мянутый авторами в этой связи Выготский, чьи гипотезы на этом экспериментальном материале проверял Лурия, впервые отчетливо сформулировал мысль о значимости таких культурных семиотических достижений и высших психических функций, как письмо, в истории познания. В связи с обсуждением логической стороны языка науки авторы касаются и программы Венского Кружка и, в частности, Карнапа, подчеркивая значимость поставленной им цели построения синтаксиса языка науки (с. 41–42) независимо от того, насколько удачно было ее осуществление². В третьей главе книги (с. 45–60), представляющей собой мостик, соединяющий теоретическое обсуждение роли письменности с конкретным анализом научного текста, излагаются принципы этого анализа. Особое внимание обращено на язык описания пространства и времени, дейксис, обозначения категорий и концептов, использование имен объектов, определения и риторическую структуру дискурса. В книге использованы результаты новейших лингвистических работ, показывающих, как взаимосвязь пространства и времени выражается в употреблении пространственных обозначений в роли временных [Bogoditsky 2001], что прослеживается авторами и на материале аккадского и шумерского языков, в частности, на совпадении терминов «восход» и «восток» (с. 67). По отношению к пространству–времени отраженная по мысли авторов в первой части трактата древнемесопотамская система обозначений имела в виду не фиксированные точки (в частности, части света), а целые области (ср. [Levinson 1996; 2003]). В последних частях трактата применяется более точная система описания отношений к частям света и равнодействиям; временные расстояния – «стражи» между последними измеряются в особых единицах, указываемых в соответствии с водными часами: аккадск. *mina* (= шумерск. MANA); в более близких к началу частях в этих единицах измеряется длительность дня и ночи. В связи с типами временных конструкций рассматривается различие одновременных событий, обозначаемых присоединением аккадской морфы *ta* 'и тогда, же' к первому из сопологаемых глаголов движения, то-

² Более полно, чем в цитируемой авторами книге 1934 г., результаты анализа языка науки в сопоставлении с «магией» естественного языка изложены в более поздних работах Карнапа, суммированных в его доступной и в русском Интернете книге [Карнап 1971]. Из последних работ, освещающих эти проблемы на материале гуманитарных и социальных наук, в том числе с позиций современной логики и искусственного интеллекта, нужно отметить труды, подытоженные в обзоре [Лахути и др. 2000]; ср. [Финн 2010].

гда как последовательные изменения положения нескольких (более чем двух) светил сигнализируются посредством союза и 'и' (с. 72). Указание такой абстрактной категории, как градус (логограмма UŠ), уточняет пространственные характеристики в частях трактата, близких к его завершению. Введение дополнительных обозначений для дробей характеризует эти последующие разделы трактата, в которых постепенно осуществляется переход к математическому описанию явлений. Уточнение терминологии связывается с обнаружением в трактате определений³. Опыт изучения риторической организации изложения (выделения вводных и заключительных частей, повторяющихся систематических сводных данных табличного типа) представляет собой одну из первых попыток применить к столь раннему тексту приемы, недавно введенные для изучения более позднего научного дискурса.

В основной исследовательской части книги подробно с этих точек зрения разбирается каждая из частей вавилонского астрономического трактата. Разбор построен по единой схеме, повторяемой при исследовании каждой из 11 частей. В начале кратко излагается основное астрономическое содержание в соответствии с переводом. Мне бы казалось, что само это содержание вполне можно было бы передать на формализованном языке, что сделало бы возможным затем более строгое изложение соотношения с аккадским текстом. Но авторы предпочли более облегченный (и доступный читающей публике) пересказ перевода, за которым следуют замечания о форме текста, отрывок из соответствующей части самого перевода и анализ, включающий исследование строения дискурса, а также рассмотрение выраженных в данном отрывке категорий. При исследовании формы трактата обращается внимание на собственно письменную (графическую) его сторону. В частности, авторы показывают, как в самом начале текста трактата последовательно применен вертикальный клинописный знак Υ , обозначающий начало строки или составной части высказывания, которая может охватывать и несколько строк. Согласно их выводам, этот знак, не имеющий никакого сегментного соответствия в произносимом тексте (и, соответственно, неотражаемый в приводимом переводе), важен для структурирования письменного дискурса (как в клинописном тексте, воспроизведенном на иллюстрации на с. 61). В то время как применение этого знака определяет вертикальную структуру текста и членение на отдельные минимальные высказы-

вания, линейное развертывание мысли может быть показано в клинописи горизонтальными линиями, разделяющими строки и параграфы (как в его последней части, воспроизведенной на иллюстрации в конце книги).

В семантическом разборе астрономического трактата, который предложен авторами, наиболее интересным мне представляется выделение многочисленных мест, в которых описание звезд и планет соотнесено с «наблюдателем неба» (с. 8–9, 78–79, 81–82, 94, 127, 144, 146) и различными местоименными и глагольными его обозначениями. Для истории науки (в частности, физики, астрономии и астрофизики) и для процесса человеческого познания в целом кажется чрезвычайно важным раннее осознание роли наблюдателя, через которого осуществляется описание первичных данных о действительности. Задолго до того, как основная роль наблюдателя и средств наблюдения и приборов, им использованных, была выдвинута на первый план благодаря успехам физики (больше всего в теории относительности и в квантовой механике), ее отмечали уже создатели таких древнейших научных текстов, как изучаемый в книге вавилонский астрономический трактат. Авторы отмечают в этой связи значимость точных дейктических указаний, или индексации в логическом понимании (как у Бар-Хиллела [Bar-Hillel 1970: 51]). Развитая в аналитической философии идея Рассела о ключевой роли «эгоцентрических» слов типа «этот» и ее продолжение в книге Рейхенбаха о математической логике заложили прочные логические основы для интерпретации представления о словах и формах естественного языка с антропоцентрической функцией, роль которой была подчеркнута Куриловичем, Бенвенистом и другими классиками структурного направления в лингвистике. В монографии Уотсон и Горосовица показано, что постоянные обращения в тексте трактата к наблюдателю неба используют соответствующие именные обозначения или местоимения 2-го лица и глагольные формы в качестве шифтеров.

При безусловной ценности изложенных авторами книги результатов семантического синхронного исследования текста остаются спорными их предположения, основанные на стремлении истолковать эти данные для прямых выводов диахронического свойства. Наиболее достоверные результаты получены при определении даты и особенностей изучаемого трактата в его сопоставлении с другими отчасти с ним схожими текстами. Многочисленные копии этого сочинения найдены в библиотеке ассирийского царя Ассурбанипала (668–627 гг. до н.э.). На несколько более древней табличке, содержащей последнюю часть текста, сохрани-

³ Одной из наиболее строгих работ, посвященных этой проблеме, остается статья [Bierwisch, Kiefer 1969].

лась дата 687 г. до н.э. и его колофон (заглавие с пояснением). Следовательно, в окончательном виде трактат уже существовал перед этим (с. 3). Другой астрономический текст, датируемый концом XII в. до н.э., содержит близкое к изучаемому трактату описание звезд, но некоторые детали в первом тексте представляют более раннюю версию звездного каталога (см. о числе звезд и их группировке ниже). Поэтому предполагается, что составление всего трактата можно отнести примерно к границе I и II тыс. до н.э. (с. 4). Судя по аналогии с историей других аналогичных вавилонских и ассирийских текстов, частично сохранившихся в вариантах разных эпох, трактат или учебник писцы (скорее всего, на нем учившиеся) продолжали переписывать на протяжении ряда столетий. В нем могли соединиться черты разного времени. Если предполагаемые хронологические границы верно определены, текст, излагающий основные астрономические знания вавилонских астрономов рубежа этих тысячелетий, представляет исключительный интерес для понимания того скачка, который эта наука и возникшая на ее основе вавилонская математическая астрономия совершила спустя несколько столетий (это произошло к середине первого тысячелетия до н.э. в другой этнической и политической обстановке – уже при Селевкидах в пределах Персидской империи). Исследования Нейгебауэра, Свердлова и других ученых недавно открыли эту новую главу в истории мировой науки, которую понимают как первую научную революцию. Она была осуществлена благодаря применению математики, к тому времени в Вавилоне далеко продвинувшейся, к накопленным за предшествующее тысячелетие и тщательно записывавшимся астрономическим данным⁴. Для понимания того, как были получены эти последние, можно использовать детально изученный в книге астрономический трактат, сочиненный в окончательном виде за несколько веков до начала вавилонской первой научной революции, вскоре повлиявшей и на науку Греции и эллинистического мира⁵.

Исходя из правдоподобного предположения о постепенном накоплении знаний о звездном небе, отраженных в дошедших до нас вавилон-

⁴ См. третью главу книги [Вяч.Вс. Иванов 2010], там же библиография, в том числе и по упоминаемым ниже формам языка древней науки за пределами Вавилонии.

⁵ [Rochberg 2008]. В свете этих данных меняются ранее принимавшиеся представления о восхождении европейских астрономических знаний к исходным греческим, которые на самом деле служили лишь соединительным звеном в передаче вавилонских открытий.

ских текстах, авторы книги пробуют применить полученные ими результаты для восстановления последовательности развития науки. Согласиться с этим подходом можно в той части, которая касается первых начальных разделов текста. В них упомянутый выше вертикальный клинописный знак \uparrow служит для введения отдельных частей звездного каталога. Каждая из них является отдельным предложением, чаще всего именным. Допущение, что подобные назывные предложения первоначально могли быть основным видом клинописных астрономических записей, подтверждается сопоставлением с другими текстами этого рода, состоящими из имен звезд и созвездий и восходящими к древнему периоду. К ним относится, в частности, табличка из ассирийской библиотеки Ассурбанипала, в колофоне которой шумерскими логограммами обозначено, что она «списана со старинных таблиц из Вавилона» (DUB.ME LIBIR.RA.ME GABA.RI KÁ.DINGIR.RA, с. 5). Та древняя наука, о которой дает представление клинописный архив Эблы середины III тыс. до н.э., в нем представлена энциклопедическими перечнями разных предметов (древние шумерские списки уже сопровождаются аккадскими и эблаитскими-западносемитскими соответствиями). Поэтому гипотеза о том, что так же были построены и самые ранние звездные каталоги, кажется весьма вероятной. Значительный интерес для лингвистической ономазиологии и для истории знания представляют имена звезд в таких каталогах. В раннюю эпоху звезды, несомненно, рассматривались как боги и назывались соответствующими именами богов. В изучаемом трактате встречается относящееся к звездам указание «все они являются богами» (с. 86). В некоторых из позднейших частей трактата при написании имени звезды стоит клинописный (непроизносившийся, т. е. игравший роль письменного указания семантического поля) детерминатив ЗВЕЗДЫ (MUL), а не БОГА (DINGIR); эти два детерминатива не исключают друг друга (с. 86), Солнце и Луна (причислявшиеся к числу планет) носят регулярно название «бога» (шумерское DINGIR). Параллели этому обнаруживаются практически во всех главных культурных традициях (ср. и современные обозначения планет античными именами богов в русском и других европейских языках), и поэтому приравнивание звезд и планет к богам можно с большим вероятием считать универсалией (напомню, что индоевропейское слово для «звезды» сопоставимо с аккадским именем богини Астарты и планеты Венеры⁶). Но наря-

⁶ См. об этимологии индоевропейских (в том числе хеттского) названий звезды в [Vyach.V. Ivanov 1996; Wodko et al. 2008].

ду с этим архаическим употреблением знаков в трактате проводится различие «звезды» (шумерское MUL= аккадское *kakkabu*, в изучаемом тексте часто используемое и в значении «созвездия») и «планеты» (буквально «дикой овцы»⁷, шумерское UDU.IDIM=*bibbu*, с. 63, прим. 2, с. 84). Отличие планет от звезд отражается и на синтаксическом строении разделов, им посвященных. В тех местах, где говорится о движении планет, трактат отступает от принятого по отношению к звездам перечисления их списком именных фраз. Для описания динамики планет используются полные предложения, заканчивающиеся (в соответствии с типологией аккадского синтаксиса) глаголами (с. 67–68). В трактате дана обобщающая характеристика всех планет: «(они) беспрестанно меняют свое положение» (с. 88). В последующих частях трактата отдельная звезда и созвездие внутри дискурса синтаксически представлены как части единого целого (с. 86). «Боги» (= «звезды») делятся на три группы, соответствующие «дорогам» трех главных месопотамских богов: Энлиля (бога северной части неба, где Солнце находится летом), Ану (бога срединной – центральной части неба, где Солнце бывает весной и осенью) и Эа (богу южной части неба, где Солнце находится зимой) – с. 68, 102–103, 109, 155. В заключительных частях текста эти боги объединяются. В начальных частях они количественно разделены: к Энлилию относится 33 звезды, к Ану – 23, к Эа – 15. В более ранней традиции, предшествовавшей изучаемой, господствовала нумерологическая симметрия: всего было $36 = 12 \times 3$ звезд – по одной в месяц у одного бога из трех, каждая из звезд восходила 1 раз на протяжении одного из 12 месяцев (с. 4, прим. 12). Изучаемый трактат в этом смысле представляет собой переход от ранних абстрактных симметрических построений к систематизации эмпирических наблюдений (сходную линию развития можно обнаружить и в значительно более позднее время, например, сравнив систему мировой гармонии⁸ Кеплера с позднейшими астрономическими выводами).

Главное допущение, на котором авторы ос-

⁷ Сравнение множества звезд со стадом (и, соответственно, астронома-звездочета, а в дальнейшем поэта с пастухом) есть у последующих арабских поэтов, например у Ибн Хазма.

⁸ Исключительно важный для предложенного Шпитцером подхода к сравнительной семасиологии европейских языков и для проблемы языкового выражения идеи симметрии лингвистический анализ истории этого понятия был намечен в посмертной публикации [Spitzer 1963].

новывают свои диахронические построения, предполагает движение от простого к сложному. По их гипотезе, начальные части трактата, излагающие отдельные изолированные фрагменты звездного каталога в виде относительно простых (преимущественно назывных) именных предложений, отличаются от все усложняющихся последующих. Каждая из групп (начальных, срединных и финальных) разделов текста отвечает определенному этапу в развитии научного познания. Если предположить, что главным образом трактат использовался в школах писцов в качестве учебника (для чего есть достаточные основания), то в постепенном движении от простых по языковому оформлению и научному содержанию высказываний ко все более усложняющимся можно было бы усмотреть прежде всего разумность педагогической организации материала у того анонимного коллектива писцов-учителей, которые на протяжении ряда веков по этому тексту старались обучить молодых писцов следующих поколений. При этом естественно было перейти от простого называния наблюдаемых звезд к их группировке по взаимному расположению и обнаруживаемым свойствам, для чего понадобились изощренные синтаксические средства (например, относительные предложения). Авторы книги обращают внимание на то, что единицы измерения пространства и времени (как упомянутое выше аккадск. *mina*), применяемые для вычислений в конце трактата, значительно точнее, чем те наивные характеристики положения звезд относительно друг друга и наблюдателя неба, которыми ограничиваются начальные части текста. Но речь идет не столько о прямом отражении совершенствования средств познания, сколько о продуманном введении все более сложных приемов описания по мере овладения материалом учащимися писцами. Отчасти этот порядок изложения можно сравнить с предполагаемым ходом развития астрономического познания и языковых форм, его выражающих. Но это сравнение не стоит понимать слишком безоговорочно, к чему склоняются авторы книги. В частности, к последним разделам трактата относятся те, где соотношения светил и другие конфигурации на небе, выведенные по установленным до этого правилам, позволяют предсказать земные события. В своем преувеличении возможности диахронического истолкования порядка частей трактата Уотсон и Горосовиц заходят так далеко, что видят в астрологической интерпретации соотношений звезд такую «прикладную астрономию», которая возникает как отклик на стремление ученых писцов удовлетворить требования ассирийского двора о практическом применении их знаний (с. 122). С такой точки зрения астрономия возникает как фундаментальная наука и лишь потом получает

практическое применение в гаданиях, опирающихся на движения планет. При всем остроумии такого почти пародийного модернизирующего обыгрывания сравнения со становящимся все более жгучим «вопросом, который ученым задают в различные времена» по поводу возможного использования их знаний (с. 122), ситуация науки в Ассирии не равнозначна той, которую мы видим в новое и новейшее время в Европе и Северной Америке. Приложения к гаданиям и на них основанным предсказаниям предшествуют созданию астрономии как науки. Смещение астрономических данных с астрологическими и мифологическими фантазиями характерно для ранних месопотамских текстов литературно-эпического характера. Универсальный характер подобной эволюции легко подтвердить и типологическим сравнением с такими хронологически достоверными документами, как древнекитайские гадательные надписи II тыс. до н. э., в большой степени состоящие из астрологических предсказаний. Из двух предложенных в книге объяснений включения астрологических гаданий в последние разделы астрономического трактата более вероятным представляется стремление к полноте использования сведений, почерпнутых из существовавшей ранее традиции. Но в таком случае тезис двух авторов о возможности соотнесения последовательности глав текста с этапами развития познания оказывается – хотя бы в этом случае – несостоятельным.

В Месопотамии научные, в частности астрономические и математические, тексты первоначально писались на шумерском языке⁹. Следы этого можно видеть и в заимствованиях из шумерского в изучаемом трактате, в частности в аккадском названии *igigubbu* как коэффициента¹⁰, используемого при вычислении видимости Луны: оно происходит из шумерск. IGI GUB 'то, что стоит впереди' (с. 116–117, прим. 24).

⁹ По гипотезе Виттакера, к наиболее раннему периоду создания первых письменных текстов относятся заимствования в шумерский из индоевропейского «евфратского» диалекта Южной Месопотамии, см. [Whittaker 2004]. В первых статьях и докладах на эту тему Виттакер допускал и наличие самых ранних протоклинописных текстов, которые можно считать написанными на этом диалекте.

¹⁰ Авторы по отношению к подобным математическим понятиям, вводимым в последних разделах трактата, неоднократно пользуются термином «аксиома», что не кажется оправданным: в трактате нет еще элементов математической дедукции, использующей заранее принятые аксиомы для выведения последующих теорем.

Коэффициент, встречающийся в различных месопотамских текстах, в частности геометрических, использовался для умножения всех чисел, входивших во множество M' , для получения чисел, образующих множество M'' [Robson 1998]. Ср. собственно астрономическое определение: «4 это – коэффициент видимости Луны» (с. 154). Его употребление в последних частях астрономического трактата свидетельствует о начале того проникновения математических приемов вычисления в астрономию, которое подготовило первую вавилонскую научную революцию.

Для истории науки и для типологии развития языка научных текстов большое значение может иметь сопоставление особенностей изучаемого в книге трактата и других аккадских и шумерских текстов этого жанра с древнеегипетскими текстами по математике и медицине. Основу для такого сопоставления представляют исследования, начатые в этом направлении на материале египетского Московского математического папируса Б.А. Тураевым (давшим полную запись документа стандартными иероглифами на основе сохранившегося иератического текста), его учеником В.В. Струве (издавшим в немецком переводе толкования и египетскую транскрипцию Тураева со своими комментариями и добавлениями) и Х. Граповым, работавшим над медицинскими текстами. Характер использования шифтеров, в особенности местоименных и глагольных показателей 2-го лица, в египетских (математических и медицинских) текстах и в их вавилонских аналогах представляется весьма сходным. Некоторые общие черты позволяют говорить об очень раннем формировании таких черт языка науки (как избегание субъективных форм шифтеров 1-го лица), которые до сих пор остаются приметами большинства естественно-научных и математических сочинений. Другую модель значительно более формализованного изложения представляет древнеиндийская грамматика (Панини и его продолжателей), которая при далеко зашедшей строгости формулировок оставалась долгое время в пределах устной традиции¹¹. В этом смысле в Индии не подтверждается тот безоговорочный тезис о неремен-

¹¹ Точности ради следует оговориться, что астрономическая традиция, напоминающая последующую древнеиндийскую, предполагается в дешифровке самых древних протоиндских текстов, предложенной Парпола. В этих текстах, скорее всего, есть много числительных, что, вероятно, свидетельствует и о развитии математики. Но эти предположения пока еще не доказаны и тексты в целом еще не прочитаны.

ном значении письма для науки, на котором настаивают авторы книги.

Не подлежит сомнению значимость и желательность дальнейшего продолжения подобных исследований древнейших периодов развития языка науки как для исторической лингвистики, так и для других наук когнитивного цикла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вяч.Вс. Иванов 2010 – *Вяч.Вс. Иванов. История науки // Вяч.Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. VII. Кн. 1. М., 2010.*

Карнап 1971 – *Р. Карнап. Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971.*

Лахути и др. 2000 – *Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.*

Лурья 1974 – *А.Р. Лурья. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.*

Маклюэн 2005 – *М. Маклюэн. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.*

Финн 2010 – *В.К. Финн. О логико-семиотических проблемах теории понимания текстов // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2010. № 9.*

Ardila 2012 – *A. Ardila. On the origins of human cognition. Miami (Florida), 2012.*

Bar-Hillel 1970 – *Y. Bar-Hillel. Aspects of language: Essays in philosophy of language, linguistic philosophy, and methodology of linguistics. Jerusalem; Amsterdam, 1970.*

Bierwisch, Kiefer 1969 – *M. Bierwisch, F. Kiefer. Remarks on definitions in natural languages // F. Kiefer (ed.). Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969.*

Boroditsky 2001 – *I. Boroditsky. Does language shape thought? Mandarin and English concepts of time // Cognitive psychology. 2001. V. 43.*

Cagigas, Bilder 2009 – *X.E. Cagigas, R.M. Bilder. The intersection of Luria's method with modern neuroimaging and cognitive neuroscience research // A.L. Christensen, E. Goldberg, D. Bulgakov (eds.). Luria's legacy in the 21st century. Oxford, 2009.*

Vyach.V. Ivanov 1996 – *Vyach.V. Ivanov. The Baltic god of light and the Balto-Slavic word for star // Res Balticae. 1996.*

Levinson 1996 – *S.C. Levinson. Language and space // Annual review of anthropology. 1996. V. 25.*

Levinson 2003 – *S.C. Levinson. Space and cognition. Cambridge, 2003.*

Robson 1998 – *E. Robson. Mesopotamian mathematics, 2600–1600. Technical constants in bureaucracy and education. Oxford, 1998.*

Rochberg 2008 – *F. Rochberg. Babylonian astronomy: The Hellenistic transmission // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 2008. V. 61.*

Spitzer 1963 – *L. Spitzer. Classical and Christian ideas of world harmony: Prolegomena to an interpretation of the word «Stimmung». Baltimore, 1963.*

Whittaker 2004 – *G. Whittaker. Word formation in Euphratic // J. Clackson, B.A. Olsen (eds.). Indo-European word formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen, October 20th – 22nd 2000. Copenhagen, 2004.*

Wodko et al. 2008 – *D.S. Wodko, B. Irslinger, C. Schneider. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.*

Вяч. Вс. Иванов

Сведения об авторе:

Вячеслав Всеволодович Иванов
Институт мировой культуры МГУ
ivanov2108@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

XI Международная конференция по когнитивной лингвистике (ICLC–XI)

Одиннадцатая международная конференция по когнитивной лингвистике (The 11th international cognitive linguistics conference, ICLC–XI) прошла 11–17 июля 2011 г. в Сиане (Китай) – спустя четыре года после десятой конференции, состоявшейся в 2007 г. в Кракове (в 2009 г. конференция не проводилась).

Несмотря на перерыв в работе и удаленность места проведения от Европы и Америки, конференция собрала ведущих специалистов в разных областях современной когнитивной лингвистики из разных стран. Она объединила около 500 участников, ежедневно в течение пяти дней работало до десяти параллельных секций, на которых было представлено более 400 докладов. Все секции были тематическими – пять из них, посвященные когнитивному подходу к грамматическим конструкциям, эволюции языка, концептуализации абстрактного и конкретного движения, а также пространственной модели, предложенной в свое время Талми (L. Talmy), и применению когнитивной грамматики Лангакера (R. Langacker)¹, были организованы заранее. Остальные секции сформировал программный комитет из близких по темам докладов.

На конференции было прочитано восемь часовых пленарных докладов, которые представили Х. Баайен (H. Baayen), Э. Дабровска (E. Dąbrowska), М. Фрид (M. Fried), К. Хори

(K. Horie), Дж. Люси (J. Lucy), Р. Лангакер (R. Langacker), Ш. Цзясюань (Jiaxuan Sh.) и Л. Талми (L. Talmy).

Х. Баайен (Канада) в своем пленарном докладе «Наивное различительное обучение и ориентированные на употребление модели грамматики» рассказал о предложенной им ранее [Baayen et al. 2011] компьютерной модели, описывающей, как происходит изучение языка. Он применил эту модель к выбору одного из вариантов дативной конструкции в английском языке, ср. (1) *The man sold the property to the bank* и (2) *The man sold the bank the property*. Компьютерная модель ориентирована на лексику – она оценивает вклад отдельных компонентов конструкции и для каждого контекста предсказывает, какой выбор оформления (1) или (2) вероятнее всего сделает носитель языка. Изначально модель выбирает одну из двух возможных конструкций с равной вероятностью, однако после предъявления каждого примера «обучается». Если модели был предъявлен пример *The woman sold it to him*, то для каждого из слов в этом предложении увеличивается вероятность выбора конструкции типа (2). После «обучения» на 5000 размеченных примерах из Британского национального корпуса (BNC) модель может проанализировать новый, до этого не встречавшийся, контекст и предсказать наиболее вероятную конструкцию с погрешностью 0,3 %. Несмотря на ограниченный объем исследования, оно позволяет сделать достаточно общие выводы как о механизмах языкового обучения, так и о внутренней структуре конструкций в языке, подтверждая в очередной раз известный тезис об их некопозициональной природе.

Доклад К. Хори (Япония) «Что нового может сообщить когнитивная типология о языках Восточной Азии» был

¹ Когнитивные подходы к грамматическим конструкциям, эволюция языка, описание движения в более широкой перспективе – от движения к каузированному движению и восприятию, пространственная модель в когнитивной семантике Талми, применение когнитивной грамматики Лангакера.

посвящен прикладной когнитивной типологии – направлению, возникшему на стыке когнитивной лингвистики и лингвистической типологии и ставящему перед собой такие вопросы, как:

1. Чем различаются когнитивные основы (cognitive underpinnings) типологически различных языков?

2. Как различные когнитивные основы влияют на освоение родного и иностранных языков?

К. Хори показал, что языки Восточной Азии обладают рядом семантических и прагматических особенностей, которые отличают их от индоевропейских языков, долгое время находившихся в фокусе внимания когнитивной лингвистики. Например, в языках Восточной Азии представлена ориентация на топик предложения (в противоположность ориентации на субъект предложения в европейских языках), эллипсис уже упомянутых аргументов предложения [Horie, in press], фокус на ситуации в отличие от фокуса на человеке [Hinds 1986; Ikegami 2005]. Многие из этих различий становятся видны, если сравнить английское предложение *I can see stars* 'Я вижу звезды' и его японский аналог *Hoshi ga mieru*, который дословно можно перевести как 'Звезды видны мне'. Английский описывает эту ситуацию с точки зрения активного участника, а японский язык видит всю ситуацию в целом, и участник отходит с первого плана в пресуппозицию. К. Хори выразил надежду, что в рамках когнитивной типологии изучению этих особенностей в будущем будет уделено большее внимание.

Доклад Дж. Люси (США) «Языковое разнообразие и когнитивное развитие: доводы в пользу одного тезиса» суммировал основные проблемы и задачи современной когнитивной лингвистики. Автор в очередной раз обратился к проблеме связи между языком, языковой картиной мира и общими когнитивными способностями. Он, в частности, показал, что языки, в которых есть согласовательные классы (как, например, язык майя), предлагают своим носителям картину мира, отличающуюся от картины мира, традиционной для носителей европейских языков. В своем докладе Дж. Люси описал эксперимент, в котором участвовали носители английского языка и языка майя. Испытуемым предлагалось выбрать для каждого выданного им объекта наиболее похожий на него. Эксперимент показал, что носители разных языков группировали объекты на основании разных признаков. Например, в одном из наборов участникам предлагалась деревянная расческа с длинной ручкой, деревянная расческа без ручки и пластмассовая расческа с длинной ручкой. Носители английского язы-

ка объединяли объекты, схожие по форме: две расчески с длинной ручкой, а носители языка майя объединяли вместе объекты из одного материала: две деревянные расчески. Более того дальнейшие эксперименты с детьми показали, что семилетние носители обоих языков делали выбор на основании формы, а начиная с девяти лет носители майя начинали объединять объекты по материалу.

Основной вывод доклада заключается в том, что язык интегрирован в когнитивные способности человека и неизбежно культурно специфичен. В поддержку этого тезиса Дж. Люси привел данные об особенностях изучения иностранных языков. Языковая интерференция из родного языка свидетельствует о том, что представления о мире, включающие категоризацию, тесно связаны с языком и культурой.

Ш. Цзясюань (Китай) в докладе «Существительные и глаголы в китайском языке в когнитивной, философской и типологической перспективах» изложил ряд соображений, по которым глаголы в китайском языке являются подклассом существительных.

В отличие от европейских языков, для которых наличие двух грамматических классов слов – глаголов и существительных, является неоспоримым, в китайском действия и события осмысляются как предметы (activities and events as things). Таким образом, структурную границу между существительными и глаголами в китайском языке провести невозможно.

Ориентация на существительные и конкретные объекты действительности, присущая китайскому языку и культуре, находит отражение в системе концептов «существования» китайского языка. В нем нет аналога глагола 'быть', привычного для европейцев. Вместо него присутствуют концепты *shi* 'являться' и *you* 'иметь / иметься'. Это происходит потому, что китайский язык ориентирован на существительные, для которых существование находится в пресуппозиции. Для них особенно важными являются свойства и наличие / отсутствие в актуальном пространстве. В результате, китайская философия не задается традиционным европейским вопросом «to be or not to be» – аналогом этого изречения является «to you or not to you» («иметься или не иметься»).

Доклад Л. Талми (США) «Как язык попадает в мишень: когнитивные механизмы, стоящие за дейксисом и анафорой» был посвящен механизмам, которые задействуются в процессе коммуникации, чтобы объект (мишень), к которому хочет привлечь внимание говорящий, попал в фокус внимания слушающего.

Для успешной коммуникации необходимо, чтобы слушающему были понятны дейктические и анафорические отсылки, используемые

говорящим, нужно поместить мишень в фокус внимания собеседника и таким образом задать координаты обсуждаемой ситуации. Для этого можно использовать различные лингвистические и экстралингвистические ключи, после чего говорящий может указывать на введенные таким образом объекты, используя дейктические и анафорические единицы (как например англ. *this-that/ here-there/ he-she/ it-they*).

Наряду с традиционно рассматриваемыми лексическими и жестовыми ключами (указательные слова и непосредственные указания на объект), Л. Талми вводит менее очевидные способы активизации мишени. Например, он рассматривает ситуативные ключи. Так, если собеседники входят в помещение и чувствуют сильный запах кофе, один из них может начать разговор с фразы: «Этот кофе мы выращиваем сами», – таким образом отсылая к ситуативно активизированной мишени. Ключом также может послужить объект, который попал в фокус внимания одного из участников коммуникации. Так, заметив, что в поле зрения собеседника попала некоторая машина, мы можем сказать: «Это – Феррари», – и наш комментарий будет понятен слушающему, потому что этот объект уже находится в фокусе его внимания.

Другой интересный тип ключей, который вводит Л. Талми, – это зеркальные жесты. Допустим, один из собеседников может спросить другого: «Что это у тебя на щеке?», показывая при этом на свою щеку. Слушающему при этом очевидно, что такой жест указывает на него косвенным образом и, пользуясь сходством человеческих тел, может догадаться, какая точка на его собственном лице является реальной мишенью жеста.

Одним из наиболее сильных впечатлений от конференции в целом было количество сторонников когнитивной лингвистики в Китае. Около трети докладов было сделано участниками из Китая (конечно, это связано и с местом проведения конференции), причем они были представлены почти на всех секциях профессорами и аспирантами, за исключением разве что секции, посвященной эволюции языка.

Значительная часть китайских докладов описывала результаты применения различных когнитивных теорий к традиционным для китайской лингвистики вопросам: системе видо-временных показателей, различению аспектуальных показателей *le1* и *le2*, различным типам пассивных, результативных и каузативных конструкций, предложениям существования и наличия, глагольным счетным словам, сериальным глагольным конструкциям, номинализации, случаям нарушения порядка слов и т.п.

Другим важнейшим направлением было описание метафор, в основном в понимании Дж. Лакова. Так, были представлены доклады о метафорах в научном языке, о метафорах, связанных с экономикой, которые использовались британской партией консерваторов на выборах 2010 г., о метафорах для «вверх» в английском и китайском, метафорах слухового восприятия в китайском и английском, метафорах, связанных с Олимпийскими играми в английском и китайском бизнес-дискурсе, метафоре «войны» в китайских и английских спортивных новостях, метафорах в названиях лечебных растений и т. д.

Был представлен целый ряд докладов, посвященных метафорическим наименованиям любви в классической китайской поэзии и современной популярной музыке, в тайваньской любовной лирике после 90-х, а также сравнению систем метафор любви в китайском и английском. Метафорам, связанным с температурными прилагательными, тоже было посвящено несколько докладов о системе температурных метафор в китайском, о китайских метафорах, связанных с огнем, а также о сочетаемости китайских прилагательных «холодный / горячий» с различными типами существительных. Интересно отметить, что эти сходные по тематике доклады были сделаны представителями разных университетов, что говорит о достаточно широком интересе к такого рода исследованиям в Китае.

Третьим важным направлением для китайских специалистов, присутствовавших на конференции, было применение достижений когнитивной лингвистики в обучении иностранным языкам, в частности, в когнитивных методиках преподавания английского (усвоении метафор, лексических прототипов и т. д.).

О большом интересе к когнитивной лингвистике в Китае свидетельствуют также книги, представленные на книжной выставке. В этот раз наряду с хорошо знакомыми русским лингвистам издательскими домами John Benjamins и De Gruyter Mouton были представлены китайские издательства Foreign language teaching and Research press и Shanghai foreign language education press. Серия, посвященная лекциям знаменитых лингвистов, издательства Foreign language teaching and Research press вызвала особенный интерес. В ней уже вышли циклы лекций Дж. Лакова, Р. Лангакера, Дж. Тейлора, Л. Талми, Ж. Фоконье, К. Синха, М. Тернера и Д. Геерартса. В каждое издание входит диск, на котором представлены видеозаписи (есть и аудиовариант в формате mp3) лекций, прочитанных в последние годы в ведущих университетах Пекина, и книга, дающая полную

расшифровку всех лекций с небольшим предисловием на китайском языке.

Книги, представленные китайскими издательствами, можно было приобрести прямо на выставке, а книги других издательств заказать со скидкой и бесплатной доставкой по указанному адресу. Такой интересный китайский опыт пропаганды лингвистических знаний могли бы, как кажется, с успехом перенять и наши крупные издательства.

Об успешном развитии когнитивной лингвистики в Китае свидетельствуют и совместные доклады китайских и европейских исследователей. Таким был доклад Чжан Вэйвэй (Китай), Д. Геерартса и Д. Спеельмана (Бельгия) «(Не)метонимические выражения для наименования правительства в китайском». Несмотря на то, что все исследователи представляли университет Лёвена в Бельгии, тема выступления скорее объединяла его с китайскими сообщениями. В свете когнитивной социолингвистики в докладе освещался вопрос о наименовании разных правительств в китайском языке. Корпусное исследование проводилось на материале газет на двух вариантах китайского языка: нормативного материкового и тайваньского. Каждый пример в корпусе был размечен по нескольким показателям, таким как стилистический регистр, синтаксическая позиция и пр. Задачей исследования было определение факторов, влияющих на выбор обозначения одного понятия метонимическим или неметонимическим способом (например, «Пекин» вместо «китайское правительство»), как потенциальный фактор рассматривалась и диалектная характеристика текста. Мощный статистический анализ подтвердил интуитивно понятные предположения: некитайское правительство реже называется метонимически, тогда как спектр наименований китайского правительства чрезвычайно широк и варьирует в зависимости от варианта китайского языка.

В русскоязычной публикации следует отметить серию корпусных докладов, освещавших данные русского языка с опорой на Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Они были представлены норвежской группой когнитивных исследований CLEAR под руководством Л. Янды и Т. Нессета.

Доклад Т. Нессета и А. Макаровой (Норвегия) «Прототипы и локальность: морфологическая вариативность в русских глаголах на -ну-» был посвящен морфологической вариативности в русских глаголах на примере чередования суффикса -ну- с нулевым показателем в глаголах типа *привыкнуть*. Исследование охватило большой массив примеров (более 34 тыс.): в базу данных попали все употреб-

ления этих глаголов в формах, допускающих вариативность. Корпус позволил описать распределение -ну- и нулевого суффикса в различных глагольных формах и определить факторы, влияющие на выбор формы с или без -ну-. Без -ну- используются личные формы глаголов в прошедшем времени немужского рода и префиксальные личные формы мужского рода, почти всегда без -ну- используются непрефиксальная форма мужского рода и префигированные причастия. Суффикс -ну- сохраняется в непрефиксальных причастиях и в деепричастиях. Статистический анализ показал, что на распределение -ну- и нулевого показателя влияют префиксация и глагольная форма, в то время как переходность и фонологические свойства основы оказываются статистически незначимыми факторами. Материал данного исследования позволил еще раз оценить факторы, важные для выделения прототипа: значение – наименее маркированное, формальное выражение – наиболее регулярное и частотность – наибольшая. Для описания вариативности -ну-/нуль было необходимо рассмотреть все указанные факторы во взаимодействии. Исследование показало, что для разных форм прототипичными оказываются разные варианты: с и без -ну-. Так, для деепричастий прототипом является форма с -ну-, а для финитной формы мужского рода с приставкой – без -ну-. Было продемонстрировано, что развитие прототипов может не охватывать всю категорию сразу и происходит на локальном уровне (*local domains*).

Т. Нессет и Л. Янда (Норвегия) представили доклад «Метафорическая форма действия: глагольные классификаторы в русском языке», подводящий итоги многолетнего исследования, посвященного приставкам русских глаголов. В нем предлагалось рассмотреть сходства между системой приставок в русском языке и глагольными классификаторами, обычно исследуемыми в австралийских языках. Как правило, классификаторы в тех языках, в которых их выделяют, являются группой сходных по функции показателей, различающихся в зависимости от формы референта в случае именных показателей или типа действия в случае глагольного класса. Глаголы с приставками в русском языке можно разделить на две группы. К первой группе будут относиться глаголы, в которых приставка привносит однозначно выделяемое значение: например, у приставки *раз-* есть значения ‘дробить’ (ср. *растоптать* от *топать*), ‘увеличиваться’ (ср. *раздуть* от *дуть*), ‘распространяться’ (ср. *раскатать* от *катать*). Ко второй группе будут относиться глаголы, в которых приставка не привносит легко выделяемого значения. Исследование показало, что для каждой из приставок набо-

ры значений в первой и второй группе глаголов сходны между собой, например, среди глаголов с приставкой *раз-* во второй группе представлены такие глаголы, как *раздавить* со значением 'дробить', *распухнуть* со значением 'увеличиваться', *разветвиться* со значением 'распространяться'. Таким образом, даже когда приставка не привносит непосредственного значения в приставочный глагол, она функционирует как классификатор, т. е. маркирует тип глагольной основы. Т. Нессет и Л. Янда продемонстрировали, что существует корреляция между семантическими типами глагольных основ и употребляемыми приставками – получается, что русский язык проявляет типологическое свойство, которое до этого считалось ареально ограниченным. Возможно, и в других давно изучаемых языках тоже есть глагольные классификаторы, которые скрываются под иными традиционными названиями.

Ю. Кузнецова и О. Ляшевская (Норвегия) представили два совместных доклада. В сообщении «Как взаимодействуют конструкции» они обратились к важному для современной теории грамматики конструкций вопросу: «Что происходит при взаимодействии двух конструкций в рамках одного предложения?». На примере трех пар конструкций русского языка авторы показали, что при взаимодействии двух конструкций их одинаковые по форме элементы сливаются, отличающиеся по форме непосредственно следуют за ними, а семантические и дистрибуционные ограничения конструкций на элементы влияют друг на друга.

В докладе «Конструкции и альтернации: могут ли две конструкции значить одно и то же?» Ю. Кузнецова и О. Ляшевская пришли к выводу, что для понимания того, как функционируют альтернации, необходимо представить примеры каждой конструкции как радикальную категорию [Lakoff 1987]. В этом случае некоторые примеры будут для конструкции более близкими к прототипу (например, *Он отдал почтальону письмо* близко к прототипу дативной конструкции), в то время как другие примеры будут расположены дальше от центра (например, *Он испортил ей жизнь*). Авторы показали, что во всех исследованных случаях альтернация может происходить между примерами периферийными для обеих конструкций либо между примерами прототипическими для одной, но периферийными для другой конструкции, но никогда между примерами прототипическими для обеих альтернирующих конструкций.

Конференция, конечно, слишком велика, чтобы осветить ее всю в жанре хроники и просто охватить все темы и все десять параллельных секций. Тем не менее мы хотели бы здесь

отметить, что когнитивный подход с успехом применяется к разным областям лингвистики от морфологии до социолингвистики, и в заключение обзора проиллюстрировать это на примере нескольких докладов.

Начнем с морфологического доклада С. Пеппера (Норвегия) «Стратегии ментального доступа в образовании сложных имен: данные из Африки». Он исследовал структуру сложных слов на материале африканского языка низаа (адамуа-убангийская семья нигер-конго). Место вершины сложного имени в низаа на первый взгляд совершенно непредсказуемо. Из 534 сложных слов в низаа, извлеченных из экспедиционного дневника Р. Тайля, в докладе рассматривались только 203 сложных слова, все части которых представляли собой существительные, причем в шестидесяти процентах случаев главное слово оказалось расположено слева от зависимого, в сорока – справа. С. Пеппер классифицировал всю выборку по типам семантических отношений. Выяснилось, в частности, что слова, описывающие термины родства и отношения часть-целое обычно имеют вершину справа, а слова, описывающие другие типы семантических связей, – слева. Если обобщить полученные результаты, можно сказать, что посессивные конструкции тяготеют к оформлению в правовершинные сложные слова, а при описании подтипа из группы имеют место сложные слова с вершиной слева. Здесь важно, что структура сложных слов коррелирует с характерными для низаа синтаксическими структурами: так, в посессивных конструкциях посессор предшествует объекту, а определение в низаа постпозитивное. Таким образом, описав свой материал в терминах семантических отношений, С. Пеппер показал системность различий между право- и левовершинными сложными словами в языке низаа и их мотивированность более общими правилами.

Другой морфологический доклад «Диминутивы в хорватском: взаимодействие морфологии, семантики и прагматики», представленный М. Жиц-Фукс и М. Кральевич (Хорватия), был посвящен именным диминутивам в хорватском языке. Система хорватских диминутивов напоминает русскую, выбор возможных суффиксов чрезвычайно широк (37 суффиксов), и принципы выбора также до сих пор до конца не определены. В цели корпусного исследования М. Фукс и М. Кральевич входило описание внутренней структуры категории диминутивности в хорватском языке, а также обнаружение более и менее продуктивных моделей. Таким образом, от привычного в литературе по славистике описания способов образования диминутивов исследовательницы обратились к вопросу функционального рас-

пределения различных показателей диминутивности. Исследование выявило, что диминутивные морфемы неравномерно распределены между существительными трех родов, более того, большое значение при выборе диминутивной морфемы имеет тип существительного: для абстрактных существительных выбор значительно уже, чем для конкретных, сложные суффиксы преимущественно используются с конкретными существительными. Семантика и прагматика мотивируют выбор диминутивной морфемы, а также коррелируют со сложностью самого диминутивного суффикса. В докладе, отражавшем первую стадию исследования, были намечены принципы организации внутренней структуры категории диминутивности в хорватском языке.

Лексикологический доклад Д. Тагги (Мексика) «К определению категории – *eggcorn*» был посвящен одному типу языковых ошибок, которые автор разбирал на примере слова *eggcorn*. Носитель английского языка, пользующийся этим словом, предполагает, что слово *acorn* ‘желудь’ является композитом и состоит из двух основ – *egg* ‘яйцо’ и *corn* ‘зерно’. Это предположение, хотя и этимологически не обоснованное, включает в себе некоторую логику. Можно представить себе, что желудь – это такое зерно, которое по форме похоже на яйцо. Получается, что в социуме присутствует одновременно два слова (*acorn* и *eggcorn*) для одного и того же понятия и носители не замечают того, что они пользуются разными лексемами, с различной этимологией и внутренней структурой. Д. Тагги предложил когнитивную модель для описания этой языковой ситуации.

М. Винтерс (США) в докладе «Синтаксис: знаковый или автономный?» предложила вернуться к известной дискуссии между сторонниками формальных и когнитивно-функциональных теорий о статусе синтаксиса в языке. В то время, как сторонники формальных теорий предлагают считать, что синтаксические явления можно изучать в отрыве от семантики, сторонники когнитивно-функциональных теорий полагают, что все синтаксические явления имеют семантическую подоплеку и в этом смысле являются знаками. Так, в формальных теориях предлагается описывать поведение анафорических местоимений, пользуясь чисто синтаксическим принципом С-командования, в то время как в когнитивно-функциональных теориях предлагается объяснить все те же явления, опираясь исключительно на семантику (см. [Ноек 1997]). М. Винтерс предложила специалистам по когнитивной лингвистике обсудить следующие утверждения. Во-первых, не существует способа показать, что весь синтаксис является знаковым, не исследовав всех воз-

можных синтаксических структур. Во-вторых, не до конца ясно, что бы могло служить контр-примером утверждения о знаковости синтаксиса: какую синтаксическую структуру мы готовы признать имеющей чисто структурные свойства? Например, готовы ли мы признать значимыми употребления анафорических местоимений в конструкциях, не имеющих значения рефлексивности или медиа (ср. франц. *s'en aller* ‘уходить’ или ивр. *hitpalel* ‘молиться’). М. Винтерс закончила свой доклад еще более глобальным вопросом: какова объяснительная сила теории знакового синтаксиса и насколько хорошо эта теория описывает то, как носители языка пользуются грамматикой.

Г. Кристьянсен (Испания) в своем психолингвистическом исследовании «Усвоение языка и категоризация диалектов: мультифакторный анализ экспериментальных данных» изучила вопрос, в каком возрасте дети начинают осознавать диалектные различия. Материалом послужили диалекты испанского языка. Сравнивались три диалекта, на которых говорят в Испании, а также диалекты Мексики, Аргентины и произношение иностранцев, изучающих испанский язык. Испытуемым в эксперименте предлагалось соотнести записанную речь с одним из диалектов в списке. Результаты показали, что дети в очень раннем возрасте (самая младшая группа в эксперименте – 6–7 лет) хорошо различают и идентифицируют диалекты. Затем Г. Кристьянсен задала вопрос: как происходит усвоение диалектных различий? В следующем эксперименте испытуемым было предложено объяснить, по каким именно признакам они отличают тот или иной диалект. На основании выявленных таким образом факторов был произведен мультифакторный анализ, который показал, что для «опознания» диалекта ребенку особенно важны два из них. Во-первых, это социально маркированные фонетические признаки (например, в андалусийском диалекте часто не произносится конечный согласный слова). Во-вторых, это наличие знаменитостей, которые говорят на этом диалекте (например, благодаря известному футболисту из Галисии многие могут ассоциировать то, как он говорит, с галисийским диалектом). Если хотя бы одно из этих условий выполняется, диалект опознается лучше и с более раннего возраста.

Доклад Д. Герарта (Нидерланды) «Характеристики понятия, основанные на прототипе, и лексические дистанции между диалектами» продолжил серию его работ о применении методов когнитивной лингвистики в социолингвистике. Лексические значения представляют собой гибкие образования, которые неравномерно распределены в языковом сообществе и

которые удобно описывать с помощью семантической модели, опирающейся на понятие прототипа. Чем менее знакомым и очевидным является некоторое понятие, тем выше уровень вариативности обозначающих его лексем. Материалом исследования послужили лимбургские диалекты Нидерландов и Бельгии, лексический состав которых и стал объектом квантитативного исследования. Д. Геерартс включает понятия прототипичности и закрепленности (entrenchment) в диалектологические исследования и показывает, что диалектную гетерогенность и дистанцию можно описать и измерить с помощью аппарата когнитивной лингвистики.

На ассамблее членов международной ассоциации когнитивных лингвистов был выбран новый президент организации. Л. Янду на почетном посту сменил К. Синха, президент ассоциации когнитивных лингвистов Великобритании. В 2013 г. когнитивных лингвистов примет университет Альберты (Канада), а в 2015 – университет Ньюкасла (Великобритания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Baayen et al. 2011 – R.H. Baayen, P. Hedrix, M. Ramscar. Sidestepping the combinatorial explosion: Towards a processing model based on discriminative learning. LSA workshop 'Empirically examining parsimony and redundancy in usage-based models'. Edmonton, 2011.

Hinds 1986 – J. Hinds. Situation vs. person focus. Tokyo, 1986.
 van Hoek 1997 – K. van Hoek. Anaphora and conceptual structure. Chicago, 1997.
 Horie (in press) – K. Horie. Versatility of nominalizations: where Japanese and Korean contrast // F.H. Yap et al. (eds.). Nominalization: diachronic and typological perspectives. V. 2. Amsterdam (in press).
 Ikegami 2005 – Y. Ikegami. Indices of a 'subjectivity-prominent' language: Between cognitive linguistics and linguistic typology. Annual review of cognitive linguistics 3. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
 Lakoff 1987 – G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Л.С. Холкина, Ю.Л. Кузнецова, А.Б. Макарова
 Сведения об авторах:

Лилия Сергеевна Холкина
 Институт стран Азии и Африки МГУ им.
 М.В. Ломоносова;
 Пекинский Университет
 kholkina@gmail.com

Юлия Львовна Кузнецова
 University of Tromsø
 julia.kuznetsova@uit.no

Анастасия Борисовна Макарова
 University of Tromsø
 anastasia.makarova@uit.no

XIV Международная конференция SPECOM'2011 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)

27–30 сентября 2011 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете состоялась XIV Международная конференция SPECOM'2011 «Speech and computer» («Речь и компьютер»).

Конференция «Speech and computer» проводится ежегодно, начиная с 1996 г., совместно Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации РАН (СПИИРАН) и Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ), которые выступают в качестве ее организаторов поочередно. Дважды данное мероприятие проводилось за пределами Российской Федерации – в Румынии и Греции. В конференции принимают участие специалисты – представители различных стран, школ,

направлений, работающие в области взаимодействия человека и компьютера. Объектом исследований является как устная, так и письменная речь. В центре интереса участников конференции находятся следующие проблемы: автоматическое распознавание устной речи; кодирование и передача речевого сигнала; автоматическое понимание устной речи; обработка многоязычной речевой информации; обработка мультимодальной и мультимедийной речевой информации; идентификация и верификация говорящего по голосу и речи; идентификация эмоционального состояния говорящего по голосу и речи; идентификация языка и акцента говорящего по речи; анализ и моделирование устно-речевого дискурса; лингвокриминалистические системы; системы обработки языко-

вой и речевой информации в промышленности; речепроизводство и речевосприятие; моделирование восприятия спонтанной устной речи; системы преобразования «текст-речь»; автоматические системы устно-речевого диалога; математическое и концептуальное моделирование естественных механизмов порождения и восприятия устной речи; лингвистические и паралингвистические коммуникативные стратегии; системы автоматического перевода; новые технологии в лингводидактике; речевые и языковые базы данных; перспективы эволюции речевых технологий; автоматическая обработка текста; экспертные системы; кодирование и декодирование устной и письменной информации; акустическая и лингвистическая стеганография и криптография; тестирование систем автоматического распознавания речи; измерение разборчивости речевой информации, передаваемой по различным каналам связи; речь в шумах и помехах; использование речевой информации в робототехнике.

Ежегодно в конференции участвуют представители многих стран: России, Австрии, Белоруссии, Бельгии, Канады, Чили, Китая, Чехии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Индии, Ирана, Ирландии, Италии, Японии, Кореи, Литвы, Малайзии, Мексики, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Испании, Швеции, Тайваня, Таиланда, Нидерландов, Турции, Великобритании, Украины, Вьетнама, США и др. Активными участниками являются Международная ассоциация по речевой коммуникации, Международная ассоциация по судебной фонетике и акустике, Российское акустическое общество и др. Происходит оживленный обмен мнениями, излагаются результаты исследований и принимаются решения, способствующие дальнейшему развитию отраслей фундаментальной и прикладной науки, связанных с обработкой естественной языковой информации и высокими технологиями.

Организаторами SPECOM'2011 были Московский государственный лингвистический университет и Казанский (Приволжский) федеральный университет (председатель оргкомитета – Р.К. Потапова).

В общей сложности было представлено 76 докладов, каждый из которых прорецензирован членами международного научного комитета, включающего ведущих специалистов в области человеко-машинного взаимодействия на базе естественного языка.

Большой научный интерес вызвали пленарные доклады. Четыре из них предварили открытие рабочих секций конференции в первый день ее проведения: Р.К. Потапова (Москва) «Многоязыковые устно-речевые базы данных

в России»; М.В. Хитров (Санкт-Петербург) «Синергетический эффект в речевых технологиях»; В. Делич, М. Сечуйски, М. Гнатович и др. (Сербия) «О научно-исследовательской деятельности в области речевых и языковых технологий в Сербии»; Р.С. Якушев (Казань) «Особенности компьютерной “локализации” татарского языка».

В докладе М.В. Хитрова (Санкт-Петербург) «Синергетический эффект в речевых технологиях» освещалась идея анализа речи на основе синергии различных компонентов, которая достигается на двух разных уровнях: 1) среди алгоритмов обработки речи представляется возможным выделить общие компоненты; 2) информация, получаемая на выходе одного анализатора, может быть использована для уточнения результатов другого анализатора. В работе рассмотрены три основных уровня синергии применительно к извлечению самой разной информации из речи. В настоящее время они используются в мировой практике: синергия высокоуровневых компонентов обработки речи, информационная синергия и синергия общего информационного поля. Ценность доклада заключается в том, что автор указывает на важность комплексного, синергетического подхода при анализе такого мощного источника информации, как речь.

В сообщении Р.К. Потаповой (Москва) «Многоязыковые устно-речевые базы данных в России» обзор языков на территории современной мультилингвальной России с приведением полезных статистических данных позволил сделать ряд выводов: 1) для изучения вопроса о различных формах языковой миграции, а также характеристик устной речи для языков бывшего Советского Союза и на современной территории Российской Федерации представляется необходимым обращение к исследованию языков стран СНГ и целого ряда бывших советских республик; 2) особого внимания заслуживает проблема изучения процесса исчезновения языков в условиях многонациональной России; 3) языки, на которых говорят в автономных республиках и регионах Российской Федерации и странах СНГ, требуют количественных и качественных параметров описания. Отмечалась также целесообразность исследования особенностей процессов взаимовлияния между русским языком и языками бывшего Советского Союза в области судебной фонетики. Проблема мультилингвального исследования характеризуется наличием целого ряда научных направлений: анализ речи применительно к человеко-машинному взаимодействию, разработка устно-речевых диалоговых систем, анализ звучащей речи и выявление акустических характеристик речевого сигнала,

составление фонетической мультилингвальной базы данных и, в частности, фонетического корпуса вибрантов в различных языках. Устно-речевые базы данных, прежде всего, должны составить объект разработки в таких областях речеведения, как фонетика и фонология, акустика, восприятие речи и т.д.

Доклад «О научно-исследовательской деятельности в области речевых и языковых технологий в Сербии» [В. Делич, М. Сечуйски, М. Гнатович и др. (Сербия)] представлял собой обзор исследовательских программ в области речевых технологий, которые в настоящее время проводятся в Сербии. Научными проектами в рамках таких программ занимаются междисциплинарные научные организации, имеющие следующую установку: внедрить передовые междисциплинарные подходы к изучению разнообразных вопросов в области речевых технологий и разработать новейшие компьютерные продукты. В докладе освещались четыре проекта, объектами исследования в которых являются человеко-машинное взаимодействие, устно-речевые диалоговые системы, автоматическое распознавание речи, синтез речи по тексту, голосовые порталы, пренатальное и доречевое развитие, восприятие речи, речеобразование, оценка вербальной коммуникации, паралингвистика, когнитивно-психосоматическая коммуникация, оценка качества речи, интернет-технологии в медицине, телемедицина, проектирование роботов, мультимодальное человеко-машинное взаимодействие и т.д. Еще одной немаловажной целью таких проектов является попытка сербского научного сообщества в сфере речевых технологий заявить о себе как о надежном партнере, который может быть принят в международные научные консорциумы.

В докладе Р.С. Якушева (Казань) «Особенности компьютерной “локализации” татарского языка» отмечалось, что компьютерная «локализация» татарского языка сыграла роль катализатора в развитии этого языка как государственного во всех сферах общественной жизни и структурах управления. Помимо этого в докладе были изложены некоторые проблемы «локализации» татарского языка применительно к компьютерной технике, как то: графической реализации татарских букв для использования высококачественных шрифтов, проверке орфографии и правописания, а также единой кодировке символов татарского алфавита. Рассматривая компьютерную «локализацию» естественного языка как один из видов моделирования культурологического феномена, автор доклада поднял не менее значимый вопрос философско-методического характера – применение методов синергетики в компьютерной лингвистике.

В последний день конференции SPECOM'2011 были представлены еще два пленарных доклада: «Тенденции в автоматическом анализе текстов» (А.А. Харламов, Москва) и «Речевой портрет коммуникантов в условиях “конфликта-консенсуса”» (Р.К. Потапова, Л.Р. Комалова, Москва).

В первом из них были представлены различные взгляды на автоматический анализ текстов и, в частности, на формирование смыслового «портрета» текста как одного из наиболее важных задач анализа. Данный аспект – это объединение более традиционных статистического и лингвистического подходов и когнитивного подхода, реализующихся на основе представлений об обработке информации, как речевой, так и текстовой, в головном мозге человека. Смысловой «портрет» текста при когнитивном подходе строится как ассоциативная частотная сеть, числовые характеристики которой перенормировываются в смысловые веса. В докладе была отмечена эффективность использования когнитологии в решении стандартных задач автоматического анализа текстов.

В заключительном пленарном докладе Р.К. Потаповой, Л.Р. Комаловой (Москва) «Речевой портрет коммуникантов в условиях “конфликта – консенсуса”» представлены результаты эксперимента по формированию речевого «портрета» говорящего в ситуациях конфликта и консенсуса. Исследование производительной экспликации коммуникативной модели «конфликт – консенсус» проводилось в 2009–2011 гг. в Центре фундаментального и прикладного речеведения МГЛУ. Актуальность такого исследования, прежде всего, продиктована потребностью диагностики конфликтности и выявления параметров перехода от конфликта к консенсусу и *vice versa*. Сам эксперимент включал в себя две составляющие: перцептивно-слуховой эксперимент, проводимый на материале реальных конфликтов на стадии предконфликта, и зрительный эксперимент в сочетании с перцептивно-слуховым, проводимый на материале телевизионных ток-шоу с консенсуальной коммуникацией и сценическими конфликтами. В ходе эксперимента получены данные, согласно которым определены наиболее существенные параметры для оценки социального «портрета» говорящего по голосу и речи, а также речевые маркеры перехода коммуникантов из состояния конфликта в состояние консенсуса и *vice versa*.

Пленарное заседание конференции SPECOM'2011 позволило сделать целый ряд серьезных выводов относительно настоящего положения дел в области речеведения и современных речевых технологий, а также опреде-

лить наметившиеся тенденции развития этой междисциплинарной научной области:

1. В настоящее время анализ такого многопланового феномена как звучащая речь уже не может представлять собой набор разрозненных, обособленных научных работ, результаты которых не могли бы дополнять друг друга. Автоматический анализ речи целесообразно проводить как комплексное, разностороннее исследование, где необходима синергия, совмещение самых разных научных направлений и достижений.

2. Речевые технологии имеют исключительно положительную динамику развития, которая характеризуется различными направлениями, начиная от человеко-машинного взаимодействия и заканчивая технологиями других наук, как, например, медицины.

3. Сложность и неоднозначность проблемы речевых технологий в России обуславливается ее мультилингвальностью и наличием одной из насущных проблем, решение которой должно стимулировать дальнейшее развитие речевых технологий (в частности, разработку мультилингвальных устно-речевых баз данных).

Пять рабочих секций конференции были распределены по трем дням ее проведения (27–29 сентября). Первая секция **«Фундаментальные и прикладные проблемы современного речеведения»** включала ряд докладов новаторского характера. Метод стеганографии, основанный на квантовании речевого сигнала по времени с опорой на частоту основного тона и квантовании параметрических данных, скрытых в сегментах, был представлен в докладе Р.К. Потаповой, М.О. Салагай (Москва) «Разработка метода стеганографии с целью сокрытия данных на базе речевых параметров». Было отмечено, что, принимая во внимание естественную сегментацию речи и особенности восприятия речи человеком, авторам доклада удалось достичь высокого уровня защиты конфиденциальных данных от несанкционированного доступа.

Сравнительный анализ просодических элементов (тон, ритм, ударение и интонация) как средств речевого воздействия в таких языках, как английский, немецкий и нидерландский, составил содержание доклада Р.К. Потаповой, А.В. Москвиной (Москва) «Просодические признаки как средство речевого воздействия». Предпосылкой такого анализа явилась постановка следующего вопроса: схожи ли просодические единицы в упомянутых языках или же они обладают дифференциальными признаками. Результаты первого из двух частей исследования (акустический анализ ча-

стоты основного тона, уровня интенсивности и временных характеристик) показали, что, хотя английский, немецкий и нидерландский языки принадлежат к одной и той же языковой семье, в этих языках наблюдаются разные просодические особенности, выступающие как средства речевого воздействия. Результаты второй части эксперимента (во время которого испытуемые прослушивали языковой материал и описывали следующие особенности: высота голоса, темп речи, длительность пауз в речи и способы их заполнения, сила голоса, ритм и т. д.) показали, что языковая компетенция имеет отношение к эффекту речевого воздействия. Новизна проведенного анализа определяется отсутствием в настоящее время работ, освещающих сравнение сразу нескольких языков на предмет различия просодических характеристик как средств речевого воздействия.

Среди других значительных результатов в текстах докладов рассматриваемой рабочей секции можно отметить следующие:

– использование системы перефразирования для сокрытия информации применительно к стеганографии с учетом стилистических особенностей различных текстов может обеспечить надежную стеганографическую систему, способную предоставить обмен сообщениями со скрытой информацией, а также способствовать разработке алгоритмов для анализа текстов на наличие скрытого сообщения, в том числе и в автоматизированном режиме [А.П. Ким (Москва) «Лингвистические детерминанты средств защиты и извлечения смысловой информации»];

– большой интерес представило определение статистических данных (таких, как частота встречаемости) русских монофонов и дифонов, функционирующих в стилистически гетерогенных корпусах текстов, содержащих 460 965 словоформ, свыше 1 млн слогов и 2 500 000 фонем. Полученные результаты могут быть использованы для типологических межъязыковых сравнений и для совершенствования систем автоматического распознавания русской речи [Н.С. Смирнова, П.Г. Чистиков (Санкт-Петербург) «Статистика монофонов и дифонов в русском языке»];

– с помощью инновационного метода изучения механизмов речевой артикуляции, в частности метода на базе томографа TO MIKON S 50 (BRUKER) (МРТ), были в деталях изучены артикуляционные профили русских губных согласных [б] и [м] в определенных вокалических контекстах с последующим обсуждением результатов исследования [Г.Е. Кедрова, Л.М. Захаров, Н.В. Анисимов (Москва) «О веляризованности русских губных согласных»];

– проведен перцептивно-слуховой эксперимент как часть разработанного метода анализа индивидуальных и личностных особенностей речи на основе целого набора просодических характеристик. Эксперимент включал использование специально созданного опросного листа, способствующего определению характерных особенностей говорящего, что позволило выявить специфику слухового восприятия спонтанных вербальных сообщений при отсутствии невербальных визуальных средств [Р.К. Потапова, В.В. Потапов, М.В. Хитина (Москва) «Особенности варьирования фонетических признаков спонтанного речевого материала (на основе перцептивно-слухового анализа)»].

– в докладе Р.К. Потаповой, В.В. Потапова, М.В. Хитиной (Москва) «Определение темы текста, воспринятого в затрудненных условиях (экспериментальное исследование)» были представлены результаты проведения слухового анализа речи в условиях зашумленности. Задача заключалась в определении темы устного сообщения при разных видах речевой деятельности (чтение текста, монолог, диалог и полилог без предварительной подготовки). Анализ восприятия материала в затрудненных условиях показал, что на восприятие влияет сложность в формулировании как глобальной, так и локальных тем текста; в затрудненных условиях лучше воспринимаются диалоги (полилоги); анализ глобальной и локальных тем текста свидетельствуют о том, что информанты используют для формулировок разные стратегии; восприятие текста в затрудненных условиях и определение тем текстов – задачи разного плана и т. д.;

– в результате экспериментального исследования слухового восприятия спонтанных диалогов в условиях белого шума были определены факторы, способствующие правильной формулировке глобальной и локальных тем диалогов на основе количества и качества воспринятых речевых единиц [Ю.В. Абрамов, Р.К. Потапова, М.В. Хитина (Москва) «Смысловая интерпретация спонтанного звучащего диалогического текста (в условиях зашумления речевого сигнала)»];

– в докладе С.П. Курбатова, А.А. Литвиновича, Г.С. Хахалина (Белоруссия) «Синтез выражений русского жестового языка по естественно языковому контексту» была рассмотрена проблема синтеза русского жестового языка и естественного языкового контекста. При этом приведены характеристики онтологического описания, служащего связующим звеном между лексическим анализатором, жестовым синтезатором и экспериментальной частью.

Секция «Автоматизированные системы распознавания, понимания и синтеза устной речи» включала доклады, отражающие новейшие разработки и достижения в области автоматического распознавания речи. Так, в докладе Д. Пекара, М. Янева, Н. Яковлевича и др. (Сербия) «Системы распознавания слитной речи с применением метода марковских цепей на базе дополнительного моделирования акустической вариативности» был представлен инновационный метод, улучшающий точность работы систем по распознаванию непрерывного речевого сигнала на основе скрытых марковских моделей. Метод основан на дополнительном моделировании акустической вариативности в базовой системе распознавания непрерывного речевого сигнала в форме гауссовских смешанных компонентов. Сущность метода заключается в разработке новых скрытых марковских моделей путем приписывания акустического состояния каждому гауссовскому компоненту. Экспериментальные результаты показали, что предлагаемая система имеет значительные улучшения по сравнению с базовой системой.

Доклад Ф. Стоутена, И. Иллиной, Д. Фора (Франция) «Метод кластеризации повторяющихся лексем в системе распознавания речи» освещал новейшие технические средства для обнаружения повторяющихся лексем, извлекаемых из заданного словаря в системе распознавания связной речи, основанной на словаре больших размеров и используемой для транскрибирования данных из новостных сообщений, передаваемых в устно-речевой форме. В докладе сообщалось, что предлагаемая система состоит из двух блоков: детектора слов, извлекаемых из словаря, и модуля кластеризации, который обрабатывает обнаруженные сегменты слов. Сам алгоритм кластеризации основан на оценке энтропии. В результатах было отмечено, что сочетание детектора лексем из словаря и кластеризации сегментов слов из этого словаря может предоставить большую точность в сравнении с использованием только одного детектора слов из заданного словаря.

Г. Куку, Л. Бесаки, К. Буриляну и др. (Румыния) для решения проблемы недостатка ресурсов базовых и узкоспециализированных текстов для систем распознавания румынской речи в докладе «Расширение возможностей автоматического распознавания румынской речи за счет использования корпусов текстов, полученных в результате машинного перевода и из Интернета» предложили использовать тексты, полученные на базе машинного перевода, а также тексты, доступные в интернет-среде. Авторы отметили, что благодаря данной методике в сравнительно небольшие сроки удалось

получить систему распознавания румынской речи, не зависимую от говорящего.

В докладе П.Ю. Юркова, М.Л. Корневского, К.Е. Левина (Санкт-Петербург) «Повышение помехоустойчивости автоматической системы распознавания речи с учетом варьирования уровня громкости» были приведены результаты разработки по улучшению помехоустойчивости в процессе автоматического распознавания речи при изменении уровня громкости с приведением расширенных статистических данных.

Разработка адаптивной модели языка множества предметных областей с использованием эксплицитного семантического анализа была представлена в докладе «Мультипространственная языковая адаптационная модель на базе эксплицитного семантического анализа» [К. Кильгур, Ф. Крафт, С. Штюкер, А. Вайбель (Германия)].

Создана и описана модель, прогнозирующая вероятность появления границ между предложениями исключительно на основе просодических характеристик: частоты основного тона, уровня интенсивности и длительности пауз. При этом предложенный алгоритм работает в режиме реального времени и предсказывает вероятность появления границ предложения для каждого перерыва по частоте основного тона. Полученные данные используются в качестве дополнительного источника информации при автоматическом распознавании речи (автоматическое обнаружение границ предложений в режиме реального времени применительно к системе автоматического распознавания русской речи) [П.Г. Чистиков, О. Хомицевич (Санкт-Петербург) «Обнаружение в реальном времени границ предложений на базе автоматической системы распознавания русской речи»].

В докладе Т.И. Ибрагимова, Ф.И. Салимова, М.Р. Сайхунова (Казань) «Синтезатор татарской речи по тексту» была представлена экспериментальная версия синтезатора татарской речи. При этом опыты по аудированию показали удовлетворительную разборчивость синтезированной речи, хотя по звучанию татарская речь на выходе синтезатора несколько отличается от натуральной.

Вопросам обработки данных в речевых технологиях была посвящена секция «Автоматическая обработка мультилингвальной, мультимодальной и мультимедийной информации». В докладе А.А. Ронжина, В.Ю. Будкова (Санкт-Петербург) «Определение и фонозапись активного говорящего в условиях помещения для совещаний» была поднята проблема автоматического подбора оптималь-

ных средств видеонаблюдения за активным выступающим в помещении для совещаний, где присутствуют более тридцати участников дискуссии. Авторы доклада провели эксперименты, в которых для записи сообщений говорящего осуществили локализацию аудиоисточника и средств видеонаблюдения. При этом для определения текущего положения говорящего использовалась локализация мультиканального аудиоисточника. Видеообработка сигналов пяти камер послужила средством регистрации участников обсуждения. При этом отслеживался главный выступающий и проходила видеозапись аудитории. Проведенные эксперименты показали, что разработанная аудиовизуальная система зафиксировала сообщения всех говорящих.

В докладе М.Л. Корневского, И.А. Пономаревой, К.Е. Левина (Санкт-Петербург) «Сегментация новостных текстов на русском языке в режиме реального времени» был предложен онлайн-метод сегментации с выделением тем в слитной речи применительно к вещанию новостей. Такой подход основан на данных о границах предложений, получаемых с помощью системы их автоматического обнаружения. Рассматриваемый в работе алгоритм сопоставляется с другим методом, при котором для деления спонтанной речи на фрагменты используется только пороговая величина количества слов. Авторы доклада отметили, что принятие в расчет данных о границах предложений для деления слитной речи на фрагменты в целях классификации выделяемых тем обеспечивает повышение их точности обнаружения и систематизации на 25–30%.

Другие доклады, представленные в данной секции, отмечены не менее значимыми и полезными научными результатами. Реализована гибридная дискриминантно-порождающая EV-HMM(GMMs) система диаризации. При этом показана эффективность итеративного взаимодействия между порождающим и дискриминантным блоками, позволяющая превзойти по качеству диаризации EV-VBA системы в случае коротких диалогов [доклад Т.С. Пеховского, А.К. Шулипы (Санкт-Петербург) «Гибрид генеративных и дискриминативных моделей для задачи диаризации в коротком телефонном диалоге»].

В докладе А.А. Жарких (Мурманск) «Канал передачи речи от одного человека к другому как нелинейный канал передачи гибридных аналого-цифровых сообщений» были представлены математические модели, которые могут быть использованы для описания некоторых механизмов речеобразования и слуха, и

изложены соответствующие выводы, среди которых: 1) канал передачи речи от одного человека к другому есть нелинейный канал передачи гибридных аналого-цифровых сообщений; 2) в речевом тракте человека входной сигнал из головного мозга преобразуется в выходной сигнал речи с расширением спектра и увеличением амплитуды; 3) слуховая система речи имеет тонкую структуру, обусловленную многоканальностью.

Доклад В.Г. Санникова, С.А. Маслова (Москва) «Оптимизация алгоритма калмановской фильтрации зашумленной речи» был посвящен представлению зашумленного речевого сигнала в виде отклика голосового тракта, задаваемого уравнениями состояния и наблюдения, синтезирован оптимальный линейный фильтр. При этом проведена оценка параметров фильтра на основе метода наименьших квадратов с конечной памятью.

Представлен эффективный вычислительный метод фонемной сегментации, не зависящей от типа текстов и дающий надежные результаты. Такой метод получен в результате эксперимента с использованием функции спектральной вариативности, а также простого непараметрического метода фонемной сегментации [доклад Дж. Вайнбергера, Х. Дауди, Х. Яхиа (Франция). «Улучшение представления речевой волны с учетом программы ДИС-ТБИК, предназначенной для фонемной сегментации»].

Рабочая секция «Автоматизированные системы идентификации/верификации, эмоционального состояния и языковой принадлежности говорящего» включала доклады, ориентированные на проблемы автоматизации определения различных характеристик говорящего. Цель, поставленная авторами сообщения «Применение упрощенного одностороннего анализа варьирования для нахождения более информативных признаков с целью определения языкового интеллекта на базе речи испытуемых» [К. Заблוצкая, С. Заблочкий, С. Вальтер, В. Минкер (Германия)], – автоматическое определение вербального интеллекта говорящих на основе порождаемых ими высказываний. Эксперимент заключался в просьбе людей различного возраста и с различным образованием дать описание одного и того же события. На основе записанной речи уровень вербального интеллекта был измерен с использованием специального теста. Для транскрибированных монологов были определены лингвистические особенности, стиль и ключевые слова. Для обнаружения говорящих с более высоким или более низким вербальным интеллектом использованы программы опорных векторов с учетом отмеченных лингвистических

особенностей. С целью определения более информативных признаков применен простой односторонний дисперсионный анализ, давший содержательные результаты.

В докладе И.А. Главатских, А.М. Широковой, А.П. Зыкова (Москва) «Применение N-граммной модели сглаживания и фонемной кластеризации при решении задачи автоматической идентификации языка» использован фонотактический метод, в основе которого лежит расчет вероятности принадлежности к языку по его N-граммной модели, обученной на множестве автоматически распознанных последовательностях фонем. С целью повышения точности системы идентификации языков разработан метод сглаживания, а также сокращенный инвентарь фонем. Проведенные авторами доклада эксперименты показали, что для решения задачи идентификации языка (на примере русского языка) предложенные подходы приводят к увеличению точности. Применение сокращенного инвентаря позволило увеличить точность системы на 9,8 %, а совместное использование разработанного метода сглаживания N-граммной модели привело к увеличению точности еще на 1,3 %.

Среди других полученных экспериментальных результатов следует упомянуть следующие:

– применение метода доверительного интервала для параметрических кривых оценки результатов автоматического распознавания говорящего [доклад С.Л. Коваль, А.А. Лохановой (Санкт-Петербург) «Использование метода определения величин доверительного интервала как инструмент оценки результатов автоматического распознавания говорящего»];

– представлен новый метод не зависящий от текстов автоматической идентификации говорящего. Он базируется на дифференциальном классификаторе и дает лучшие результаты, нежели другой инновационный метод, предполагающий моделирование нормальных распределений [доклад Н.А. Любимова, Д.А. Леднова, М.Ю. Андреева (Москва) «Система автоматической идентификации говорящего, разработанная на основе дискриминативного классификатора»];

– проанализировано влияние наркотического опьянения на частоту основного тона говорящего, и получены данные, согласно которым основной причиной изменений частоты основного тона является эмоциональное состояние говорящего. В работе также указано, что у людей, продолжительно принимающих наркотики героиновой группы, проявляется тенденция к снижению частоты основного тона ежегодно на 3% [доклад А.А. Раева, Ю.Н. Матвеева, Т.И. Голощаповой (Санкт-Петербург/Мо-

сква) «Эффект влияния длительного употребления наркотических средств на частоту основного тона говорящих»];

– в докладе А.А. Журавлевой (Москва) «Экспертный метод идентификации индивидуальных признаков личности по его речи» был представлен метод психологического шкалирования, позволяющий прогнозировать персональные черты говорящего по его речи. Такой метод подразумевает построение модели личности в результате процедуры обучения, отбора и поддержки экспертов;

– для построения UBM-модели GMM-систем распознавания диктора предложен алгоритм обучения, основанный на вариационном байесовском анализе вместо традиционно используемого алгоритма с учетом метода максимального правдоподобия [доклад Т.С. Пеховского, А.И. Лохановой (Санкт-Петербург) «Выбор UBM модели с помощью вариационного байесовского анализа для GMM-UBM систем распознавания диктора»];

– определены изменения, которым подвергаются различные параметры голоса и речи человека под влиянием смены языкового кода, а также установлены характеристики, которые остаются неизменными в речи носителей русского языка при переходе на немецкий язык [доклад Т.С. Платоновой, А.А. Смолиной (Москва) «Идентификация говорящего с учетом изменения языкового кода (на материале русского и немецкого языков)»].

Заключительной рабочей секцией конференции явилась секция **«Корпусная лингвистика применительно к устной и письменной речи»**, где были продемонстрированы результаты разработки корпусов текстов, на основе которых представляется возможным проводить различные исследования. В докладе А.В. Архипова, О.Ф. Кривновой, А.А. Лебедева (Москва) «Речевой корпус «Интонация русского диалога»» была представлена разработка речевого корпуса «Интонация русского диалога», который, как отмечается в работе, изначально ориентирован на звучащую речь, а не на письменный текст. Такой корпус иллюстрирует роль просодии в современном русском языке. Его основная цель – детальная просодическая транскрипция представительного массива диалогических высказываний в сочетании с их семантико-прагматическими и грамматическими аннотациями. Корпус «Интонация русского диалога» в первую очередь предназначен для исследователей русского языка, а также для обучающихся ему. От корпусов, создаваемых для целей автоматической обработки речи, он отличается специализированной классификацией и специальным под-

бором диалогических реплик, репертуаром локальных и интегральных просодических характеристик, что представляет особый интерес для лингвистов, занимающихся фонетикой и речеведением.

В докладе В. Пилипенко, В. Робейко, М. Сашок и др. (Украина) «Формирование речевого корпуса на базе украинских новостных сообщений» было представлено описание этапов разработки корпуса устно-речевых новостных сообщений на украинском языке. При этом дается обзор настоящего положения дел в создании украинских речевых корпусов. Украинский корпус устно-речевых новостных сообщений содержит спонтанную украинскую речь, морфологически аннотированную и транскрибированную. Помимо этого, в докладе освещаются основные идеи и технические решения, использованные в записи и компьютерном аннотировании для уже существующих речевых корпусов.

В других докладах, представленных на секции, затрагивались различные научные проблемы и методика их решения с применением данных корпусов. Создан алгоритм, позволяющий реализовать процесс автоматической предварительной обработки текстовых данных (взятых из русских текстовых корпусов) для языкового моделирования [доклад С. Заблоцкого, К. Заблоцкой, В. Минкера (Германия) «Автоматическая предварительная обработка корпусов русскоязычных текстов с целью последующего моделирования языка»].

Разработана программа, преобразующая разметку звукового сигнала из текстового формата в формат данных xml и позволяющая представить отраженные в разметке сигнала уровни в виде иерархии, каждый уровень которой соответствует определенному уровню языка; такой подход делает возможным поиск средствами языка запросов LINQ тех сегментных и супра-сегментных единиц и их статическое описание, которые необходимы для дальнейшего исследования [доклад С.О. Тананайко, Д.А. Кочарова, К.Р. Садуртиновой (Санкт-Петербург). «Программа статистической обработки корпуса речевых данных»].

Организаторы конференции SPECOM'2011 констатировали, что уровень представленных вниманию участников конференции докладов по-прежнему высокий, тематика исследований разнообразна и достаточно полно разработана. Несомненно, SPECOM'2011 позволит продолжить традицию регулярного обмена мнениями и результатами исследований, что положительно повлияет на дальнейшую эволюцию компьютеризации естественных языков в России и

на развитие продуктивных научных контактов ученых разных стран мира.

Обоснованность организации конференции в Казани на базе Казанского университета не вызывает сомнения. Лингвистическая школа Казанского университета, восходящая к Бодуэну де Куртенэ, всемирно признана. С конца 70-х гг. XX в. произошло объединение усилий казанских лингвистов и специалистов в области компьютерных технологий в разработке проблем компьютерной лингвистики и организации естественного языкового интерфейса в диалоге «человек – ЭВМ». После принятия Закона о языках народов Республики Татарстан работа в данном направлении интенсифицировалась. В условиях многонациональной России интерес к опыту компьютеризации исследований татарского языка вполне обоснован.

В частности, в Академии наук Республики Татарстан существует целостная концепция компьютерной поддержки основных языков населения республики. Такой подход обеспечивает повышение активности функциональной роли языка и его значения как хранителя этнических и культурных традиций. Создание машинного фонда того или иного языка открывает широкую перспективу для разнообразных исследований, имеющих практическую направленность, что актуально для решения

определенных проблем, обусловленных миграционными процессами, взаимопроникновением и интерференцией языков.

Для изучения языка и речи Международная конференция «Речь и компьютер» (SPECOM) является прекрасной возможностью для координации и уточнения направлений исследований в международном масштабе.

Анализ обсужденных докладов показал, что наиболее активная работа ведется в направлении корпусной лингвистики, автоматизированных систем анализа – синтеза речи, распознавания и понимания речи, эмоционального состояния говорящего, математической обработки данных. Заслушанные доклады в большинстве случаев носили практический характер. Представлены были также и глубокие концептуальные теоретические обобщения.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

Сведения об авторах:

Родмонга Кондратьевна Потапова
Московский государственный лингвистический университет

Всеволод Викторович Потапов
МГУ им. М.В. Ломоносова
rkpotapova@yandex.ru

Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова)

16–17 ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла ежегодная Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня», организатором которой выступает Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, в этот раз посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Труды ученого, как известно, затрагивают большой круг вопросов, связанных с проблемами языка, что позволило представить широкий спектр докладов, так или иначе касающихся самых разных областей лингвистики.

В рамках программы конференции, включавшей пленарные (16 ноября) и секционные (17 ноября) заседания, состоялось около 50 устных докладов, в работе приняли участие лингвисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Но-

восибирска, Перми, Екатеринбурга, Великого и Нижнего Новгорода, Пскова, Тамбова, Череповца, Архангельска, а также Украины (Черкассы).

На пленарном заседании было заслушано 11 докладов, в большей части которых нашла отражение идея преемственности в языкознании взглядов и отдельных положений теории М.В. Ломоносова.

Доклад Е.В. Грудевой (Череповец) был посвящен истокам формирования оценки научного вклада М.В. Ломоносова в лингвистику. Неслучайно в XIX – самом начале XX в. специалисты по истории языкознания С.К. Булич и А.Н. Чудинов отметили абсолютно самостоятельные решения ученого наряду с компилятивным характером некоторых разделов грамматики; провести в истории языкознания водораздел между доломоносовским периодом и периодом, связанным с деятельностью

Ломоносова, позволило принципиально новое для своего времени отношение ученого к речи, проявившееся в методах работы с языковым материалом.

К.П. Сидоренко (Санкт-Петербург), анализируя текст «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, в том числе касаясь наиболее спорных положений, связанных с теорией глагола, отметил, что собственно практическая ценность этого труда чрезвычайно велика: в нем заложено современное понимание языковой нормы, ориентированное на принципиальную вариантность, конкуренцию, целесообразность использования возможностей языка; в свете современной лингводидактики устанавливаются положения, соотносимые с экспериментом, синхронией и диахронией, функциональностью, межъязыковым сопоставлением, социолингвистикой и т. п.

Оживленную дискуссию вызвал доклад «Диминутив в грамматике М.В. Ломоносова и современных грамматических описаниях» Т.В. Шмелёвой (Великий Новгород), предложившей вернуться к обсуждению состава форм русского имени и, основываясь на активном функционировании диминутивов в современной речевой практике и возможности без затруднений получить их от множества существительных (что, как указал автор, свидетельствует об их регулярности), включить их в именную парадигму.

В докладе И.Н. Левиной (Санкт-Петербург) проблематика описания лексико-синтаксических моделей сложноподчиненного предложения была связана с поиском путей лексикографического описания идиолекта на синтаксическом уровне; предложена структура словарной статьи, разработанная на материале текстов М.В. Ломоносова в Национальном корпусе русского языка.

В.Г. Дидковская (Великий Новгород) привлекла внимание к тому, что в эпистолярном наследии М.В. Ломоносова выявляются черты, позволяющие говорить о содержательной близости данного типа текстов и автобиографической литературы.

И.А. Мартыанова (Санкт-Петербург) в своем выступлении остановилась на актуальности «Краткого руководства к красноречию» М.В. Ломоносова для современной риторики.

Мысль о преемственности лингвистических идей разных исторических периодов и их интерпретации просматривалась и в докладах, напрямую не связанных с личностью М.В. Ломоносова.

С.Г. Ильенко (Санкт-Петербург) в докладе «Персонализация и ее слагаемые в тексте», рассмотрев проблему презентации автора в художественном тексте с ориентацией на ка-

тегорию предикативности в ее виноградовской трактовке и на диалог, понимаемый в аспекте теории чужого голоса М.М. Бахтина, отметила значимость фрагментов, где автор диалогизирует речевое пространство; в качестве текстовых средств сопряжения персонажного и авторского голоса выступают конструкции с чужой речью (точнее, их текстовые презентации – диалогемы), а также метатекстовые (чаще всего вводные и вставные компоненты) и интертекстовые вкрапления; их общее свойство – нарушение синтагматической линейности текста.

В.Д. Черняк (Санкт-Петербург) показала динамику русских гендерных стереотипов на основе сопоставительного анализа первичных текстов (фрагменты «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, «Хронографа» и др.) и вторичных текстов, представленных в русской версии «Плутарха для прекрасного пола или жизнеописания великих и славных жен всех наций, древних и новых времен» (1816–1819): трансформация образа идеальной женщины в биографиях выдающихся россиянок наблюдается и в описании женской красоты, и в интерпретации роли женщины в истории; в предпушкинскую эпоху основные женские добродетели позиционируются ключевыми словами *кротость*, *скромность*, *доброта*.

В докладе М.Я. Дымарского (Санкт-Петербург) «К истории оппозиции сочинения – подчинения» было показано, что к первой трети XIX в. сформировалась ситуация, когда идея подобной оппозиции буквально витала в воздухе. Особое внимание было уделено концепциям первых ученых, попытавшихся придать логическим понятиям координации и субординации грамматический смысл: оппозиции паратаксиса vs. «собственно синтаксиса» (позднее – гипотаксиса) у Ф.В. Тирша («Griechische Grammatik...», 1826) и оппозиции сочинения vs. подчинения у Н.И. Греча («Практическая русская грамматика», 1827).

В докладе И.Г. Милославского (Москва) был выдвинут тезис о том, что новая научная парадигма в лингвистике будет сформирована на основе теории речевых действий; эти параметры, по мнению докладчика, определяют возвращение к описанию русского глагольного вида на основе семантических характеристик «однократность» и «результативность»; указанный подход прежде всего должен найти отражение в лексикографии: так, в русско-иноязычном словаре предпочтительнее сопровождать русские глаголы не пометами *сов.* или *несов.*, а пометами *однократность*, *результативность* или отсутствием таковых.

По мнению С.Н. Цейтлин (Санкт-Петербург), представившей доклад «Русская морфо-

логия в зеркале детской речи», та грамматическая система, которую выстраивает в своем сознании любой ребенок, осваивающий родной язык, близка к тому, что можно назвать идеальной грамматикой: в ней отсутствует одна из характерных черт любого естественного языка: асимметрия плана содержания и плана выражения языковых единиц.

На секции «Словари и писательская лексикография» основное внимание было сосредоточено на обусловленном спецификой предмета описания научном поиске креативных способов лексикографирования языкового материала.

В докладе Н.В. Богдановой (Санкт-Петербург) свойства полифункциональности и вариативности дискурсивных единиц были рассмотрены на примере употребления гезитационной единицы «не это самое»; обоснована необходимость разработки словарной статьи со специфической структурой в создаваемом словаре дискурсивных единиц русской речи на основе переноса внимания с лексико-стилистических свойств единиц на их функцию.

В выступлении А.Д. Еськовой (Санкт-Петербург) «Лексикографические параметры представления церковнославянизмов в идеологическом словаре романа М. Горького “Жизнь Клима Самгина”» была представлена структура словарной статьи, позволяющая отразить особенности писательского идиолекта, связанные с преобразованием исходного значения слова в тексте.

Е.А. Осокина (Москва) привлекла внимание к проблеме лексикографического отражения в словаре идиолекта писателя таких средств выразительности, как параллелизм, градация и другие фигуры речи, были предложены фрагменты словарных статей, разработанные для идиоглоссария Ф.М. Достоевского.

В докладе И.С. Куликовой и Д.В. Салминой (Санкт-Петербург) на основе сопоставления принципов отбора информации и структуры словарной статьи в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» Ф. Толя с предшествующими и последующими российскими энциклопедическими изданиями убедительно показано, что он представляет крупное неординарное явление в культуре XIX в., значимость которого еще недостаточно оценена.

А.С. Кулевой (Москва) был рассмотрен вопрос о месте усеченных прилагательных в системе имени прилагательного, на обширном материале показано, что такие формы встречаются в русской поэзии начиная с вирш XVII в. и до наших дней, выполняя не только версификационную, но и стилистическую функцию.

На секции «Текст и аспекты его лингвистической интерпретации» предметом обсуждения стали проблемы системно-структурного анализа как художественных, так и нехудожественных текстов разной стилистической принадлежности.

Н.В. Данилевская (Пермь) показала, что в научном тексте средства речевой выразительности используются с целью концептуализации нового знания: они обеспечивают выход за рамки типичных для научного изложения качеств, чем достигается «стилистический взрыв», при этом выразительность изложения преднамеренно увеличивается автором в точках выражения именно нового (неизвестного) знания.

В докладе В.А. Марьянич (Архангельск) медиаполитический текст был охарактеризован с точки зрения его оценочной структуры, предложена инвариантная, состоящая из 12 элементов (образ автора, образ адресата, образы персонажей – носителей ценностей, образы персонажей – носителей антиценностей и др.), модель аксиологической структуры текста, а также выявлено, что ее наиболее часто встречающиеся варианты включают 4–7 элементов.

И.В. Столярова (Санкт-Петербург) рассмотрела развитие современного жанра массовой литературы – путеводителя, указав, что тенденция привнесения субъективного взгляда пишущего определяет специфику «авторских» путеводителей и сближает их с жанром путевых заметок, имеющим давнюю историю в русской и мировой литературе.

М.Б. Хрымова (Санкт-Петербург) в докладе «Зрение “внутреннее” и “внешнее” в каноническом Четвероевангелии», проанализировав синтагматику глаголов *видѣти*, *зрѣти*, *смотрѣти* др. в каноническом Четвероевангелии, констатировала стилистическое разграничение пар *знати* – *зрѣти* и *видѣти* – *вѣдати*, тем самым расширив справедливость аналогичного вывода В.В. Колесова, сделанного на материале древнерусских текстов начала XV в.

В докладе Т.В. Романовой (Нижний Новгород) был представлен образец методики анализа художественного текста на основе понятия «изотопия»; инвентарь семантических признаков позволил выявить в цикле «Воскрешение лиственницы» из «Колымских тетрадей» В. Шаламова специфику формирования образа лиственницы как символа силы, жизни (живучести), бессмертия, памяти, неоднозначности добра и зла.

Л.К. Кузнецова (Псков) показала, что успешное декодирование подтекстовой информации в рассказе А.П. Чехова «Черный монах»

обеспечивается ключевыми словами САД и ЧЕРНЫЙ МОНАХ, ассоциативно-смысловые поля которых формируются на историко-культурологической основе; текст интерпретируется в русле переосмысления библейского сюжета о грехопадении и изгнании из рая (черный монах / искушитель; сад / рай) как притча о гордыне и искушении.

На секции «Интерпретация элементов языковой системы» были подняты дискуссионные, обусловленные взаимодействием ярусов языка, вопросы квалификации языковых единиц, а также рассмотрены особенности текстового функционирования.

Л.А. Пиотровской (Санкт-Петербург) в докладе «История изучения междометий: от М.В. Ломоносова до современности» были показаны пути осмысления междометий в лингвистических исследованиях на протяжении двух с половиной веков; приведены данные экспериментально-фонетического исследования интонации междометных высказываний на материале русского и чешского языков, позволяющие прийти, в частности, к выводу о том, что многозначные междометия обладают определенной семантической структурой.

В выступлении А.Л. Шарандина (Тамбов) внимание было сосредоточено на соотношении словообразования и формообразования; поставлен вопрос о статусе способов представления субстанции в качестве особой формообразовательной категории русского существительного (субстантива).

Дискуссию вызвал насыщенный интересным материалом доклад Е.Э. Пчелинцевой (Украина), посвященный «присутствию» видовой семантики в отглагольных существительных, позволяющей ставить вопрос о такого рода дериватах как глагольных формах.

И.П. Матхановой (Новосибирск) проблемы взаимодействия системы и среды исследовались на примере презентации категорий времени и лица в «конвенциональных жанрах» (договора, резюме и др.), прослежено явление функциональной избирательности, приводящее к устойчивости грамматических характеристик, имеющих существенное влияние на организацию текста.

В докладе Н.Н. Ореховой (Санкт-Петербург) основное внимание было уделено функционированию парцеллированных конструкций в рекламном тексте, выступающих как средство речевой актуализации его части и как средство экспрессии.

Т.В. Губернской (Санкт-Петербург) была предложена методика работы на занятиях со студентами I курса с использованием Национального корпуса русского языка, спо-

собствующая осмыслению сложных явлений современной орфографии, принципов формирования нормы и ее лексикографического представления.

На секции «Языковая картина мира и современные лингвистические представления о языке» рассматривался круг вопросов, связанных с особенностями функционирования единиц языка, определяемыми его динамикой, современной языковой ситуацией и языковой личностью коммуниканта.

В докладе Е.М. Лазуткиной (Москва) «Проблемы культуры речи и языковой политики» рассматривалась роль СМИ в процессе искажения норм языка, развивалось положение о необходимости защиты права пользователей слушать правильную русскую речь; было предложено ввести характеристики узуса, отражающие параметры речевой культуры: объем узуса (количество и качество речевого общения носителей языка), социальный диапазон узуса (разнообразие сфер коммуникативного взаимодействия), частотность речевого взаимодействия.

Доклад Н.Е. Сулименко (Санкт-Петербург) был посвящен специфике когнитивно-коммуникативных стратегий, ориентированных на построение дискурса лжи; освещалось место дискурса лжи в ряду смежных явлений (впечатление, ошибка, иллюзия, фантазия, имитация, девиация, мистификация и др.), не посягающих, однако, на права адресата с целью ввести его в заблуждение; были продемонстрированы различные лексические маркеры дискурса лжи и смежных дискурсов.

Г.А. Жуковская (Санкт-Петербург) представила результаты проведенного лингвистического эксперимента, дающего основания констатировать, что отрицательный оценочный компонент в слове *гламур* и положительный оценочный компонент в слове *интеллигенция* проявляют стабильность, несмотря на навязывание идеологии гламура в СМИ.

В докладе Е.В. Сергеевой (Санкт-Петербург) получила освещение детерминация некоторых физических терминов М.В. Ломоносова, а также описаны термины, изменившие свою семантику в процессе развития русского литературного языка и специального языка физики.

Н.В. Козловская (Санкт-Петербург) в своем докладе, обратившись к проблемам описания терминосистемы в философии, констатировала, что в творчестве Л. Шестова сталкиваются четыре понимания истины, соотносимые и не соотносимые с философским и словарным терминологическим узусом, что и придает термину «истина» статус авторского, т. е. актуали-

зирующего в настоящее время связь с текстами этого философа.

Доклад С.Ю. Пыриной (Санкт-Петербург) был посвящен прикладным аспектам изучения агнонимов, в частности типам лингвистического комментария в школе.

На секционных заседаниях прозвучали сообщения аспирантов: М.В. Виноградовой, О.С. Ильиной, Ю.О. Кальниченко, Ю.О. Поспеловой и Ю.С. Хельмяновой (Санкт-Петербург).

Конференция завершилась заседанием, на котором были подведены основные итоги.

Выступившие участники отметили деловую и доброжелательную атмосферу, обеспечившую плодотворность научной работы.

По результатам конференции опубликован сборник научных статей.

И.Н. Левина

Сведения об авторе:

Ирина Николаевна Левина
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
iri555007@yandex.ru

Виноградовские чтения 2012 г.

19 января 2012 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) прошли очередные (сорок третьи) Виноградовские чтения. В этот раз они были посвящены проблемам изучения языка художественной литературы. Открыл заседание директор Института академик РАН А.М. Молдован, отметив, сколь большое значение имеет выбранная тема для В.В. Виноградова, который после юношеских исследований по истории фонетики почти до начала войны занимался в основном языком художественной литературы.

Открылись чтения докладом А.В. Вдовиченко (Москва) «Литературный язык на фоне коммуникации и семиотики». В нем подробно рассматривалась субъектная модель представления языковых фактов, субъектная семиотика и критически осмыслилась объектная семиотика. Как было отмечено, носитель языка знает не язык, а набор коммуникативных моделей, которыми реализует нужные действия. Пока языковая форма не стала достоянием личной коммуникативной синтагмы, не произошло личное словообразование для осуществления действия, нельзя говорить о существовании какого-либо значения в языковой форме. Для иллюстрации условности понятия «литературный язык» был проанализирован перевод первой строфы «Евгения Онегина» на английский язык.

А.Я. Шайкевич (Москва) в сообщении «Язык русской прозы XIX в. на фоне НКРЯ» на материале корпуса русской прозы XIX в. и разрабатываемого на его основе частотного словаря представил анализ лексики, употребляемой в прозе этого периода. Докладчик привел список максимально специфичных слов

для этого жанра: *вы, да* (союз), *его, ее, я, то* (част.), *отвечать, ты, уж, говорить*. Был дан обзор основных процессов, характеризующих лексическую картину XIX в.: 1) сокращается доля притяж. местоимений по отношению к личным, уменьшается частота слов *ли, весьма, тотчас* и *отчего, подле* (*сразу, почему, около, возле* становятся более популярными); 2) среди условных союзов «побеждает» *если* (*коли, кабы, ежели* ушли из языка); в группе слов с отрицательной оценкой самым частотным оказывается *плохой* (исчезают *скверный/-но, дурной/-но* и др.); 3) снижается частота не только церковно-славянизмов, но и народных слов, необязательно диалектизмов; 4) небольшой ряд слов, например *ну*, сохраняют свои позиции в указанном жанре и сейчас. Реже встречаются следующие словообразовательные единицы: 1) суфф. *-еньк-* (*миленький*), преф. *пре-* (*прескверно*), финаль *-ша* и под. (*генеральша, чиновница*). Также был дан краткий анализ лексики, изменившей свою употребительность или семантику под влиянием социальных преобразований. Такой частотный подход позволяет обнаружить многие интересные факты, которые не заметны языковой интуиции.

В докладе О.В. Евтушенко (Москва) «Эволюция художественного мышления по данным языка русской прозы» были представлены результаты обобщения и систематизации специфических диахронических изменений, возникающих в структурах знаний в процессе освоения мира средствами художественной речи. Исследователь отметила, что в современных художественных текстах воплощается, в зависимости от личности автора, либо художественное мышление, сосредоточившееся на поиске новой системности, способной дать оче-

редное приращение знаний, либо обыденное мышление, проявляющееся в снижении степени генерализации знаний, сосредоточении внимания на внешней, акциональной, стороне явления в ущерб сущностной, в удовлетворенности автора узуальными обозначениями стандартно выделенных фрагментов фрейма. В докладе была предложена периодизация развития художественного мышления, показаны изменения в структурах знаний с XVIII по XXI в. на примере истории развития концепта «поцелуй».

О.И. Северская (Москва) в сообщении «Социопэтика, или Диалектология стиха» рассмотрела возможность создания социолингвистической поэтики, что является развитием идей В.В. Виноградова об изучении языка каждого художника в свете общих вопросов «диалектологической стилистики» и «диалектологии». О.И. Северская полагает, что следует достроить существующую систему терминов и ввести понятия «социолект» (для характеристики языков поэтических поколений, течений), «региолект» (применительно к языку поэтических объединений в регионах), «общее ядро» (множество общих признаков, присущих всем идиолектам), «наддиалектная структура» (суммарная система языка, доступная включению в общее ядро). Также необходимо исследовать структуру каналов коммуникации, обеспечивающих взаимодействие групп с читательской массой.

Вторую часть чтений открыл К.Я. Сигал (Москва) докладом «Бытийный синтаксис в романе-эпопее М.А. Шолохова “Тихий Дон”». Предметом исследования были взаимодействие и конкуренция безглагольных бытийных предложений детерминантной и бездетерминантной разновидности. Выявлены их композиционно-смысловые и изобразительные функции и показано, что организация данного фрагмента синтаксической поэтики «Тихого Дона» отражает как общие закономерности функционирования и развития бытийных предложений в книжно-письменном речевом узусе, так и жанровую специфику романа-эпопеи.

Л.Н. Саакян (Москва) в сообщении «Эвфемизмы в художественном тексте» рассмотрел такие понятия, как «эвфемизм», «эвфемизация» и «эвфемия». Автором также был предложен термин «принудительная эвфемизация», под которым понимается интерпретационная тактика приписывания статуса эвфемизма безоценочной номинации.

В докладе Г.Е. Крейдлина (Москва) «Проблема невербального сценического общения» был представлен анализ особенностей сценического взаимодействия естественного языка и телесных кодов в современном драматическом театре. Утверждалось, что, если европейский театр XVI – первой трети XVIII в. был фактически бестелесным, то в конце второй трети XVIII в. апофатическое отношение к телу в жизни и на сцене постепенно начинает меняться. Зритель стал наблюдать за телом актера (телесными контактами, жестами), действиями тела и над телом, а не только слышал голос исполнителя роли. В XX в. в Европе возник целый ряд театральных школ, которые радикально отошли от текста и литературной теории и в которых жесты и невербальные знаковые модели поведения стали играть преобладающую роль. Принятые в них художественные системы и театральные языки подчеркивали самостоятельную значимость театральности как средства самовыражения, как способа репрезентации и особого семиотического кода. На материале реплик и ремарок пьес Шекспира (преимущественно «Гамлета») Г.Е. Крейдлин показал, как реализовались некоторые из рассматриваемых театральных систем на практике.

Следующие Виноградовские чтения планируется провести в январе 2013 г.

Ю.С. Капитанова

Сведения об авторе:

Юлия Станиславовна Капитанова
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН